

Продолжение нового сериала
от автора цикла романов-бестселлеров
«СТЕКЛЯННЫЙ ТРОН»!

LADY
FANTASY

САРА ДЖ. МААС

КОРОЛЕВСТВО ГНЕВА И ТУМАНА

Блистательный мир,
сложные характеры, опаляющая любовь...

RT Book Reviews

АЗБУКА

Lady Fantasy

Сара Маас

Королевство гнева и тумана

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Маас С. Д.

Королевство гнева и тумана / С. Д. Маас — «Азбука-Аттикус», 2016 — (Lady Fantasy)

ISBN 978-5-389-13206-1

Фейра уже не та простая смертная девушка, какой была на землях людей. Здесь, в Притиании, она обрела бессмертие, развила магические способности, ее возлюбленный – верховный правитель Двора весны, и скоро состоится их свадьба. Но когда-то она заключила договор с правителем Двора ночи и обязана неделю каждого месяца проводить в соседних владениях, о которых идет недобрая слава. Между тем владыка Сонного королевства, давний враг Притиании и мира людей, готовит вторжение на их земли. В его руках мощный артефакт, давший когда-то жизнь всему миру и способный оживлять мертвых. Противостоять его силе может лишь Книга дуновений, и Фейра делает все возможное и невозможное, чтобы заполучить Книгу. Впервые на русском языке продолжение романа Сары Дж. Маас «Королевство шипов и роз»!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-13206-1

© Маас С. Д., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	51
Глава 8	64
Глава 9	70
Глава 10	73
Глава 11	77
Глава 12	82
Глава 13	89
Часть вторая	93
Глава 14	93
Глава 15	97
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Сара Дж. Маас

Королевство гнева и тумана

Sarah J. Maas

A COURT OF MIST AND FURY

All rights reserved

This edition published by arrangement with Bloomsbury USA and Synopsis Literary Agency

Серия «Lady Fantasy»

Copyright © Sarah J. Maas, 2016

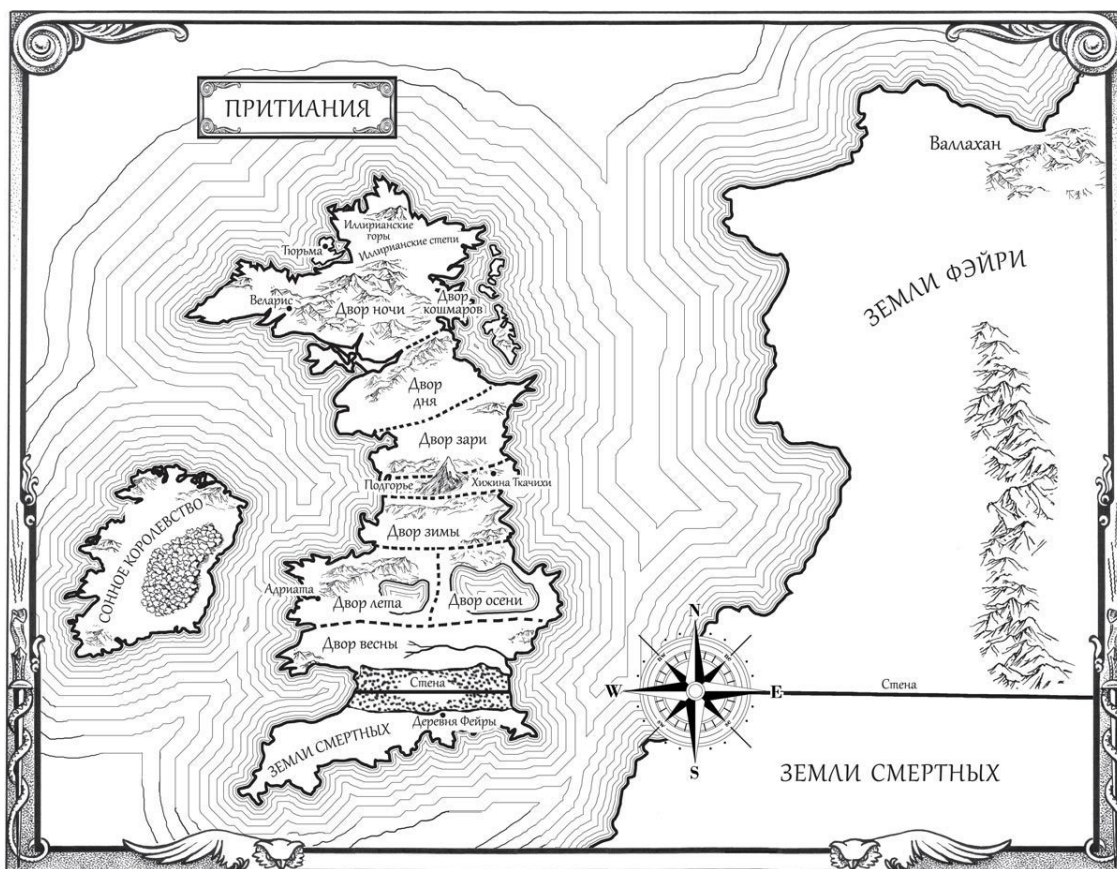
© И. Иванов, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Джошу и Энни – подданным моего личного Двора мечтаний

Возможно, в душе я всегда была сломленной. И темноты во мне тоже хватало.

Быть может, кто-то иной, родившийся более цельным и совестливым, взял бы кинжал из горной рябины и предпочел бы смерть тому, что меня ожидало.

Все вокруг было залито кровью.

Я с трудом удерживала эфес кинжала. У меня тряслась рука, перепачканная в чужой крови. Я буквально разваливалась на куски, а труп убитого мною фэйского юноши уже остывал на мраморном полу.

У меня не хватало сил отшвырнуть кинжал. Я не могла сдвинуться ни на шаг, продолжая стоять перед трупом.

– Хорошо, – одобрительно промурлыкала с высоты трона Амаранта. – Продолжай.

Меня уже ждал другой кинжал и другая жертва, застывшая на коленях. Женщина.

Я знала слова, которые она шептала. Фэйка читала молитву.

Я знала, что убью и ее, как перед этим убила парня.

Убью всех троих, только бы освободить Тамлина.

Я – истребительница невиновных и спасительница страны.

– Не торопись, дорогая Фейра. Приступай, когда будешь готова, – растягивая слова, произнесла Амаранта.

Ее длинные черные волосы блестели, струясь по алому платью. Алому – как кровь на моих руках и на мраморном полу.

Убийца. Истребительница. Чудовище. Врунья. Обманщица.

Я не знаю, к кому относились эти слова. Границы между мною и самозванной королевой совсем размылись.

Мои пальцы разжались, и кинжал со стуком упал на пол, подняв брызги в расползавшейся луже крови. Часть капель попала на стоптанные сапоги, напоминавшие о моей смертной жизни. Та жизнь осталась настолько далеко, что вполне могла сойти за один из кошмарных снов, одолевавших меня в последние несколько месяцев.

Я взглянула на фэйку, ожидавшую смерти. Мешок на ее голове сполз набок, хрупкое тело не вздрагивало. Она приготовилась принять смерть от моей руки, принеся себя в жертву.

Я потянулась за вторым кинжалом, застывшим на бархатной подушечке, которую держал такой же застывший слуга. Моя влажная, жаркая ладонь сжала эфес, и он показался мне ледяным. Караульные сдернули мешок с головы обреченной фэйки.

Я узнала лицо, глядящее на меня.

Я знала эти серо-голубые глаза, золотисто-каштановые волосы, полные губы и выпирающие скулы. Знала слегка заострившиеся уши, руки и ноги, ставшие совершеннее и сильнее. Все прежние смертные недостатки исчезли, сменившись едва заметным сиянием, что излучают тела бессмертных.

Я знала всю пустоту, отчаяние и порочность, написанные на этом лице.

На этот раз рука, сжимавшая кинжал, не дрожала.

Левой рукой я сжала плечо, ощутив под кожей тонкую кость, и посмотрела в ненавистное лицо – мое лицо.

Потом всадила рябиновый кинжал в сердце, ожидавшее удара.

Часть первая Дом зверей

Глава 1

Я успела добежать до отхожего места, где меня и вывернуло. Я обнимала холодные стенки горшка и исторгала из себя все, что съела накануне, стараясь особо не шуметь.

Единственным источником света в этой просторной комнате с мраморными стенами была луна. Ее лучи струились через окно, а меня продолжало тошнить. Хвала богам, что сравнительно тихо.

Когда меня рывком выбросило из сна, Тамлин даже не шевельнулся. Поначалу я не поняла, где нахожусь, не в силах отличить темноту своей комнаты от вечной ночи в подземной тюрьме Амаранты. Холодный пот, покрывавший мое тело, был липким, как кровь тех фэйцев. Сообразив, что я все-таки дома, я поспешила в купальную.

Я просидела там минут пятнадцать, терпеливо дожидаясь, когда затихнут позывы на рвоту и меня перестанет лихорадить.

Дышалось все еще с трудом, и я не отваживалась поднять голову от мраморного горшка. Я старалась успокоить дыхание. Мне всего лишь приснился кошмарный сон. Один из многих кошмаров, нынче преследовавших меня во сне и наяву.

Со времени событий в Подгорье прошло три месяца. Три месяца приспособления к бессмертному телу и миру. Мир, разнесенный Амарантой на куски, стремился обрести былую цельность.

Я сосредоточилась на дыхании. Вдох через нос, выдох через рот. Снова и снова.

Убедившись, что позывы прекратились, я подняла голову, выпрямилась и прошла к соседней стене. Встала у окна с треснувшим стеклом, – следы разгрома, учиненного подручными Амаранты в нашем доме, попадались на каждом шагу. Прохладный ветер, проникавший сквозь трещины, приятно охлаждал липкое от пота лицо. Я села на пол, уперлась головой в стену, а руками – в холодные мраморные плитки. Они были настоящими.

Мир вокруг меня тоже был настоящий. Я осталась в живых. Я совершила невозможное.

Если только это не сон – не один из лихорадочных снов, посещавших меня в застенках Амаранты. Тогда я проснусь в своей камере и...

Я подтянула колени к груди. Все вокруг меня – настоящее. Настоящее.

Я произносила эти слова вслух до тех пор, пока не разжались руки, обхватывающие колени. Тогда я подняла голову, а пальцы сжала в кулаки, да так сильно, что ладоням стало больно от впившихся ногтей.

Сила бессмертного тела – в большей степени проклятие, нежели дар. Вернувшись в поместье Тамлина, я три дня подряд развлекалась тем, что гнула и сворачивала в бараний рог все ложки, вилки и ножи, которые попадались под руку. К тому же мои ноги, став длиннее и быстрее, без конца спотыкались. Кончилось тем, что Асилла убрала из комнат, где я появлялась, все мало-мальски ценное. До сих пор помню ее ворчание, когда я опрокинула стол с вазой почтенного восьмисотлетнего возраста. Вдобавок я расколотила пять стеклянных дверей, и все лишь потому, что закрывала их с излишней силой.

Шмыгнув носом, я разжала пальцы.

Моя правая рука была длинной и гладкой. Совершенно фэйской. А вот левая...

Я вытянула левую руку. Темно-синие узоры татуировки, казавшиеся сейчас почти черными, покрывали пальцы, запястье, тянулись до локтя и словно втягивали в себя тьму поме-

щения. Глаз, вытатуированный на ладони, постоянно следил за мной, и я к этому почти привыкла. Он напоминал кошачий: такой же спокойный и себе на уме. Днем зрачок этого глаза сужался, а в темноте, как сейчас, – расширялся. Совсем как у обычного живого глаза.

Я хмуро посмотрела на глаз и на того, кто мог через него за мною наблюдать.

За все три месяца жизни в нашем поместье я ничего не слышала о Ризе – так про себя я стала называть Ризанда. Ни единого случайно оброненного слова. Я не осмеливалась спрашивать Тамлина, Ласэна или кого-нибудь еще, чтобы ненароком не обратить на себя внимание верховного правителя Двора ночи и не напомнить ему о дурацком уговоре, который заключила с ним в Подгорье. Я тогда умирала от раны в руке – и, скорее всего, умерла бы, если бы не Риз. Он спас и меня, и руку, но за это я согласилась проводить с ним одну неделю в месяц.

Но даже если Риз «чудесным» образом забыл о нашем уговоре, моя левая рука напоминала о нем постоянно. Думаю, Тамлин с Ласэном тоже помнили, хотя вслух ничего не говорили.

Даже если Риз, в конце концов... даже если он и не был моим злейшим врагом...

Но Тамлин считал его своим врагом. Да и другие дворы тоже. Считанные единицы достигали границ Двора ночи и оставались в живых. Никто толком не знал, что находится на самой северной оконечности громадного острова Притиания.

Горы и тьма, звезды и смерть.

Однако я не считала Ризанда таким уж врагом, особенно если вспомнить наш последний разговор спустя всего несколько часов после убийства Амаранты. Разговор был достаточно откровенным, и потому ни Тамлин, ни кто-либо еще о нем не знали.

«Радуйся, Фейра, что твое сердце осталось человеческим. И пожалей тех, кто вообще ничего не чувствует», – сказал он мне тогда.

Я сжала пальцы левой руки в кулак, скрыв «недремлющее око». Потом встала, подошла к умывальнику, смыла с лица пот и прополоскала рот.

Я очень хотела перестать что-либо чувствовать.

Я очень хотела, чтобы мое сердце, как и все тело, претерпело изменения и превратилось в кусок бессмертного мрамора. Однако сердце мое меняться не желало и напоминало исполосованный клочок тьмы, сочащийся гноем и отравлявший все внутри.

Когда я вернулась в спальню, Тамлин продолжал мирно посапывать. Его обнаженное тело лежало поперек кровати. Я залюбовалась сильными мышцами его спины, красиво подсвеченными луной, золотистыми волосами, разметающимися во сне. Его пальцами, которые я кусала и щипала во время недавних любовных утех.

Все, что я сделала с собой, я сделала ради него. Я с радостью сокрушила себя и свою бессмертную душу.

А теперь мне предстояло целую вечность жить в этом состоянии.

Я шла к кровати. Мои шаги становились все тяжелее и грузнее. Простыни успели высохнуть и остыть, я скользнула в постель, повернулась к Тамлину спиной и обхватила себя руками. Тамлин дышал ровно и глубоко. Но со своими фэйскими ушами... Иногда мне казалось, что я улавливаю малейшую задержку в его дыхании, даже если та длилась доли секунды. У меня не хватало духу спросить, спит ли он или проснулся и лежит, притворяясь спящим.

За все ночи, в которые очередной кошмар вышибал меня из сна, Тамлин ни разу не проснулся. Наверное, он все-таки не слышал, как меня выворачивает по ночам. А если слышал и знал, то предпочитал молчать.

Схожие кошмары мучили и его, причем не реже, чем меня. Когда это случилось с ним впервые, я проснулась и попыталась заговорить. Тамлин оттолкнул мою руку. Его кожа была

липкой от пота. Потом он принял свой звериный облик – вмиг вырастив мех, когти, рога и клыки – и провел остаток ночи на полу возле кровати, следя за дверью и окнами.

Потом у Тамлина было еще много похожих ночей.

Я свернулась калачиком, натянув одеяло почти на нос. Ночь стояла холодная, а мне хотелось тепла. Между мною и Тамлином возникла негласная договоренность: ни в коем случае не признаваться, что Амаранта по-прежнему терзает нас ночью и днем. Тело самозванной королевы сожгли на костре, но мы не хотели, чтобы ее дух чувствовал себя победителем.

Отпавшая необходимость объясняться облегчила жизнь нам обоим. Я могла не рассказывать Тамлину то, о чем мне было тяжело говорить. Я освободила его, спасла его подданных и всю Притианию от Амаранты, но... разбила себя на множество кусков.

Сомневаюсь, что мне хватит вечности, чтобы собрать все куски воедино.

Глава 2

– Я тоже хочу поехать.

– Нет.

Я скрестила руки, накрыв правой бо́льшую часть татуированной левой, и слегка расставила ноги, словно намеревалась сражаться. Разговаривали мы в конюшне.

– За три месяца ничего не случилось. До деревни всего полторы лиги.

– Нет.

Время двигалось к полудню. Сквозь открытые двери в конюшню лился яркий солнечный свет, подсвечивая золотистые волосы Тамлина. Верховный правитель Двора весны застегивал на груди перевязь, плотно набитую кинжалами. Его лицо, красивое суровой мужской красотой, – такое, как я себе и представляла, пока он ходил в маске, – было предельно серьезным. Губы – плотно сжатыми.

Кобыла Ласэна – светлая, в крупных серых яблоках – нетерпеливо перебирала ногами. Ласэн уже сидел в седле, как и трое дозорных из фэйской знати. Услышав мои слова, Ласэн предостерегающе покачал головой, сощутив металлический глаз. «Не сердись», – без слов говорил мне Ласэн.

Покончив с перевязью, Тамлин направился к своему черному жеребцу. Я скрипнула зубами и пошла следом.

– Деревня нуждается в помощи. Мои руки не будут там лишними.

– Не забывай, что мы до сих пор вынуждены охотиться на зверье Амаранты, – сказал Тамлин, мгновенно оказавшись в седле.

Иногда я думала: зачем ему лошадь? Для поддержания видимости, что он, подобно остальным, не умеет передвигаться иным способом? Но ведь это не так. Тамлин способен бежать быстрее любой лошади. Я не раз говорила ему, что он живет одной ногой в лесу. Сейчас глаза Тамлина напоминали две зеленые льдинки.

– У меня нет лишних дозорных для твоего сопровождения, – сказал он, трогая поводья.

– Мне не нужно сопровождение, – возразила я, хватаясь за поводья.

Я вынудила жеребца остановиться. Золотое кольцо на моем пальце, украшенное квадратным изумрудом, блеснуло на солнце.

Подарок Тамлина по случаю нашей помолвки. Предложение он мне сделал два месяца назад. Дни и вечера превратились в нескончаемые торжества с обилием цветов, нарядов, гостей и яств. Неделью назад я получила краткую передышку. Наступил день зимнего солнцестояния. Я переделалась из шелков и кружев в хвойные ветви и гирлянды из листьев. По сути, я меняла один праздник на другой, и все же перемена внесла некоторое разнообразие.

Празднование зимнего солнцестояния длилось три дня и изобиловало угощением и выпивкой. Все делали друг другу небольшие подарки. Самую длинную ночь мы провели на вершине холма, перейдя из старого года в новый, когда солнце «умерло», чтобы утром «родиться» заново. Во всяком случае, смысл церемонии был таким. Зимнее солнцестояние праздновалось в краю вечной весны! Ха. Впрочем, даже сей забавный факт не прибавил мне желания веселиться. Видно, я не рождена для праздников. Они утомляют куда сильнее, чем будни.

Я не особо вслушивалась в рассказы о том, где и как появился этот праздник. Однако фэйцы азартно спорили. Одни утверждали, что праздник родился при Дворе зимы, другие – при Дворе дня, и каждая сторона называла его самым святым из всех торжеств. Я лишь понимала, что мне нужно выдержать две церемонии подряд. Первая начиналась с заходом солнца. На холмах полыхали костры. Гости выпивали, танцевали, обменивались подарками, устраивая своеобразные поминки по умершему солнцу. А потом, когда глаза слипались от

бессонной ночи, а ноги болели от танцев вокруг костра, нужно было приветствовать рождение солнца и наступление нового года.

Хуже всего, что мое положение требовало находиться среди знати, не забывая и о фэйри из низших сословий. Тамлин в это время произносил нескончаемые тосты. Я благо-разумно умолчала, что на самую длинную ночь приходился и момент моего рождения. Я и так получила более чем достаточно подарков. А сколько еще их преподнесут мне на свадьбу! Как и прежде, я не нуждалась в большом количестве вещей.

До свадьбы оставалось всего две недели. Я чувствовала: мне обязательно нужно вырваться из поместья. Я устала тратить деньги Тамлина и ловить на себе подобострастные взгляды фэйри и фэйцев.

– Тамлин, возьми меня с собой. Жизнь деревень возрождается не так быстро, как хотелось бы. Я могу пригодиться. Я еще не разучилась охотиться. Я могу добыть пищу для жителей деревни. Она там не лишняя.

– Там небезопасно, – отрезал Тамлин, вновь трогая поводья.

Даже в сумраке конюшни черная шкура жеребца блестела, как зеркало.

– А для тебя – особенно небезопасно, – добавил он.

Этот разговор у нас возникал не впервые и всегда заканчивался одной и той же фразой. И всего-то я просила позволить мне отправиться в ближайшую фэйскую деревню, которую Амаранта когда-то сожгла дотла и которая теперь восстанавливалась.

Я шагала рядом с его конем, и мы вышли наружу. День выдался безоблачный, слабый ветерок играл высокими травами на склонах окрестных холмов.

– Фэйцы хотят вернуться в родные края. Им сейчас нужна любая пара рук, готовых помочь.

– Пойми же ты наконец: эти фэйцы видят в тебе благословение. Ты для них – символ новой жизни. Если с тобой вдруг что-то случится...

Тамлин резко оборвал фразу и остановился у тропы, что вела в восточные леса. Ласэн дожидался его в нескольких локтях.

– Бесполезно что-то строить, если зверье Амаранты совершает набеги на наши земли и все крушит.

– Но охранительные заклинания...

– Некоторым тварям удастся прошмыгнуть раньше, чем мы накладываем новые заклинания в местах прорывов. Не далее как вчера Ласэн уложил пятерых нагов.

Я посмотрела на Ласэна. Тот дернулся. Вчера за обедом он и словом не обмолвился о своем приключении. Когда я спросила, почему он прихрамывает, Ласэн мне соврал. У меня свело желудок. Не из-за вранья. Из-за нагов. Иногда мне снилось, как я убиваю их, а на меня хлещет кровь. Я и сейчас видела ухмыляющиеся змееподобные морды нагов, которые пытались расправиться со мною в западных лесах. Тех тоже было пятеро.

– Пойми, у меня есть очень важные дела. Но я не смогу их выполнять, если постоянно буду думать, не грозит ли тебе беда.

– Никакая беда мне не грозит.

Я же теперь фэйка. Я стала быстрее и сильнее, чем была в смертном теле. Случись что, я легко скроюсь от беды.

– Прошу тебя, сделай это хотя бы для меня, – сказал Тамлин, поглаживая шею истомившегося жеребца.

Его спутники уже двигались к лесу, а самый первый почти достиг лесной кромки. Тамлин кивнул в сторону белых стен поместья:

– У тебя наверняка найдутся дела дома. Или – займись живописью. Опробуй новые краски и кисти, что я тебе подарил на день зимнего солнцестояния.

Дома меня ждали нескончаемые приготовления к свадьбе. Асилла не подпускала меня ни к каким другим делам. И не только из-за того, кем я была и кем вскоре стану для Тамлина... Из-за того, что я сделала лично для нее, для ее мальчишек и для всей Притиании. Кое-кто из служанок, увидев меня в коридоре, и сейчас еще заливался слезами благодарности. Что же касается живописи...

– Конечно, – прошептала я, заставив себя посмотреть Тамлину в глаза и улыбнуться. – Будь осторожен, – добавила я с тревогой.

Одна мысль о том, что Тамлин отправлялся охотиться на чудовищ, некогда служивших Амаранте...

– Я люблю тебя, – тихо произнес Тамлин.

Я кивнула и повторила те же слова. Тамлин поспешил к ожидавшемуся его Ласэну. Посланник верховного правителя слегка хмурился, недовольный задержкой. Я не стала смотреть, когда всадники скроются из виду, и пошла обратно.

Мне было некуда спешить. Я брела по садам и тропинкам, окаймленным живой изгородью. Над головой весело чирикали весенние птицы, а под ногами моих легких туфельек хрустели камешки.

По правде говоря, я терпеть не могла светлых платьев, ставших моей повседневной одеждой. Однако у меня не хватало духу сказать об этом Тамлину; особенно когда он купил целый ворох подобных платьев и весь светился от радости, видя меня каждый раз в новом наряде. К тому же в его упорстве был смысл. Если я облачусь в привычные мне штаны и рубашку, надену камзол и вместо драгоценностей обвешусь оружием, и здесь, и в других уголках Притиании это расценят соответствующим образом. И потому я наряжалась в платья и позволяла Асилле возиться с моими волосами. Если это дарило фэйцам и фэйри спокойствие и уверенность, что ж, они заслужили такой подарок.

Тамлин хотя бы не возражал против кинжала, который висел у меня на поясе, украшенном драгоценными камнями. Пояс и кинжал были подарками Ласэна. Кинжал он подарил мне за несколько месяцев до плена у Амаранты, а пояс – через несколько недель после падения самозванной королевы. И кинжал стал частью моего повседневного арсенала. «Даже вооруженная до зубов, ты остаешься прекрасной», – сказал мне тогда Ласэн.

Но даже если в этих краях установится настоящее спокойствие, сомневаюсь, что и через сто лет, проснувшись поутру, я не прицеплю к поясу кинжал.

Сто лет. Подумать только.

Да, меня ожидали века жизни. Века рядом с Тамлином, в прекрасном тихом месте. Возможно, когда-нибудь я привыкну к фэйскому бессмертию. А может, и нет.

Наш дом стоял в окружении роз. Его стены увивал плющ. Возле лестницы, ведущей ко входу, я остановилась и мельком взглянула на окна справа. Их тоже окружали цветущие кусты роз.

Это были окна моей живописной мастерской. В прежней, смертной жизни я могла днями не вылезать оттуда.

Вернувшись из Подгорья, я заглянула в мастерскую всего один раз. Краски, кисти, холсты терпеливо ждали, когда я начну запечатлевать пережитое вперемешку со своими мечтами и фантазиями. Все то, к чему я так жадно тянулась, теперь вызывало у меня... отвращение.

Помню, зайдя в мастерскую, я через считанные минуты вышла оттуда и больше не возвращалась.

Я перестала запоминать оттенки цвета, интересоваться формой предметов. Не знаю почему, но меня больше не восхищали картины, висевшие в коридорах и собранные в галерее. Я вообще старалась на них не смотреть.

Меня окликнули. Из открытых дверей донесся мелодичный женский голос. Тяжесть, давившая мне на плечи, чуть ослабила хватку.

Ианта. Верховная жрица, фэйка знатного происхождения и подруга детства Тамлина. Она взяла на себя все хлопоты по устройству нашей свадьбы. Против этого я не возражала. Но мне совсем не нравилась ее готовность поклоняться мне и Тамлину, словно мы – новоиспеченные боги, избранные и благословленные Котлом.

Впрочем, я не жаловалась. Ианта прекрасно знала придворную жизнь, равно как и жизнь за пределами двора. Во время обедов и официальных празднеств она садилась рядом со мной и подробно рассказывала обо всех гостях. Только благодаря ей я выдержала «водооборот веселья», сопровождавший празднование дня зимнего солнцестояния. Ианта взяла в свои руки управление всеми церемониями. Я была только рада предоставить ей решать, какими ветвями и гирляндами украшать дом и все прочие места празднования. Конечно же, она гораздо лучше меня знала, как накрыть столы и какая посуда приличествует тому или иному пиршеству.

Если Тамлин оплачивал мои многочисленные наряды, Ианта занималась их выбором. Она была настоящим сердцем народа фэ. Казалось, сама Богиня простерла к ней длань, повелев вывести фэйцев из мрака и отчаяния к свету.

У меня не было причин сомневаться в этом. Ианта еще ни разу не дала мне дурного или опрометчивого совета. Мне остро не доставало ее в те дни, когда она была занята в храме, принимая паломников и наставляя учениц. Сегодня я особенно радовалась ей. Мне не хотелось оставаться наедине со своими мыслями.

Приподняв подол тонкого прозрачного платья цвета утренней зари, я взбежала по мраморным ступеням на крыльцо дома.

Ничего, в следующий раз я сумею уломать Тамлина, и он позволит мне отправиться в деревню.

– Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы она села рядом с ним. Они же порвут друг друга в клочья. У нас все скатерти будут залиты кровью, – заявила Ианта.

Она взялась за край своего бледно-серого, с голубым отливом капюшона и насупила брови. На лбу сморщилась татуировка, изображавшая фазы луны. Схватив перо, Ианта вычеркнула имя гостя, ею же занесенное в список минутой ранее.

В комнате, где мы сидели, было жарко. Даже ветерок, дувший из открытых окон, не давал прохлады. Однако Ианта и не думала откидывать капюшон.

Все верховные жрицы носили просторные одеяния, изобилующие прихотливыми оборками и кружевами, хотя их тела отнюдь не отличались дородностью. Худенькую талию Ианты стягивал тонкий пояс из прозрачных камней небесно-голубого цвета, обрамленных в серебро. Все камни – совершенной овальной формы. Поверх капюшона у нее был надет тонкий серебряный обруч с большим камнем посередине. Обруч удерживал в свернутом состоянии нечто вроде платка или... даже не знаю, как назвать этот предмет ее облачения. Когда Ианте требовалось помолиться, обратиться к Котлу или Матери или просто о чем-то подумать, она разворачивала платок, прикрывая себе лоб и глаза.

Однажды Ианта развернула платок, оставив открытыми только нос и чувственные губы. Ритуал именовался «Глас Котла», и не скажу, чтобы зрелище мне понравилось. Платок, как бы он ни назывался, превращал энергичную, остроумную фэйку в подобие говорящей статуи. К счастью, Ианта больше не разворачивала его в моем присутствии. Иногда она вообще снимала обруч и откидывала капюшон, позволяя солнцу играть ее длинными, слегка выющимися золотистыми волосами.

Перо на мгновение застыло в изящных пальцах с длинными заостренными ногтями. Ианта была равнодушна к серебру, о чем свидетельствовали многочисленные кольца на ее пальцах. Выбрав другую кандидатуру, верховная жрица вписала имя поверх зачеркнутого.

– Это что-то вроде игры, – сказала она, поводя вздернутым носом. – Только жестокой. Все участники жаждут власти и возможности подавлять других. Если понадобится, готовы и кровь пролить. Должно быть, тебе непросто ко всему этому приспособиться.

Богатство и внешний блеск не мешали фэйской знати оставаться свирепыми и дикими. Это вам не слабая, хихикающая знать смертного мира. Уж если фэйцы враждуют, то вражда кончится не раньше, чем противника разорвут в кровавые клочья. Причем не в переносном, а в самом прямом смысле.

Когда-то я бы дрожала, боясь сесть с ними за один стол.

Я сгибала и разгибала пальцы левой руки, наблюдая, как меняются узоры татуировки.

Теперь я могу не только сидеть рядом с ними, но и сражаться против них. К счастью, пока такой необходимости не возникало.

Каждый мой шаг, каждое движение были на виду, становясь предметом не только наблюдения, но и обсуждения. Зачем невесте верховного правителя учиться премудростям сражения, если в Притианию вернулся мир? Такой довод привела мне Ианта, когда за обедом я по ошибке ляпнула об этом. Надо отдать должное Тамлину: зная нравы соплеменников и мой характер, он нашел компромисс – сказал, что я хочу обучиться самозащите... Тем не менее слухи уже расползались.

– Люди немногим лучше, – наконец ответила я Ианте.

Поскольку Ианта была одной из немногих, кто меня не боялся и не впадал в ступор от моих слов, я поспешила добавить:

– Думаю, моя сестрица Неста вполне вписалась бы в эту компанию.

Ианта вскинула голову. Голубой камень ее обруча вспыхнул, поймав солнечный свет.

– А твои смертные родственники приедут на свадьбу?

– Нет.

Честно говоря, я и не собиралась их приглашать. Мне не хотелось, чтобы в Притиании знали об их существовании. А еще я не хотела представлять перед сестрами и отцом в новом облике.

Услышав мой ответ, Ианта постучала длинным изящным пальцем по столу:

– Они ведь, кажется, живут совсем недалеко от стены? Если для тебя важно их присутствие на свадьбе, мы с Тамлином позаботимся, чтобы их благополучно привезли сюда и отвезли обратно.

За долгие часы, проведенные вместе, я успела рассказать Ианте о деревне и о доме, где теперь жили сестры с отцом. Рассказала я и о моем бывшем дружке Икасе Хэле, и о Тимасе Мандрэ, за которого Неста когда-то собиралась замуж. Только о Клере Бадор умолчала. Не хватило у меня духу рассказать о том, что случилось с самой Клерой и ее семьей.

Усилием воли я прогнала нахлынувшие воспоминания.

– Могу добавить, что Неста не склонна менять свои убеждения. А вашу породу она... просто ненавидит.

– Нашу породу, – тактично поправила меня Ианта. – Мы с тобой уже говорили об этом.

Я молча кивнула, думая, что этим все и закончится. Но верховная жрица продолжила:

– Народ фэ гораздо древнее и изощреннее смертных. Люди беспечно относятся к словам, тогда как мы считаем их таким же оружием, как мечи и когти. И обращаемся с ними как с оружием. Каждое слово, произнесенное тобой, каждая фраза будут обсуждены вдоль и поперек. Не исключено, что и использованы против тебя. – Чтобы смягчить предостережение, Ианта улыбнулась и добавила: – А посему, госпожа, тебе нужно сохранять бдительность.

«Госпожа». Какое дурацкое слово – и совершенно неприменимое ко мне. Никто не знал, как меня называть. Я же не родилась в семье фэйской знати. Я вообще не родилась фэйкой. Таких, как я, называли сотворенными. Меня действительно сотворили заново. Семь верховных правителей Притиании дали мне новое тело. Насколько я знала, я не была парой Тамлина. Между нами пока еще не возникло парных уз...

Если честно... если честно, то Ианта с ее светло-золотистыми волосами, зелено-вато-голубыми глазами, изящными чертами лица и гибким телом в большей степени смотрелась парой Тамлина, нежели я. Его ровней. Ее союз с Тамлином – союз верховного правителя и верховной жрицы – прозвучал бы сигналом могущества, стал бы щитом против любых возможных угроз нашим землям. Более того, этот союз упрочил бы власть самой Ианты. Она была весьма искушена в вопросах власти и стремилась укрепить собственную.

В среде фэйской знати жрицы нередко становились распорядительницами церемоний. Они совершали ритуалы, вели летопись фэйской истории, записывали легенды и сказания. Более того, они выступали признанными советницами в больших и малых делах. Правда, никаких проявлений магической силы Ианты я пока не видела, но когда спросила Ласэна, он нахмурился и ответил, что жрицы черпают силу в своих церемониях и сила их может быть смертельной, если они того пожелают. Наш разговор состоялся до дня зимнего солнцестояния. Во время празднества я внимательно наблюдала за Иантой, пытаюсь уловить признаки ее магической силы. Я смотрела, как на рассвете она встала в особую позу, протянув руки навстречу восходящему солнцу. В какую-то секунду солнце словно бы оказалось у нее между ладонями, но и тогда я не ощутила ничего магического ни от Ианты, ни от земли под нашими ногами.

Я сама не знала, чего на самом деле ждала от Ианты – одной из двенадцати верховных жриц, которые вместе управляли всеми жрицами Притиании. Когда Тамлин объявил, что вскоре здесь появится его давняя подруга, взявшаяся возрождать обветшавший храм, я представила ее сообразно тому, что знала из смертных легенд. Почему-то я думала, что увижу женщину почтенного возраста, погруженную в себя. Легенды утверждали, будто все жрицы давали обет безбрачия... На следующее утро Ианта ворвалась в наш дом, как дуновение весеннего ветра, разметав все нелепые выдумки легенд. Особенно – по части обета безбрачия.

Выяснилось, что жрицы могут выходить замуж, рожать детей и развлекаться с мужчинами, если пожелают. Обет безбрачия стал бы оскорблением ценного дара Котла – дара плодородия. Для жриц, наоборот, считалось постыдным скрывать свои телесные устремления, ибо в них скрыта женская магия. Забеременевшая жрица считалась особо благословенной. Все это Ианта рассказала мне в первые же дни.

И если семь верховных правителей царствовали в Притиании, сидя на троне, двенадцать верховных жриц делали то же самое возле алтарей. Их потомство пользовалось таким же уважением и обладало такой же властью, как и дети любого верховного правителя. Ианта, будучи самой молодой верховной жрицей за последние триста лет, оставалась незамужней, бездетной и готовой дарить свои ласки «самым лучшим мужчинам Притиании».

Я нередко задумывалась: как ей удастся быть такой свободной и одновременно такой собранной внутри?

Когда я не ответила на мягкий упрек Ианты, она спросила:

– Неужели ты до сих пор не решила, какого цвета будет твое свадебное платье? Белое? Розовое? Желтое? Может, красное?

– Только не красное.

С некоторых пор я возненавидела красный цвет. Амаранта носила алое платье. Такого же цвета была кровь и полосы на изуродованном теле Клеры Бадор, пригвожденном к стене. После месяцев, проведенных в Подгорье, я не желала иметь дело ни с чем красным...

– Но если не чисто красный, можно было бы взять красно-коричневый. В сочетании с зеленым... Правда, это слишком в духе Двора осени, – рассуждала Ианта, постукивая пальцем по столу.

– Любой цвет, какой выберешь.

Будь я почестнее, призналась бы, что Ианта стала моей опорой. Но она, похоже, с удовольствием мне помогала и выручала в тех случаях, когда я сама была готова на все махнуть рукой.

Услышав мои слова, Ианта слегка изогнула брови.

В отличие от других верховных жриц, Ианта и ее семья не познали ужасов жизни в Подгорье, заблаговременно покинув Притианию. Ее отец был могущественным союзником Тамлина при Дворе весны, он командовал военно-морскими силами. Почувствовав надвигающуюся беду, отец Ианты погрузил на корабль всю свою семью: жену, Ианту и двух ее младших сестер – и отплыл в Валлахан, далекую страну, населенную фэйри. Таких стран, как я узнала, было великое множество. Там в течение пятидесяти лет они жили при чужом дворе и ожидали перемен, в то время как их соплеменников порабощали и убивали.

Это я узнала от Тамлина. Сама Ианта никогда не рассказывала о своей заморской жизни, а я не расспрашивала, сознавая неуместность подобных расспросов.

– Каждое мгновение твоей будущей свадьбы станет посланием, адресованным не только Притиании, но и миру, лежащему далеко за пределами нашего острова, – сказала Ианта.

Я сумела подавить зевок. Эти слова я слышала не впервые.

– Знаю, ты не в восторге от платья.

Мягко сказано! Я возненавидела гипюр, выбранный Иантой на платье. Тамлин тоже морщился, особенно когда я продемонстрировала ему, как буду выглядеть в этом наряде. И в то же время, признавая нелепость платья, он заявил: «Ианта знает, что́ делает». Мне захотелось с ним поспорить. Как же так? Согласиться со мной и все равно принять ее сторону? Но потом я плюнула и не стала понапрасну растрачивать силы.

– Зато твое платье даст верный посыл, – продолжала Ианта. – Я провела достаточно времени при разных дворах и знаю их устройство и механизм действия. Можешь мне верить.

– Я тебе верю, – поспешила ответить я, покосившись на бумаги со списком гостей. – Ты знаешь, как со всем этим управляться, а я нет.

Ианта взмахнула руками. Звякнули серебряные браслеты на запястьях. Такие же браслеты я видела на руках приверженцев общества «Дети Благословенных», что существовало по другую сторону стены, в смертном мире. Может, глупые люди – особенно женщины – подражали верховным жрицам Притиании? А может, какая-то восторженная жрица вроде Ианты задурила им головы этой чепухой.

– Твоя свадьба – важный этап и для меня, – вдруг призналась Ианта, поправляя обруч на капюшоне. Ее зеленовато-голубые глаза встретились с моими. – Мы с тобой очень похожи: обе молодые, неопытные, не знающие, как вести себя с этими... волками. Я благодарна тебе и Тамлину за то, что позволили мне руководить церемонией. Тамлину – отдельная благодарность за приглашение вернуться ко Двору весны и стать его частью. Остальным верховным жрицам нет до меня дела, да и мне до них тоже. Однако... – Она тряхнула головой, заставив капюшон качнуться. – Мы втроем составляем потрясающее звено. Вчетвером, если считать Ласэна, – хмыкнула Ианта. – Да только он не очень-то хочет иметь дело со мной.

Впечатляющее признание.

Ианта частенько старалась оказаться рядом с Ласэном. Во время празднеств она норовила подкараулить его в укромном уголке и как бы ненароком тронуть за ладонь или плечо. Ласэн игнорировал ее знаки внимания. На прошлой неделе я спросила его напрямую: не

положила ли Ианта на него глаз? Ласэн наградил меня хмурым взглядом, что-то пробурчал и ушел. Я приняла это за «да».

Брак с Ласэном стал бы для Ианты почти такой же выигрышной партией, как и с Тамлином: один – правая рука верховного правителя, второй – сын другого верховного правителя... Потомство от такого брака было бы желанным и могущественным.

– Знаешь, ему... непросто общаться с женщинами, – сказала я, стараясь не задеть Ианту.

– После гибели его возлюбленной Ласэн успел уложить в постель немало женщин.

– Возможно, к тебе он относится по-другому. Те женщины были на одну ночь. А к более серьезным отношениям он пока не готов. – Я ломала голову, подыскивая нужные слова. – Наверное, потому Ласэн и сторонится тебя.

Ианта задумалась. Я молила всех богов, чтобы она купилась на мою полуправду. Она была честолюбивой, умной, красивой и прямолинейной женщиной. Только я сомневалась, что Ласэн простил ей или когда-нибудь простит бегство из Притиании. Иногда я даже опасалась, не разорвет ли он Ианте горло за поступок, который наверняка считал предательством.

– Но ты хоть взволнована предстоящей свадьбой? – спросила Ианта, переменив тему.

– Это будет счастливейший день моей жизни, – ответила я, вертя кольцо с изумрудом.

В день, когда Тамлин сделал мне предложение, я была на седьмом небе. Я плакала от счастья и говорила ему «да». Я повторяла свои «да» снова и снова, отдаваясь ему среди цветущего луга, куда он меня повел по такому случаю.

– Ваш союз благословлен Котлом, – сказала Ианта, кивая в такт своим словам. – И то, что ты пережила все ужасы Подгорья и уцелела, лишь подтверждает сказанное.

Я поймала ее взгляд, скользнувший по моей левой руке. По татуировке.

Мне стоило немалых усилий не спрятать руку под стол.

Татуировка на лбу Ианты была еще темнее моей, но все изображения прекрасно гармонировали с ее обликом, нарядами и украшениями. Там даже сквозила какая-то нежность, чего не скажешь об изящных, но жестоких линиях, покрывавших мою руку.

– Ты можешь надеть длинные перчатки, – как бы невзначай предложила Ианта.

И тем самым напомнить о себе тому, кого я так отчаянно старалась забыть.

– Я подумаю, – сказала я Ианте и вежливо улыбнулась.

Это все, что я могла. Меня подмывало опрометью выбежать из комнаты. Я с трудом дождалась, пока Ианта грациозно удалится в свою личную молельню. Молельня была подарком Тамлина. В полдень Ианта возносила благодарность Котлу за освобождение нашей земли, мою победу и просила упрочить власть Тамлина над Двором весны.

Иногда я думала, не уговорить ли ее помолиться и за меня.

Помолиться, чтобы когда-нибудь я полюбила платья, празднества и роль хорошенькой, краснеющей невесты.

Тамлин появился, когда я уже лежала в постели. Он вошел совсем тихо – так по лесу ходят олени, – и все же мои фэйские уши слышали шаги. Рука инстинктивно потянулась к кинжалу на столике, но, увидев широкие плечи, я успокоилась. Тусклый свет коридорной свечи расплывался по загорелой коже Тамлина. Лицо тонуло в тени.

– Все еще не спишь? – шепотом спросил он.

В его голосе я уловила недовольство. После обеда Тамлин ушел к себе в кабинет и возился с грудой бумаг, которыми Ласэн завалил его письменный стол.

– Не могу заснуть, – сказала я, любясь игрой его мышц.

Тамлин прошел в купальную, намереваясь умыться. Я битый час пыталась уснуть, но стоило закрыть глаза, и я оказывалась в замкнутом пространстве, окруженная надвигающимися стенами. Я уже дошла до того, что распахнула окна... но меня ожидала долгая ночь.

Я откинулась на подушку, слушая, как Тамлин готовится ко сну. Он пока сохранял за собой свои комнаты, считая, что у меня непременно должно быть собственное пространство.

Однако каждую ночь приходил спать ко мне. Мне еще предстояло «возлечь на его ложе». Изменится ли что-то после нашей брачной ночи? Только бы меня не вывернуло прямо на кровать, когда я проснусь и не сразу вспомню, где нахожусь. А если учесть частые кошмары, я могу опять решить, что темнота вокруг – это навсегда. Вряд ли новая спальня остановит кошмарные сны.

Возможно, потому Тамлин и не торопил меня.

Он вышел из купальной, раздеваясь на ходу. Я приподнялась на локте. Подойдя к кровати, Тамлин замер.

Я следила, как его сильные, умелые пальцы расстегивают штаны. Потом Тамлин одобритительно зарычал. Я закусила нижнюю губу. Штаны полетели на пол, вместе с нижним бельем. Моему обострившемуся фэйскому зрению предстал голый Тамлин с горделиво вздымающимся членом. У меня пересохло во рту. Я заставила поднять глаза выше, к его мускулистой груди. Потом.

– Иди сюда, – прорычал Тамлин.

Я едва разобрала слова, больше похожие на звериное рычание. В один миг я откинула одеяло, явив и свою наготу. Тамлин зашипел.

Его лицо отражало плотский голод. Я переползла на другую сторону кровати и встала на колени. Протянув руки, я обвила лицо Тамлина. Его золотистая кожа оказалась в странном обрамлении: белизны правой руки и струящейся черноты левой. Я поцеловала его.

Тамлин продолжал смотреть на меня даже сейчас, когда я придвинулась ближе, а его руки скользнули вниз, к моему животу. Мозолистые пальцы гладили мне бедра, талию. Затем он опустил еще ниже и тоже поцеловал меня. Его язык властно раздвинул мне губы и проник внутрь. Столь рьяным поцелуем Тамлин раз за разом утверждал, что я принадлежу ему, и только ему.

Я застонала и запрокинула голову, позволяя целовать себя снова и снова. Его руки замерли на моей талии, затем снова двинулись: одна переместилась на мои ягодицы, вторая скользнула в пространство между нами.

Наступили благословенные минуты, когда существовали только он и я. И никаких преград между нашими телами...

Шершавый язык Тамлина провел мне по нёбу. Его палец переместился к лону. Я ойкнула и выгнула спину.

– Фейра, – не отрываясь от поцелуя, произнес он.

В его устах мое имя звучало как молитва; более истовая, чем молитва Ианты Котлу, вознесенная темным утром в праздник солнцестояния.

И снова язык Тамлина прошелся по моему нёбу, а его палец проник внутрь меня. Я качнула бедрами, требуя большего. Я хотела его всего, сразу. Рычание Тамлина отдавалось у меня в груди, когда внутрь отправился второй палец.

Я качнулась ему навстречу. Меж бедер вспыхнула и пронеслась молния. Я видела только его пальцы, его рот, его тело, придавливающее мое. Потом его пальцы коснулись особого уголка в верхней части бедер. Я простонала его имя и почувствовала, что распадаюсь на кусочки.

Моя голова запрокинулась. Я глотала прохладный ночной воздух и вдруг осознала, что меня с необычайной нежностью и осторожностью опускают на кровать.

Тамлин навис надо мной. Его голова опустилась мне на грудь. Губы сомкнулись вокруг соска. Еще через мгновение я вцепилась ему в спину и обвила ногами. Тамлин оказался у меня между ног, мне необходимо было его ощущать.

Тамлин замер, нависая надо мной.

– Прошу тебя, – шептала я.

Но он пока лишь водил губами по моему рту, подбородку и шее.

– Тамлин, – умоляла я.

Он накрыл ладонью мне правую грудь, придавив большим пальцем сосок. Я вскрикнула и сейчас же ощутила, как Тамлин вошел в меня. Быстро, решительно.

На мгновение я вообще перестала существовать.

А потом мы слились воедино. Два сердца бились, как одно. Я мысленно твердила себе, что так будет всегда. Спина Тамлина чуть согнулась под моими руками. Он сделал толчок. Потом еще и еще.

После каждого толчка я ударялась ему в грудь, а он продолжал, шепча мое имя и повторяя, что любит меня. Потом мое тело снова пронзила молния, и опять ее неистовый огонь понесся по жилам и достиг головы. Я успела произнести его имя, и мой шепот совпал с его оргазмом. Я обхватила спину Тамлина, вздрагивая вместе с ним, наслаждаясь тяжестью его тела, ощущением его кожи, его силы.

В комнате стало тихо, если не считать нашего возбужденного дыхания.

Мне не понравилось, что Тамлин вышел из меня слишком быстро. Он лег рядом, подпер голову локтем, а его палец стал лениво чертить круги у меня на животе и между грудей.

– Ты меня прости за утро, – тихо сказал он.

– Ты был прав. Я же понимаю, чем вызван твой запрет, – столь же тихо отозвалась я.

Я не соврала, но и правду не сказала.

Пальцы Тамлина опустились ниже и принялись кружить вокруг моего пупка.

– Ты... ты для меня все, – глухо произнес он. – Я должен... должен знать, что с тобой все благополучно. Что они не смогут подобраться к тебе и причинить вред.

– Тамлин, я знаю.

Его пальцы опустились еще ниже. Я сглотнула и повторила:

– Я знаю. А ты сам? – спросила я, откидывая волосы с его лица. – Кто позаботится о твоей безопасности?

Он стиснул зубы. Теперь, когда магическая сила Тамлина вернулась, он не нуждался ни в чьей защите, ни в чьем прикрытии. Я почти ощущала невидимые шерстинки, встающие у него дыбом при воспоминании, кем он был всего несколько месяцев назад. Живой игрушкой, подчиняющейся прихотям Амаранты. Тогда его сила была маленьким ручейком по сравнению с потоками силы, бурлящими в нем сейчас. Немного успокоив дыхание, Тамлин склонился и поцеловал меня между грудей – в то место, где находилось сердце. Это было достаточным ответом.

– Уже скоро, – прошептал он, и его пальцы застыли у меня на талии. – Скоро ты станешь моей женой, и все будет замечательно. А прошлое мы навсегда оставим позади.

Я выгнула спину, умоляя, чтобы его рука опустилась ниже. Тамлин ответил грубоватым смешком, но его пальцы подчинились моему мысленному приказу. Он снова надавил мне на пупок, а потом прильнул губами к другому соску.

– А как меня тогда будут называть? – вдруг спросила я.

Вопрос вырвался сам собой, без моего участия.

В ответ Тамлин пробурчал что-то невразумительное, но один только звук его голоса снова меня возбудил.

– И все-таки как меня станут называть после свадьбы? Женой Тамлина? Или я получу какой-то... титул?

Тамлин приподнял голову и посмотрел на меня:

– Тебе хочется титула?

Прежде чем я успела ответить, он слегка укусил мой сосок, затем облизал грудь. Его пальцы наконец-то оказались у меня между ног. И там его ласки были неторопливыми и ленивыми.

– В общем-то, нет, – прошептала я. – Но я не хочу, чтобы люди... – Чтоб мне свариться в Котле! Его пальцы... – Не знаю, выдержу ли я, если меня начнут называть верховной правительницей.

Его пальцы опять скользнули внутрь меня, где снова было влажно.

– Не начнут, – возразил Тамлин, вновь нависая надо мною и покрывая мое тело поцелуями. – Такого титула, как верховная правительница, не существует.

Обхватив мои бедра, Тамлин пошире раздвинул мне ноги, наклонился и...

– Подожди. Как это – не существует?

Мой вопрос погасил волну его страсти. Но когда он поднял голову и взглянул на меня, от одного его взгляда я едва не достигла оргазма. И тем не менее мой мозг продолжал работать. Как понимать его слова?

– У верховных правителей есть жены. Их супруги. Никаких верховных правительниц нет и никогда не было, – пояснил Тамлин, успевая целовать меня вокруг лона.

– Но мать Ласэна...

– Она именуется госпожой Двора осени, а не верховной правительницей. Ты станешь госпожой Двора весны. К тебе будут обращаться так же, как к ней. И уважать, как уважают ее.

– Так, значит, мать Ласэна...

– По-моему, в постели тебе вполне достаточно меня, и нечего тащить сюда еще кого-то. Даже на словах, – прорычал Тамлин, склоняясь надо мной.

Первые прикосновения его языка заставили меня прекратить все споры.

Глава 3

Должно быть, Тамлин все же понял, что я не могу довольствоваться поместьем и окрестностями. Более того, он почувствовал себя виноватым по отношению ко мне. Сам он уехал рано утром, меня же дождался Ласэн и предложил навестить близлежащую деревню и посмотреть, как она возрождается к жизни.

Я не была там больше месяца. По правде говоря, уже забыла, когда в последний раз куда-то выезжала. Кое-кого из жителей деревни я встретила на празднике зимнего солнцестояния, но из-за обилия гостей смогла лишь поздороваться с ними.

Возле конюшни я увидела оседланных лошадей и, сама не знаю зачем, пересчитала караульных. Четверо стояли возле дальних ворот, по двое – на каждом углу дома. Сад, через который я шла сюда, тоже охранялся двумя караульными. Все они стояли молча, внимательно наблюдая за мной.

Ласэн уже собирался забраться в седло пятнистой кобылы, но я пихнула его плечом и спросила:

– Никак ты свалился с этой милой лошадки?

Ласэн попятился, лошадь тревожно заржала. Я взглянула на свою протянутую руку и посочувствовала караульным. Тем оставалось только догадываться, каким будет мой следующий шаг.

– Почему ты соврал мне насчет нагов?

Ласэн скрестил руки. Его металлический глаз сощурился. Он тряхнул головой, откидывая с лица рыжие волосы.

А мне на мгновение померещилось другое лицо.

Я отвела взгляд... Что за наваждение? Ласэн ничуть не похож на Амаранту. У нее были черные волосы, а кожа отличалась фарфоровой белизной и ничем не напоминала сегодняшний бронзовый загар Ласэна.

Но сейчас я разглядывала не его загар, а конюшню у него за спиной – просторную, с большими, широкими дверями. И безлюдную – все конюхи ушли в соседнее здание. Я редко бывала в конюшне. Только особая скука могла заставить меня отправиться глазеть на лошадей. Конюшню, как и все прочие строения, я рассматривала на предмет места, где можно укрыться. Пространства тут хватало. Да и стены не ощущались слишком уж... прочными.

А вот в кухне потолки низкие, стены толстые и окошки узкие – не пролезешь. И из кабинета не очень-то выберешься. С окнами там вообще туго. В голове у меня хранился целый список различных уголков поместья, где в случае чего можно или нельзя продержаться. Я составила его еще в той, смертной жизни, когда намеревалась бежать из поместья.

– Я не соврал, – с видимым напряжением произнес Ласэн. – Я действительно упал с лошади. После того, как наг меня сбросил, – добавил он, поглаживая лошадиный бок.

Я до сих пор не могла привыкнуть к фэйской манере вранья.

– Как это случилось? – спросила я.

Ласэн плотно закрыл рот.

– Как? – повторила я.

Ласэн повернулся к своей терпеливой кобыле. Но я успела заметить странное выражение, мелькнувшее в его настоящем глазу. Что-то похожее на... сожаление.

– А давай отправимся туда пешком, – предложила я.

– До деревни – больше лиги, – возразил Ласэн, снова поворачиваясь ко мне.

– Это расстояние ты можешь пробежать за считанные минуты. Хочу проверить, сумею ли я бежать столь же быстро.

Металлический глаз Ласэна закрутился. Я уже знала, что услышу в ответ.

– Успокойся, я пошутила, – сказала я и села на свою белую кобылу – весьма милую лошадку, только немного ленивую и избалованную.

Ласэн не пытался возражать и оправдываться. Мы выехали за пределы поместья и оказались на лесной дороге. Весна была в самом разгаре – вечная весна и всегда в полном цветении. Воздух пах сиренью. В густых кустах, окружавших дорогу, шелестела, жужжала и чирикала жизнь. И никакого намека на богге, нагов и иных тварей, от которых в лесу устанавливалась мертвая тишина.

– Не надо мне твоих сожалений, – сказала я, нарушив молчание.

– Это не сожаление. Тамлин не велел тебе говорить, – сообщил Ласэн и поежился.

– Я – не статуэтка из тончайшего стекла. Если на тебя напали наги, я тоже должна об этом знать. По-моему, я заслужила такое право.

– Тамлин – мой верховный правитель. Он приказывает, я выполняю приказ.

– Помнится, когда-то ты рассуждал по-другому. Ты спокойно нарушил его приказы и отправил меня на поиски суриеля.

Та прогулка в западные леса едва не стоила мне жизни.

– Я тогда был охвачен отчаянием. И не только я. Все мы были не в лучшем состоянии. Но сейчас, Фейра, мы нуждаемся в порядке. Нам нужны правила, иерархия и умение подчиняться приказам. Иначе нам не возродить жизнь на нашей земле. Слова Тамлина не должны оставаться пустым звуком. Я – первый, на кого смотрят остальные. Я являю собой пример для других. И не проси меня рисковать устойчивостью нашего двора. Мы еще не настолько крепки, как хотелось бы. Потом положение изменится. Тамлин и так дает тебе столько свободы, сколько возможно.

Мне сжало легкие. Я заставила себя сделать несколько глубоких успокоительных вдохов.

– Ты хоть и отказываешься общаться с Иантой, но во многом рассуждаешь, как она.

Ласэн даже зашипел, словно мои слова обжигали.

– А ты даже не представляешь, как тяжело Тамлину решиться отпустить тебя за пределы поместья. На него давят со всех сторон. Тебе и невдомек, каково ему сейчас.

– Я прекрасно знаю, каково ему сейчас. Я лишь не знала, что стала узницей.

– Ты вовсе не узница. – Ласэн стиснул зубы. – Тебе есть с чем сравнивать.

– Почему-то раньше, когда я была смертной человеческой женщиной, Тамлин свободно отпускал меня охотиться и бродить по полям и лесам. А границы в те дни были куда опаснее.

– Прежде он и заботился о тебе по-другому. Совсем не так, как сейчас. После всего, что произошло в Подгорье...

Слова Ласэна потоком камней влетали в мою голову и шумно сталкивались на лету. От его слов у меня почему-то напряглись все мускулы.

– Пойми, Фейра: он страшится. Страшится увидеть тебя в руках врагов. Они это прекрасно знают. Чтобы помыкать Тамлином, им достаточно захватить тебя в плен.

– Думаешь, я этого не знаю? Но неужели Тамлин всерьез рассчитывает, что я сотни лет буду сидеть в поместье, командуя слугами? Или он думает, что красивые наряды заменят мне все остальное?

Ласэн смотрел на вечно юный весенний лес.

– А разве не об этом мечтают человеческие женщины? Выйти замуж за знатного, обязательного фэйри и потом до конца жизни купаться в богатстве.

Я с силой натянула поводья, отчего моя кобыла замотала головой.

– Приятно сознавать, Ласэн, что никакие испытания не лишили тебя придурочности.

– Тамлин – верховный правитель, – в который раз напомнил мне Ласэн, щуря металлический глаз. – Скоро ты станешь его женой. Есть традиции и ожидания, с которыми ты должна считаться. И не только ты. Все мы. Это необходимо, чтобы окрепнуть после ужасов

правления Амаранты и уничтожить врагов, которые так просто не откажутся от попыток вернуть себе власть.

Примерно те же слова я слышала вчера от Ианты.

– Близится десятина, – качая головой, продолжал Ласэн. – Первая, назначенная Тамлином со времен... ее проклятия.

Ласэна передернуло.

– Тамлин дал своим подданным три месяца на приведение дел в порядок. Он хотел дожидаться начала нового года, однако уже в будущем месяце потребует уплаты десятины. По мнению Ианты, пора. Народ готов.

Ласэн умолк. Мне хотелось плюнуть ему в физиономию, поскольку он знал, что я и понятия не имела ни о какой десятине. Ему хотелось, чтобы я вслух это признала.

– Это еще что такое? – сердито спросила я.

– Дважды в год, обычно незадолго до дней летнего и зимнего солнцестояния, каждый подданный Двора весны, от знати до самых низших сословий, обязан платить десятину. Ее размер устанавливается сообразно доходам и положению каждого плательщика. Это дает нам средства на содержание поместья, на жалованье слугам и караульным, на покупку съестных припасов. Тамлин, в свою очередь, защищает плательщиков, правит ими и помогает, чем может. Правила достаточно гибкие. В нынешнем году Тамлин отодвинул время уплаты десятины на месяц. Это тоже забота о подданных. Он не хотел никого лишать праздника и дал дополнительное время на сбор денег. Но очень скоро в поместье устремятся посланники сословий, кланов и деревень. Они привезут собранные десятины. Согласно этикету, жена верховного правителя должна в это время находиться рядом с мужем. Если же кто-то не сможет уплатить десятину... Ты и в этом случае должна будешь присутствовать, пока Тамлин вершит суд и определяет меру наказания. Зрелище бывает весьма неприглядным. Я веду подробный учет приехавших и отсутствующих. Те, кто приехал, должны заявить о своих неплательщиках, если таковые у них есть. Официальные правила обязывают Тамлина предоставить каждому неплательщику еще три дня для уплаты. Если же и тогда не внесут десятину, те же правила обязывают Тамлина отыскать неплательщика. Это сродни охоты. Верховные жрицы... в данном случае Ианта... дарует Тамлину особые охотничьи права.

Боги, сколько ужасного и жестокого было в традициях народа, к которому я теперь принадлежала. Я хотела сказать об этом Ласэну, но увидела его взгляд... Меня и так судили вдоль и поперек.

– А потому, Фейра, не торопи Тамлина, – сказал Ласэн. – Дай ему еще немного времени. Пусть пройдет свадьба, потом уплата десятины, а там... там видно будет.

– Я дала ему достаточно времени. Я не могу постоянно сидеть взаперти. Роскошная клетка все равно остается клеткой.

– Тамлин это знает. Пусть он не говорит об этом вслух, но знает. Поверь мне. Тебе следует простить его. Убийство его близких не позволяет ему излишне... вольно относиться к твоей безопасности. Слишком часто Тамлин терял тех, кто ему дорог. И не только он. Все мы.

Каждое слово Ласэна лишь подливало масла в огонь, бушевавший у меня в душе.

– Я хочу выйти замуж за Тамлина, а не за верховного правителя.

– Одно невозможно без другого. Тамлин таков, какой есть. И он всегда... понимаешь, всегда будет стремиться тебя защитить, не спрашивая, нравится тебе это или нет. Поговори с ним сама. Да, Фейра, поговори. Ты многое поймешь.

Несколько мгновений мы с Ласэном смотрели друг на друга, на его скулах заходили желваки.

– И не проси меня выбирать между вами, – добавил он.

– Но ты намеренно не рассказываешь мне обо всех событиях.

– Тамлин – мой верховный правитель. Его слово – закон. Пойми, Фейра: нам выпал единственный шанс возродить мир и сделать его таким, каким ему надлежит быть. И я не хочу вступать в новый мир, нарушая доверие Тамлина. Даже если ты...

– Даже если я... что?

Лицо Ласэна побледнело. Он рассеянно гладил переливчатую гриву своей кобылы.

– Меня заставили смотреть, как мой отец убивает мою любимую женщину. Братья держали меня, не давая отвернуть голову или закрыть глаза.

У меня сжалось сердце. Ужас пережитого и сейчас, спустя несколько веков, терзал душу Ласэна.

– Никакая магия, никакое волшебное заклинание не могли вернуть ее к жизни. И верховные правители не собирались вместе, чтобы ее воскресить. Она умирала у меня на глазах. Мне никогда не забыть мгновения, когда я перестал слышать, как бьется ее сердце.

Подступающие слезы жгли мне глаза.

– Тамлину повезло больше, чем мне, – хрипло продолжал Ласэн. – Мы все слышали, как у тебя с хрустом сломалась шея. Но тебя вернули к жизни. Сомневаюсь, что Тамлин когда-нибудь забудет этот страшный звук. И он сделает все, что в его власти, только бы оградить тебя от любых новых опасностей, пусть и ценой тайн и правил, которые тебе не по нраву. Здесь ты наткнешься на его негибаемую волю. Так что лучше и не проси, по крайней мере сейчас.

У меня исчезли все слова. Их не осталось ни в голове, ни в сердце. Дать Тамлину время, ждать, пока он привыкнет... Это самое малое, на что я способна.

Деревню мы услышали задолго до того, как выехали из леса. К щебету птиц добавился стук молотков, визг пил, крики строителей, мычание коров и блеяние овец. Через какое-то время нашему взору предстала наполовину построенная деревня: аккуратные деревянные и каменные домики, наспех возведенные амбары и хлева. Все это – на разных стадиях завершения. Полностью законченными оказались большой колодец на деревенской площади и строение, смахивающее на таверну.

Меня до сих пор удивляла схожесть жизни в Притиании и в мире людей. Точно так же могла выглядеть и человеческая деревня. Например, та, что отстраивалась после пожара. Конечно, деревня фэйри была куда красивее и опрятнее той, где мы прожили несколько лет. Но общий облик, главные места... Никаких различий.

Однако при всей моей симпатии к местным жителям я чувствовала себя здесь совершенно чужой. Нас с Ласэном заметили, и вся работа и торговля мигом прекратились. Жители вовсю глазели на нас.

Точнее, на меня.

Вокруг стало тихо. Непонятным образом весть о моем появлении разнеслась по всей деревне. Даже на ее окраинах затихли молотки.

– Фейра – Разрушительница проклятия, – прошептал кто-то.

Мое новое имя.

Как хорошо, что у моего костюма для верховой езды длинные рукава, а на подъезде к деревне я натянула перчатки.

Ласэн подъехал к фэйцу, который, как мне показалось, руководил постройкой дома вблизи колодца.

– Мы приехали узнать, не нужна ли вам помощь, – достаточно громко, чтобы слышали остальные, сказал Ласэн. – Можете располагать нами весь день.

Фэец почему-то побледнел.

– Благодарствуем, господин. Мы ни в чем не нуждаемся, – торопливо ответил он, поглядывая на меня широко раскрытыми глазами. – Долг выплачен.

Мои ладони стали липкими от теплого пота. Кобыла подо мной тоже чувствовала себя здесь весьма неудобно и била копытом по красноватой земле.

– Не торопись отказываться, – сказал фэйцу Ласэн, изящно поклонившись. – Мы хотим принять участие в вашей работе. Для нас это не тяготы, а честь.

– Долг выплачен, – качая головой, повторил фэец.

Те же слова мы слышали повсюду в деревне, где останавливались и предлагали свою помощь. Ласэн даже спешил. Везде нас благодарили и вежливо отказывались от непрошенных помощников.

Через двадцать минут мы вернулись в лес.

– Это была затея Тамлина? – хрипло спросила я. – Он позволил тебе свозить меня в деревню, чтобы я не приставала с предложением помочь?

– Нет, это была моя затея, но причину ты угадала верно. Они не хотят твоей помощи и не нуждаются в ней. Твое присутствие отвлекает их от работы и напоминает о том, через что они прошли.

От его слов меня передернуло.

– Но они не были пленниками Подгорья. Я не встретила ни одного знакомого лица.

Ласэн тоже вздрогнул:

– Почему же? Были. Но... в лагерях, устроенных Амарантой. К своему двору она согнала знать и тех, к кому благоволила. Простонародью полагалось работать не покладая рук, дабы обеспечивать ее двор пропитанием и всем необходимым. Тех, кого ее надсмотрщики находили недостаточно усердными, отправляли в лагеря. Под горой существовала разветвленная сеть туннелей. Тысячи фэйцев и фэйри томились там в клетушках, где не было ни света, ни воздуха. И так – пятьдесят лет.

– Но я никогда не слышала...

– Говорить об этом было строжайше запрещено. Кто-то из узников не выдерживал и лишался рассудка. Амаранта частенько «забывала» кормить узников лагерей. И тогда утратившие рассудок набрасывались на своих соплеменников и ели их. Находились и те, кто сбивался в шайки. Они пробирались в лагеря и... – Ласэн потер вспотевший лоб. – Страшные вещи творили они. Те, кто уцелел и снова увидел свет солнца, пытаются вспомнить прежнюю жизнь. Точнее, учатся жить заново.

Мое горло наполнилось желчью. Наша с Тамлином свадьба... возможно, она действительно станет началом исцеления здешних земель и их жителей.

Меня словно окутало темным покрывалом, приглушившим все звуки и притупившим все ощущения.

– Я знаю, ты искренне хотела им помочь, – сказал Ласэн. – Мне очень жаль, что так получилось.

Мне тоже было очень жаль.

Передо мною вдруг раскрылась бездна моей бессмертной жизни.

Я позволила этой бездне поглотить меня целиком.

Глава 4

За несколько дней до свадебной церемонии к нам начали стекаться гости. Я радовалась, что мне не суждено стать верховной правительницей и получить равную с Тамлином власть и ответственность.

Малая, забытая часть моей личности кричала и негодовала, но...

Как же надоели эти нескончаемые обеды, пикники, охоты.

Меня представляли все новым и новым гостям. Мое лицо болело от постоянных улыбок. Улыбаться приходилось едва ли не круглые сутки. Я уже с нетерпением ждала дня свадьбы, зная: как только пройдет церемония, я отдохну от всех этих любезностей и пустопорожних разговоров. Сколько продлится передышка? Неделю. А может, месяц. Или год.

Тамлин стойко выдерживал все торжества. Он умел затаиваться, как зверь, ничем не выдавая своего внутреннего состояния. Мне он твердил, что все эти торжества – принятый в фэйском обществе способ познакомить меня с его подданными. После стольких лет угнетения они нуждались в пышном празднестве. Тамлин уверял меня, что шумные сборища ему столь же ненавистны, как и мне, и только Ласэн чувствует себя здесь в своей тарелке, поскольку любит веселиться. Однако... я видела Тамлина улыбающимся. Да, он заслужил этот праздник. И его придворные – тоже.

И потому я терпела. Когда рядом не было Тамлина, я цеплялась за Ианту. Если же они оказывались вместе, я не мешала их разговорам и считала время до благословенной минуты, когда очередное торжество окончится и все разойдутся.

– Тебе бы стоило пойти и лечь, – сказала мне Ианта.

Мы стояли, наблюдая, как большой зал заполняется гостями. Я заприметила Ианту пол часа назад и обрадовалась предложению вежливо покинуть компанию друзей Тамлина, с которыми приходилось поддерживать разговор. Станный разговор, надо заметить. Эти фэйцы либо пилились на меня, либо отчаянно искали темы для разговора. Самой распространенной была охота. Поговорив минуты три, гости умолкали и снова пилились на меня.

– Сейчас я не засну. Не все ли равно, где мучиться час – здесь или в кровати?

Ианта была в своем привычном одеянии. Капюшон наполовину скрывал лицо. Голубой камень ее обруча то вспыхивал, то гас, ловя свет люстр.

Мы стояли возле стены, обшитой дубовыми панелями, недалеко от дверей зала. Фэйские мужчины, фланировавшие вокруг, поглядывали на Ианту со смешанным чувством благоговения и откровенной похоти. На меня они лишь бросали недолгие взгляды. Я знала, что это никак не связано с моим ярко-зеленым платьем, не говоря уже о внешности: на фоне Ианты я выглядела простушкой. Я вообще старалась не обращать на них внимания.

– Ну как, ты готова к завтрашней церемонии? – спросила Ианта, потягивая искристое вино. – Может, тебе нужна еще какая-то помощь?

Мое сегодняшнее платье было ее подарком. Ианта сказала, что этот оттенок зеленого – символ Двора весны. Она собственноручно наряжала меня, деликатно выпроводив Асиллу. Удивительно, что та послушно ушла без своей привычной воркотни.

– Вполне готова, – соврала я.

Я представляла, какой жалкой трусихой окажусь в глазах Ианты, если попрошу ее и после свадьбы остаться в поместье. Меня страшило расставание с нею на несколько месяцев, в которые я останусь один на один со двором Тамлина и его придворными. Ианты здесь не будет до Нинсара – второстепенного весеннего праздника, знаменующего окончание сева на полях. В это время собирают первые цветы, которые пойдут на изготовление благовоний. Подумать только: несколько месяцев без Ианты! И хотя ее храм не так уж и далеко от нашего поместья, мне казалось, что она уедет на другой конец Притиании.

Двое мужчин, успевших несколько раз пройти мимо, теперь решились приблизиться к нам. Вернее, не к нам – к Ианте.

Я прислонилась к стене. Шершавая деревянная поверхность царапала спину. Мужчины встали по обе стороны от Ианты. Обаятельные, что меня уже не удивляло, ибо большинство фэйских мужчин отличались привлекательной внешностью и ладными фигурами. Оба при оружии. Скорее всего – дозорные Тамлина, несущие караул на границе. Возможно даже, когда-то они служили под началом отца Ианты.

– Приветствуем тебя, верховная жрица, – произнес один, глубоко поклонившись.

Я привыкла к тому, что окружающие целовали серебряные кольца Ианты и просили ее помолиться за них самих, их близких и возлюбленных. Ианта принимала почести как должное. В ее лице ничего не менялось.

– Здравствуй, Брон, – сказала она высокому фэйцу с каштановыми волосами, стоявшему слева. – И тебе привет, Харт, – обратилась она к черноволосому, уступавшему другу в росте, зато более крепко сбитому.

Затем Ианта кокетливо изогнула губы. Сигнал, означавший: Ианта искала того, кто разделит с нею постель на грядущую ночь.

– Давненько я не видела вас, дорогие возмутители спокойствия.

Последовало еще несколько кокетливых фраз. Я вдруг почувствовала, что Брон и Харт проявляют интерес и ко мне.

– Позвольте вам представить госпожу Фейру, – сказала Ианта. Она качнула капюшоном, затем почтительно склонила голову. – Если вы до сих пор не видели спасительницу Притиании, можете лицезреть ее во всем великолепии.

– Видели, – тихо ответил Харт, и они с Броном отвесили мне глубокие поклоны. – Мы видели тебя в Подгорье.

Я тоже наклонила голову.

– Поздравляем со скорой свадьбой, – произнес улыбающийся Брон. – Вполне достойный конец.

Видимо, он хотел произнести другое слово – например, «завершение». Если бы не усилия семи верховных правителей, у меня действительно был бы достойный конец. Горела бы сейчас в аду.

– Котел благословил всех нас союзом Тамлина и Фейры, – продолжала Ианта.

Фэйцы торопливо закивали, что-то бормоча. Мне не хотелось им отвечать.

– Я вот что скажу, – продолжал Брон. – До сих пор не могу забыть твой поединок с Мидденгардским червем. Потрясающе. Такого восхитительного зрелища я еще не видел.

Мне захотелось вжаться в стену и не думать об удушающем зловонии глины и разинутой пасти червя, готовой перемолоть меня острыми пиками зубов.

– Благодарю, – выдавила я из себя.

– Я слышала об этом ужасном событии, – сказала Ианта, придвигаясь ко мне.

Она больше не улыбалась.

– Потрясающая храбрость. Просто дух захватывает, – продолжала она.

Как же я была ей благодарна за это ободряющее прикосновение. За стиснутую руку. Я знала: такими вот прикосновениями Ианта способна воодушевить толпы юных фээк, и те примкнут к ее ордену. Не для поклонения Матери и Котлу, а ведомые любопытством. Они жаждали узнать, как она живет, как ей удастся так сиять и любить себя, перемещаясь от мужчины к мужчине с той же легкостью, с какой пробует угощения на пире.

– Мы пропустили вчерашнюю охоту, – весело произнес Харт. – Жаль, не видели твоих охотничьих талантов. Надеюсь, в будущем месяце верховный правитель определит нас в караул вблизи поместья. Мы бы сочли за честь сопровождать тебя на выездах.

Тамлин не выпустит меня с ними ни в следующем месяце, ни через тысячу лет. Я не собиралась говорить им, что потеряла интерес к стрельбе из лука и к охоте вообще. Пару дней назад я силой заставила себя поехать на охоту. Это была настоящая пытка. На меня глазели со всех сторон, отчего я не могла сделать ни единого выстрела.

Харт и Брон ждали моего ответа, поэтому я сказала:

– И я почти за честь ехать с такими сопровождающими.

– Мой отец определил вас обоих завтра в караул или вы будете на церемонии? – спросила Ианта, непринужденно касаясь руки Брона.

Потому я и радовалась, что Ианта руководила приготовлениями к свадьбе, а завтра возьмет на себя проведение свадебной церемонии. Не знаю, научусь ли я когда-нибудь такой же непринужденности.

Брон ей что-то ответил, но Харт не отрывал взгляда от меня. От моих скрещенных рук и татуированных пальцев.

– Вы что-нибудь слышали о верховном правителе? – спросил он, не произнося имени того, о ком я старалась забыть.

Ианта оторопела. Теперь и глаза Брона скользили по моей разрисованной руке.

– Нет, – ответила я, с усилием выдерживая взгляд Харта.

– Вероятно, он сильно напуган. Еще бы, когда к Тамлину вернулась былая магическая сила...

– В таком случае ты плохо знаешь Ризанда, – вырвалось у меня.

Харт заморгал. Даже Ианта не нашла что сказать. Возможно, это были самые впечатляющие слова, какие я произнесла за все время нескончаемых торжеств.

– Если понадобится, мы его остановим, – самоуверенно заявил Харт, переминаясь с ноги на ногу.

Ему было неуютно под моим взглядом, однако я не собиралась отводить глаза или придавать лицу более учтивое выражение.

– Верховные жрицы позаботятся об этом, – сказала Ианта, обращаясь ко мне и Харту. – Мы не позволим, чтобы с нашей спасительницей дурно обращались.

Я изобразила безразличие на лице. Может, Тамлин поэтому остановил свой выбор на Ианте? Он рассчитывал заключить союз? От этой мысли мне сдавило грудь.

– Пойду-ка я к себе, – сказала я Ианте. – Передай Тамлину, пусть не скучает. Завтра увидимся.

Завтра, поскольку эту ночь с ним проведем порознь. По словам Ианты, так предписывали давние традиции.

Ианта поцеловала меня в щеку. Ее капюшон на мгновение закрыл пространство зала.

– Я в полном твоём распоряжении... госпожа. Если что-то понадобится, пошли за мной.

Мне от нее ничего не требовалось, но я кивнула.

Прежде чем покинуть зал, я посмотрела на Тамлина и Ласэна, стоявших в окружении фэйцев и фэек. Эта компания не отличалась изысканностью манер, зато... Чувствовалось, сейчас их объединяла не внешняя учтивость, а долгие годы, проведенные в сражениях плечом к плечу. Это – друзья Тамлина. Он знакомил меня с ними, но я тут же забывала их имена и не пыталась вспомнить.

Запрокинув голову, Тамлин искренне смеялся. Они все смеялись взахлеб.

Не дожидаясь, пока он меня заметит, я выпорхнула из зала, промчалась по людным коридорам и оказалась перед тускло освещенной лестницей, ведущей в жилые помещения.

Я уже и не помнила, когда вот так же, взахлеб, смеялась сама. Эта мысль мелькнула у меня, когда я закрыла за собой дверь своей комнаты, оставшись одна.

Потолок опускался, угрожая меня раздавить. Вместе с ним опускались громадные раскаленные прутья. От них веяло нестерпимым жаром. Я корчилась на полу, прикованная цепями. Меня подвела собственная неграмотность. Я не смогла прочесть загадку, написанную на стене, и теперь, к великой радости Амаранты, меня проткнули эти прутья.

Они спускались все ниже и ниже. Я знала: никто не явится и не спасет меня от неминуемой смерти.

Будет больно. Меня ждет медленная смерть, и прежде, чем умереть, я познаю ужасную боль и надышусь запахом собственного горелого мяса. Возможно, я даже стану звать на помощь свою мать, которой никогда не было до меня никакого дела. И все равно я позову ее на помощь...

Я села на постели, вырываясь из невидимых цепей. Руки и ноги стали совершенно ватными.

Быть может, я бы и доковыляла до купальной, если бы меня так жутко не трясло. Мне не хватало воздуха, и я торопилась дышать, дышать, дышать.

Дрожь не унималась. Я обвела глазами спальню. Комната была настоящей, а все недавние ужасы – очередными кошмарами. Яма и раскаленные прутья мне приснились. Я жива, я в полной безопасности.

Из раскрытых окон дул ночной ветер. Он теребил мне волосы, высушивая холодный пот. Темное небо было таким манящим. Неяркие звезды казались крупинками инея.

Мне вспомнились слова Брона про мой поединок с Мидденгардским червем. Для него это было увлекательное зрелище. Он не понимал: стоило мне тогда допустить хотя бы малейшую ошибку, и червь заглотил бы меня целиком, похрустывая моими костями.

Увеселительница, превратившаяся в спасительницу.

Я доковыляла до окна, открыла его шире и некоторое время любовалась звездным небом. Каменная стена приятно холодила разгоряченный лоб.

Через несколько часов я стану замужней женщиной. Заслуживала ли я такого счастья или нет, но я его обрету. И эта земля со всеми фэйцами и фэйри, населяющими ее... тоже обретет свое счастье. Мы сделаем первые шаги к исцелению. К миру. А потом все пойдет замечательно.

И у меня все будет замечательно.

Свадебное платье не вызывало у меня ничего, кроме ненависти.

Чудовищный изыск из гипюра, шифона и совсем прозрачной ткани, название которой я постоянно забывала. Как это платье отличалось от свободных одежд, к которым я успела привыкнуть. Узкий корсаж. Вырез, подчеркивающий линию груди и заставляющий ее выглядеть чуть пышнее. Я уж не говорю про подол. Я не могла подобрать подходящего слова, чтобы обозначить этот кусок материи, раскачиваемый душистым весенним ветром.

Неудивительно, что Тамлин покатывался со смеху. Даже Асилла, одевая меня, мурлыкала что-то себе под нос, удерживаясь от невпопад произнесенных слов. Еще бы! Ведь Ианта лично выбирала покрой платья, дабы он соответствовал истории обо мне, которую она сегодня поведаст гостям. Потом эта история разнесется по Притиании и станет легендой.

Возможно, платье не вызывало бы столько омерзения, если бы не его раздутые рукава – такие огромные, что я видела их даже боковым зрением. Мне сделали замысловатую прическу, половину волос завили кверху, а другую половину – книзу. Волосы украшали жемчужины, драгоценные камни и еще котел знает что. Я призвала на помощь все свое самообладание, чтобы не состроить гримасу перед зеркалом. Меня к нему подвели, дабы я полюбовалась собой перед тем, как спуститься в главный зал. При каждом шаге подол платья шуршал, шелестел и даже шипел.

Я ненадолго остановилась возле дверей крытого двора. Сад украшали ленты и фонарики, дающие красный, кремовый и небесно-голубой свет. Дальше мой путь лежал к самому большому внутреннему двору поместья. Там расставили триста стульев, и все их заняли придворные Тамлина. Затем я пройду по широкому проходу, где на меня будут глазеть с обеих сторон. Проход окончится возвышением и... Тамлином, терпеливо ожидающим моего появления.

Перед заходом солнца Ианта освятит и благословит наш союз, выступая от имени всех двенадцати верховных жриц. Ианта намекнула мне, что жрицы рвались сюда, но она, благодаря своей дипломатии, сумела спасти меня от встречи с остальными одиннадцатью. Либо она действительно оберегала мой покой и силы, либо ловко стянула все внимание на себя. Возможно, и то и другое.

У меня пересохло во рту. Я молча смотрела, как Асилла расправляет шлейф моего немыслимого платья. Хорошо, что это происходило в тени садовых дверей. Ненавистные мне гипюр и шелк снова зашелестели и зашуршали. Мои руки обтягивали длинные – до локтя – перчатки. Асилла сунула мне букет бледных цветов. Я сжала его так сильно, что едва не смяла стебли.

Да, моя татуировка скрылась под шелковыми перчатками. Ианта вручила их мне сегодня утром, достав из шкатулки, отделанной внутри бархатом.

– Ты только не волнуйся, – шепнула мне Асилла.

Предзакатное солнце делало ее лицо цвета древесной коры медово-золотистым.

– А я и не волнуюсь, – хрипловатым, не своим голосом ответила я.

– Ты напоминаешь мне младшего племянника, когда ему стригут волосы.

Асилла закончила расправлять и отряхивать многочисленные складки моего шлейфа. Она шикнула на стайку служанок, решивших тайком полюбоваться на меня перед началом церемонии. Я сделала вид, что не замечаю ни их, ни толпу гостей, рассеявшихся во дворе, и сосредоточилась на сдувании несуществующих пылинок с перчатки.

– Ты чудесно выглядишь, – тихо сказала мне Асилла.

Я не сомневалась: она того же мнения о платье, что и я, но поверила ее словам. Я даже поблагодарила ее.

– А вот голос у тебя такой, словно ты собралась на собственные похороны.

Я изобразила улыбку. Асилла в ответ округлила глаза. В это время двери распахнулись – сами собой или под напором бессмертного ветра, – и я услышала негромкую музыку. Асилла слегка подтолкнула меня вперед.

– Ты и глазом моргнуть не успеешь, как все кончится, – пообещала она, направляя меня на закатное солнце.

Все триста гостей встали и повернулись в мою сторону.

Мне вспомнилось другое событие, собравшее не меньше, а то и больше зрителей, – мое последнее испытание в недрах Подгорья. И тогда меня окружали разодетые, сверкающие драгоценностями зрители и зрительницы. Я старалась не вглядываться в лица.

Позади донеслось покашливание Асиллы. Она подавала мне сигнал: пора двигаться. Идти по проходу, к возвышению.

К Тамлину.

В сад я спускалась по короткой лестнице. У меня подгибались колени, и каждый шаг требовал изрядного напряжения сил и воли. Тамлин облачился в зеленый, расшитый золотом камзол. На голове сверкала корона из лавровых листьев. Сегодня Тамлин предстал передо мной таким, какой есть, без магических ухищрений, позволяющих несколько притушить его красоту. Все его великолепие предназначалось мне.

Я смотрела только на него, на моего верховного правителя. И Тамлин смотрел только на меня. Наконец я сошла на мягкую траву, усыпанную лепестками белых роз...

Вперемешку с красными.

Они напоминали капли крови и тянулись до самого возвышения.

Я заставила себя смотреть на Тамлина. На его горделиво расправленные плечи и высоко поднятую голову. Он и представить не мог, какой сокрушенной я была в душе и сколько темноты жило во мне. Я ощущала себя недостойной этих белых одежд. Даже мои руки в шелковых перчатках представлялись мне отвратительно грязными.

А еще мне казалось, что схожие мысли сейчас наполняли головы всех гостей. Они и не могли думать по-иному.

Мне полагалось идти неспешно, однако каждый мой шаг был излишне быстрым, словно я торопилась поскорее оказаться на возвышении, рядом Тамлином. И с Иантой. Сегодня на ней было одеяние темно-синего цвета. Капюшон с неизменным серебряным обручем скрывал ее сияющее лицо.

Спасительница. А не я ли убила двоих ни в чем не повинных фэйцев?

Я была убийцей и вруньей.

Кучка красных лепестков впереди казалась мне лужей крови. Такая же лужа разлилась у моих ног, когда я убила свою первую жертву – фэйского юношу.

До возвышения оставалось десять шагов. Чем ближе к этим красным лепесткам, тем медленнее становились мои шаги. Возле красной кромки я остановилась.

Все внимательно смотрели на меня. Точно так же они глазели на меня тогда, будучи зрителями моих мучений.

Тамлин протянул ко мне руку, слегка сдвинув брови. Мое сердце билось все быстрее.

Я боялась, что меня вытошнит. На красные лепестки, на траву, на ленты, протянутые вдоль спинок стульев.

Мне показалось, что под моей кожей, возле костей, что-то звенело и барабанило. Это что-то поднималось, наполняло мою кровь и несло вперед.

Слишком много глаз смотрело на меня. Пристально, выжидающе. Здесь собрались свидетели всех преступлений, совершенных мною, всех унижений, через которые я прошла.

И зачем только я надела перчатки? Зачем поддалась на уговоры Ианты?

Заходящее солнце вдруг показалось мне чересчур жарким, а сад, занимавший внутренний двор, – слишком тесным. Пространство, откуда не сбежишь. Такой же неизбежной, неотвратимой станет брачная клятва, которая навсегда соединит меня с Тамлином; точнее, прикует его к моей усталой, сокрушенной душе. А в моей душе нарастало что-то непонятное. Я сотрясалась от неведомой силы, рвущейся наружу.

Так будет всегда. Я не стану лучше, не освобожусь от себя, не выберусь из тюрьмы, где провела три месяца...

– Фейра, – произнес Тамлин.

Он все еще протягивал ко мне руку. Солнце успело скрыться за западной стеной. По траве стелились тени. В воздухе повеяло прохладой.

Если я сейчас повернусь, то дам обильную пищу для пересудов. Сама не знаю почему, но я не могла одолеть последние несколько шагов. Не могла, не могла, не могла...

Мне казалось, что я развалюсь на куски. Здесь. Сейчас. На глазах у гостей. Тогда они увидят, сколь изломана я была.

«Помоги мне! Помоги, помоги», – взывала я, сама не зная к кому. Возможно, к Ласэну, который стоял в переднем ряду, устремив на меня металлический глаз. Возможно, к Ианте – олицетворению покоя, безмятежности и красоты. «Спаси меня. Пожалуйста, спаси. Выведи меня отсюда. Прекрати все это».

Тамлин шагнул ко мне. Тревога притушила блеск его глаз.

Я попятилась. Внутри меня все кричало «нет!».

Ианта еще пыталась спасти положение.

– Взойди же сюда, невеста, и соединишь со своей истинной любовью. Пусть любовь восторжествует и одержит победу над тьмою, – ровным, звонким голосом произнесла она.

Она говорила правильные слова. Вот только со мною что-то творилось. Я ощущала, что не гожусь в жены Тамлину. Я ощущала себя ничем и никем. Моя душа, моя вечная душа была проклята.

Я попыталась заставить свои предательские легкие набрать немного воздуха, чтобы произнести хоть слово в ответ. Но сказать что-либо вслух у меня не получалось. А внутренний голос без конца повторял: «Нет, нет, нет».

Мне не понадобилось ничего говорить.

У меня за спиной раздался грохот, словно столкнулись два валуна.

Гости испуганно закричали. Кто-то упал со стульев. Кто-то исчез в разверзнувшейся тьме.

Я резко обернулась. Тьма рассеивалась, как дым, уносимый ветром. Передо мной стоял Ризанд, поправляя лацканы черного камзола.

– Приветствую тебя, дорогая Фейра, – знакомым мурлыкающим голосом произнес он.

Глава 5

Стоило ли мне удивляться? Я успела забыть, что Ризанд из всего любил делать шоу. А уж в искусстве позлить Тамлина он вообще преуспел.

Ради этого он и явился сейчас.

Я мотнула головой, все еще не веря глазам. Нет, мне не почудилось. Передо мной стоял Ризанд, верховный правитель Двора ночи. Темнота, струившаяся от его фигуры, напоминала чернила, налитые в воду.

Он наклонил голову набок. Его иссиня-черные волосы чуть колыхнулись. Фиолетовые глаза вспыхнули и остановились на Тамлине. Несколько караульных обнажили мечи, прикидывая, как вызволить меня из беды и одолеть непрошеного гостя.

Ризанд поднял руку, и караульные застыли.

Побледневшая Ианта медленно пятилась.

– Какая чудная свадьба, – проговорил Ризанд, засовывая руки в карманы.

Никто больше не отважился извлечь меч из ножен. Часть гостей уже повскакивали на ноги и отступали к дверям. Некоторые даже перелезали через стулья, торопясь покинуть двор.

Ризанд медленно обвел меня взглядом. Увидев шелковые перчатки, он прищелкнул языком. Буря, что еще недавно бушевала у меня в душе, затихла. Из жара меня бросило в холод.

– Убирайся отсюда, – прорычал Тамлин, направляясь к нам.

Из-под костяшек его пальцев выдвинулись звериные когти.

Риз снова прищелкнул языком:

– Не стоит мне грубить. Я ведь пришел напомнить дорогой Фейре о нашем уговоре.

Я словно провалилась в ужасающую пустоту. Нет! Только не сейчас.

– Ты знаешь, чем чревата попытка нарушить наш уговор, – продолжал Риз.

Зрелище перепуганных гостей, торопящихся прочь, вызвало у него легкую усмешку. Потом он снова повернулся ко мне:

– Я дал тебе целых три месяца свободы. Ты могла хотя бы обрадоваться моему визиту.

Меня трясло так, что я вообще не могла вымолвить ни слова. В глазах Ризанда мелькнуло недовольство, но стоило ему взглянуть на Тамлина, его лицо вновь стало непроницаемым.

– Я забираю Фейру с собой, – объявил он.

– Ты не осмелишься, – прорычал Тамлин.

Между тем возвышение опустело. Ианту будто ветром сдуло, равно как и прочих участников церемонии.

– Разве я помешал? Я думал, все уже кончилось.

Риз наградил меня язвительной улыбкой. Он знал... через нашу странную связь, через магию, что существовала между нами. Он знал о моем намерении сказать «нет».

– И Фейра того же мнения.

– Дай нам закончить церемонию, – потребовал Тамлин.

– По-моему, твоя верховная жрица тоже считает, что все окончилось.

Тамлин напрягся. Обернувшись, он увидел, что алтарь опустел. Когда Тамлин вновь повернулся к нам, его когти наполовину втянулись внутрь.

– Ризанд... – начал он.

– Я не намерен торговаться, – перебил его Риз, – хотя наверняка мог бы обратить сложившуюся ситуацию себе на пользу.

Он тронул меня за руку. Я вздрогнула.

– Идем, – сказал мне Риз.

Я застыла на месте.

– Тамлин, – заплетающимся языком произнесла я.

Тамлин шагнул ко мне. Его лицо стремительно тускнело, лишаясь золотистого блеска.

– Назови свою цену, – сказал он, продолжая глядеть на Ризанда.

– Не подлизывайся, – томно произнес Риз, беря меня под руку.

Я не испытывала ничего, кроме отвращения.

Сейчас он перенесет меня ко Двору ночи, где царит разврат, жестокость и смерть. Недаром Амаранта строила свое Подгорье, взяв этот Двор за образец.

– Тамлин, прошу тебя, – взывала я.

– Ой, как жалобно, – сказал Ризанд, крепче сжимая мое запястье.

Однако Тамлин не шевельнулся. Его когти исчезли, словно их и не было. Он безотрывно смотрел на Риза.

– Если ты причинишь ей вред... – прорычал Тамлин.

– Знаю, – лениво отмахнулся Ризанд. – Через неделю верну.

Я не понимала: какой смысл в угрозах Тамлина? Это пустые слова, если он не сделал ни малейшей попытки меня выволить. Получалось, он признавал право Ризанда. Даже Ласэна ошеломил такой поворот событий. Его лицо побелело от ярости.

Риз отпустил мою руку, но лишь затем, чтобы обвинить талию.

– Держись, – прошептал он.

Вокруг загудела тьма. Ветер раскачивал меня в разные стороны. Земля стремительно уходила из-под ног. Весь мир куда-то исчезал. Только Риз оставался на месте. Я была вынуждена за него цепляться, отчего ненавидела его всем сердцем.

Потом тьма исчезла.

Вначале я вдохнула аромат жасмина, затем увидела звезды. Море звезд, мерцающих за высокими колоннами, вытесанными из лунного камня. В какую сторону ни глянь – глаз повсюду наталкивался на нескончаемые горы с заснеженными вершинами.

– Добро пожаловать ко Двору ночи, – сказал мне Риз.

Таких красивых мест я еще не видела.

Не знаю, как назвать строение, в котором мы оказались и которое занимало вершину серой горы. Пространство вокруг нас – нечто вроде зала – было открыто всем природным стихиям. Ни окон, ни стен здесь не было – только внушительные колонны и прозрачные занавески, раскачивающиеся на ветерке, несущем аромат жасмина.

Теплый воздух в разгар лютой зимы? Похоже, не обошлось без магии. К тому же странный дворец стоял на приличной высоте. Совсем рядом бушевали ветры, сдували снег с горных склонов, отчего он повисал пеленой тумана.

Присмотревшись, я поняла, что зал разделен на несколько частей. Их границами служили либо все те же занавески, либо сочные зеленые растения. Полы утопали в глубоких коврах. На ветерке покачивались светящиеся шары. Со сводов потолка свешивались светильники из разноцветного стекла.

И ни крика, ни стона, ни мольбы о пощаде.

Обернувшись, я увидела белую мраморную стену с несколькими дверными проемами, за которыми просматривались тускло освещенные лестницы. Должно быть, остальная часть Двора ночи скрывалась внутри горы. Тогда понятно, почему я не слышала ни криков, ни стонов. Каменная толща не пропускала звуков.

– Это – моя личная резиденция, – непринужденным тоном произнес Риз.

Прежде его кожа была бледнее. За время, что мы не виделись, она стала слегка золотистой.

Я понимала, откуда взялась бледность. После пятидесяти лет почти безвылазного пребывания в Подгорье его кожа и не могла быть иной. Я помнила его громадные перепончатые крылья. Помнила неожиданное признание, что он любит летать. Но сейчас я не видела даже намека на крылья. Передо мною стоял лишь ухмыляющийся фэец.

До чего знакомое выражение!

– Как у тебя хватило наглости...

Риз хмыкнул:

– А знаешь, я соскучился по этому выражению на твоём лице.

Он подошел ближе. Его движения были по-кошачьему грациозны. Фиолетовые глаза уже не так сверкали, что делало их еще опаснее.

– Я готов принять твою благодарность. Да ты и сама знаешь.

– Благодарность... за что?

Риз остановился в опасной близости от меня, его руки покоились в карманах камзола. Клубы тьмы больше не окружали фигуру фэйца, и я поняла, что успела забыть, сколь она совершенна. Во всем остальном он выглядел вполне нормально.

– За то, что спас тебя, когда ты попросила.

– Я ни о чем не просила, – бросила я и сжалась.

Кивком подбородка Риз указал на мою левую ладонь.

И тут же схватил меня за руку и, урча, как кот, сорвал с нее перчатку. Его прикосновение обжигало. Я дернулась, пытаюсь вырваться, но он держал крепко. Потом снял и вторую перчатку.

– Я слышал, как ты просила кого-то... кого угодно... спасти тебя, помочь тебе выбраться. Я слышал твое «нет», звучавшее у тебя внутри.

– Я ничего не говорила.

Он сжал мою левую ладонь и всмотрелся в темно-синий глаз, который сам же и вытатуировал. Постучал по зрачку. Один раз. Второй.

– Я громко и четко слышал твои призывы.

Я выдернула руку:

– Верни меня обратно. Немедленно. Я не хочу, чтобы меня крали, как вещь.

– Вряд ли можно было выбрать более удачное время, – пожал плечами Ризанд. – Возможно, Тамлин не заметил, что ты собиралась отказать ему в присутствии всего двора. Возможно, ты сумеешь целиком свалить вину на меня.

– Какой же ты наглец! Ты всем дал понять, что у меня имеются... сомнения.

– Это вместо благодарности? Впрочем, мне пора бы привыкнуть.

Я с трудом втянула в себя воздух.

– Чего ты хочешь от меня? – без обиняков спросила я.

– Чего хочу? Прежде всего хочу услышать слова благодарности. Обыкновенное «спасибо». Далее я хочу, чтобы ты сняла это отвратительное платье. Ты в нем выглядишь... – Рот Ризанда искривился в гримасу. – Выглядишь как наивная, доверчивая дурочка. Именно такой тебя хотели бы видеть твой суженый и его жеманная жрица.

– Ты ничего не знаешь ни обо мне, ни о нас.

Риз понимающе улыбнулся:

– А Тамлин? Много ли он знает о тебе? Он когда-нибудь поинтересовался, почему тебя выворачивает каждую ночь или почему тебе тяжело находиться в некоторых комнатах и тяжело смотреть на некоторые цвета?

Я застыла. С таким же успехом Риз мог бы раздеть меня догола.

– Убирайся из моей головы, – потребовала я.

Тамлину хватало собственных ужасов, с которыми ему приходилось справляться.

– Я то же самое могу сказать и тебе, – заявил Риз, отходя на несколько шагов. – Думаешь, мне приятно просыпаться каждую ночь и смотреть, как тебя рвет? Все, что с тобою происходит, ты отправляешь по связующим нас нитям. Я пытаюсь уснуть, а вынужден лицезреть твои спектакли, да еще и сидя в первом ряду.

– Мерзавец!

Ответом мне стал очередной смешок. Но я не собиралась расспрашивать его о связующих нитях. Он бы хотел увидеть неподдельное любопытство на моей физиономии. Не дождется.

– Обо всем остальном, что мне требуется от тебя... – Риз умолк, махнув рукой в сторону стены с дверями, – я расскажу тебе завтра, за завтраком. А сейчас предлагаю вымыться и отдохнуть.

Он окинул меня взглядом, и снова я уловила в его глазах гнев, вызванный моим нелепым платьем и такой же нелепой прической.

– Правый вход. Спустишься по лестнице на один этаж. Там твои покои.

– И ты не бросишь меня в тюремную камеру? – вырвалось у меня.

Я сразу же пожалела о собственной глупости. Зачем показывать страх и давать Ризу лишний козырь?

Однако мои слова лишь позабавили его.

– Фейра, ты не моя узница. Мы с тобой заключили уговор, и я придерживаюсь его условий. Ты будешь моей гостьей, со всеми существующими привилегиями. Никто из моих подданных не посмеет тебя и пальцем тронуть, не говоря уже о причинении тебе вреда. Более того, я не потерплю даже дурных мыслей о тебе.

С трудом ворочая отяжелевшим языком, я спросила:

– А где же твои подданные?

– Часть живет внутри горы, – ответил Риз, кивая на пол. – Им строжайше запрещено показываться в моей резиденции. Кто появится здесь без разрешения, подпишет себе смертный приговор.

Наши глаза встретились. Похоже, он не только видел, но и чувствовал страх, охвативший меня.

– Амаранта не отличалась особой выдумкой, – продолжал Ризанд, сдерживая раздражение. – Мой подземный двор у многих вызывал неподдельный страх, потому она и решила устроить себе нечто подобное, осквернив священную гору Притиании. Да, Фейра, мой двор находится в недрах горы. Твой Тамлин решил, что я насильно загоню тебя туда. Но хотя я и являюсь правителем двора, он способен управляться без моего постоянного присутствия.

– И когда ты... отведешь меня туда?

Если мне суждено снова оказаться в подземелье, снова увидеть всевозможные ужасы, творящиеся там... Я готова просить, даже умолять его избавить меня от такой участи, как бы противно и унизительно это ни выглядело. В том, что касалось моего выживания, я утратила всякую щепетильность.

– Я не собираюсь вести тебя вниз. – Риз передернул плечами. – Здесь мой дом, а двор в недрах горы... у вас, смертных, это называется местом работы. Мне не по нраву, когда одно слишком часто переkreщается с другим.

– «У вас, смертных»? – удивленно повторила я.

На его лице переливался звездный свет.

– Почему я должен считать тебя иной?

Это был вызов. В уголках его рта застыло легкое изумление. Я подавила вспышку раздражения и задала новый вопрос:

– А где живут остальные подданные Двора ночи?

Двор ночи был самым большим из всех дворов Притиании. Но вокруг нас простирались лишь заснеженные, продуваемые холодными ветрами горы. Никакого намека на города и деревни. Эти пространства можно было легко принять за необитаемые.

– Живут, где пожелают. Я даю им свободу. И ты тоже вольна бродить где вздумается.

– Мне вздумается отправиться домой.

Риз засмеялся и неспешным шагом двинулся в другой конец зала, на веранду, открытую небу и звездам.

– Как ты знаешь, дорогая Фейра, я в любое время готов принять твою благодарность, – не оборачиваясь, ответил он.

У меня перед глазами мелькнула яркая красная вспышка. В голове загудело и загрохотало. Я не могла ни думать, ни даже дышать. Только что я смотрела на его удаляющуюся спину, а в следующее мгновение в моей руке оказалась изящная шелковая туфелька.

Я швырнула эту туфельку в него. Изо всех сил. Изо всей своей заметно возросшей, бессмертной силы.

Я едва видела, как туфля взмыла вверх и со скоростью метеора полетела через зал. Даже верховный правитель не смог почуять ее приближение, пока она не ударила его по голове.

Риз стремительно повернулся, потирая ушибленную голову. Теперь он смотрел на меня во все глаза. Я сняла и вторую туфлю.

– Ишь ты, – с заметным раздражением произнес он.

Похоже, верховный правитель Двора ночи пребывал сегодня не в лучшем настроении и не скрывал этого.

Вторая шелковая туфелька полетела в том же направлении. Эту он сумел перехватить.

Риз зашипел, опустив руку с туфлей. Наши глаза встретились. Туфля превращалась в сверкающую черную пыль. Затем он разжал пальцы. Туфля исчезла. Похоже, мой выпад заставил его по-иному взглянуть на меня.

– Интересно, – пробормотал Ризанд и отправился дальше.

Мне отчаянно хотелось броситься за ним и пройти кулаками по его физиономии, но я удержалась от такой дурости. Как-никак я в его владениях, на вершине горы, которая... Я даже не представляла, где, в какой части Двора ночи поднимается эта гора. Никто не явится сюда меня спасать. Даже криков моих никто не услышит.

Я направилась к указанной лестнице. От мелькавших мыслей вдруг стало страшно. Я боялась даже шумно дышать. Неожиданно с противоположного конца зала донесся мелодичный женский голос:

– Значит, все прошло хорошо.

Ответное рычание Риза заставило меня поспешить вниз.

Отведенные мне покои были... сказочным сном.

Правда, это не помешало мне проверить их на предмет возможных опасностей, найти все входы и выходы, а также места, где при необходимости можно спрятаться. Завершив проверку, я остановилась посередине, разглядывая место, которое на неделю станет моим домом.

Как и верхний зал, это помещение открывалось суровым стихиям. В окнах – ни стекол, ни ставней. Только прозрачные занавески аметистового цвета, покачивающиеся на легком ветерке. Огромная кровать была сочетанием оттенков белого и слоновой кости. Количество подушек и покрывал превосходило пределы разумного. Две золотистые лампы по обе стороны кровати так и звали затеряться среди великолепия простыней и покрывал. У стены, между двумя странными окнами, стояли шкаф и туалетный столик. Арочная дубовая дверь в противоположной стене вела в купальню, по роскоши отличающуюся от купальни в поме-

стье Тамлина так же, как само поместье отличалось от деревенской хижины в моей прежней, смертной жизни.

Вместо мраморной купели я увидела настоящий пруд. Место, где можно плавать или просто нежиться, предаваясь размышлениям. Он тянулся далеко и заканчивался естественным водопадом, низвергающимся с горы. Вода беззвучно струилась и столь же беззвучно уходила в ночь. Вдоль стены тянулся узкий карниз, уставленный толстыми свечами с оплывшим воском. Их огоньки золотили темную зеркальную поверхность воды, от которой поднимались струйки пара.

От всей этой умопомрачительной роскоши исходило странное спокойствие.

Такие покои достойны императрицы. Только правительница могущественного государства могла бы позволить себе мраморные полы, шелка, бархат, прихотливо изящную мебель. Если Риз так принимал гостей, каковы же его собственные покои?

Я была гостьей, а не узницей.

Узников не селят в роскошные хоромы.

Я не стала пытаться подпереть дверь чем-нибудь тяжелым. Зачем, если Риз легко пройдет через стену? Я помнила, с какой легкостью он сокрушил мозг одному фэйри. Даже рук из карманов не вынул. Разве мог кусок дерева, пусть и крепкого, противостоять ужасающей силе хозяина этого места?

Я снова осмотрела свое новое пристанище. Свадебное платье недовольно шуршало. Я поморщилась, оглядывая его шлейф. «До чего глупо ты выглядишь в этом наряде», – сказала я себе.

У меня вдруг покраснели щеки и шея.

Поступок Ризанда не имел оправдания. Даже если он и... спас меня. Даже мысленно произнося это слово, я чуть не поперхнулась. Спас от моего «нет» Тамлину. От необходимости объясняться.

Я медленно освобождала волосы от шпилек и украшений, бросая красивые побрякушки на туалетный столик. Получилась целая горка. Зрелище было настолько невыносимым, что я выдвинула пустой ящик и переправила всю грудку заколок туда. Потом я задвинула ящик, да с таким грохотом, что зеркало над столиком затряслось. Надо же, какую тяжесть выдерживала моя бедная голова. Неудивительно, что ее кожа теперь саднила. А ведь еще днем, когда мне сооружали прическу, я представляла, как Тамлин будет вытаскивать каждую булавку, сопровождая каждое свое движение поцелуем...

Я глотала слюну, толкая ее в пересохшее, воспаленное горло.

Сейчас меня меньше всего заботил Риз. Тамлин видел мою нерешительность. Но понял ли он, что я собиралась сказать «нет»? А Ианта? Я должна обстоятельно поговорить с ними. Должна объяснить, что со свадьбой необходимо повременить. Как долго? Возможно, пока я не почувствую парные узы, связывающие меня с Тамлином. Пока во мне не останется сомнений и брак с ним не перестанет казаться ошибкой... Я все еще не знала, достойна ли Тамлина. Как в таком состоянии выходить замуж?

Возможно, нам нужно подождать, пока и его отпустят кошмары. Пока он успокоится и уже не будет каждое мгновение печься о моей безопасности. Пусть я и понимала его потребность защитить меня. И страх меня потерять я тоже понимала... Надо будет все спокойно ему объяснить, когда вернусь.

Но ведь столько глаз видели мою нерешительность...

У меня затряслась нижняя губа. Я растегнула платье, позволив жуткому нагромождению ткани упасть с плеч.

Постепенно все гипюрово-шелковое недоразумение переместилось на мраморный пол, сделавшись похожим на громадное измятое пирожное. Даже нижнее белье выглядело

смешным и дурацким: кружевная пена, которой Тамлин вначале должен был бы восхищаться, а затем – изорвать в клочья.

Скомкав платье, я запихнула его в шкаф. Туда же отправилось и нижнее белье.

На фоне белого шелка и кружев моя татуировка выглядела еще резче и рельефнее. Мое дыхание участилось. Я схватила с другой полки первую попавшуюся одежду и только сейчас поняла, что всхлипываю, а глаза полны слез. Я облачилась в бирюзовые штаны, оканчивавшиеся возле щиколоток, и такую же рубашку с короткими рукавами. Кромка рубашки доходила мне до пупка. Возможно, при Дворе ночи была такая мода. Меня это не волновало, как и то, что ткань была мягкой и теплой.

Я забралась в кровать. Казалось, она только и ждала меня. Собрав остатки сил, я задула лампы.

Когда вокруг стало темно, я по-настоящему дала волю слезам. Я вздрагивала от рыданий. Они поднимались в воздух и через открытые окна улетали в звездную, снежную ночь.

Я долго ворочалась, однако под утро заснула. Меня разбудил негромкий стук служанок. Открыв глаза, я некоторое время не могла понять, почему моя кровать вдруг стала такой мягкой и почему вместо зеленых холмов в окно видны серые заснеженные горы... Потом я вспомнила, где нахожусь и что этому предшествовало. Вместе с воспоминаниями пожаловала головная боль, накатывая на меня волнами.

Последовал еще один стук в дверь, затем служанки объяснили, кто они такие и зачем пришли. Я выбралась из кровати и впустила их. Двойняшки смущенно поздоровались и сообщили, что завтрак начнется через полчаса, а до этого мне необходимо вымыться и одеться.

Я бы их не узнала, однако хорошенькие черноволосые двойняшки держали себя так, словно я была хорошо им знакома. Ничего удивительного: прежде я видела лишь тени, чьи лица скрывались за непроницаемой завесой темноты. Но теперь, когда не стало Амаранты, служанки предстали передо мной в своем телесном облике.

Их звали Нуала и Серридвена. Возможно, они уже представлялись мне, но в Подгорье меня не заботило, кого как зовут.

Я не стала их смущать и спрашивать, передают ли они мне приказ Ризанда, или это их собственное пожелание. Наверное, последнее. Должно быть, выглядела я прескверно. Я сказала им, что мыться и одеваться умею самостоятельно. Служанки не спорили. Сложив на кровати одежду, они ушли.

Я погрузилась в пруд с горячей водой и поняла, что готова просидеть там весь день. Но в мою головную боль вклинилось еще одно ощущение. Казалось, меня дергают за невидимую нитку. Ощущение было мне знакомым: другим утром, спустя несколько часов после гибели Амаранты, Ризанд позвал меня на разговор. Меня не просто дергали за ниточку. Чувствовалось и любопытство дергающего.

Я сидела по шею в воде, разглядывая чистое зимнее небо. Над вершинами гор по-прежнему свирепствовал ветер, сдувая снег... Я не ощущала присутствия Ризанда, не слышала хлопанья перепончатых крыльев. Но меня продолжали дергать за ниточку. Меня звали, как зовут слуг, звоня в колокольчик.

Бормоча под нос ругательства в адрес Ризанда, я вымылась, затем быстро оделась.

Зал, в который я поднялась, заливало утреннее солнце. Невидимые пальцы продолжали тянуть за невидимую нить, и я шла. Ноги в малиново-красных шелковых туфлях бесшумно ступали по каменным плитам пола. Я шла, подавляя острое желание сорвать с себя всю одежду, поскольку она принадлежала этому месту. Принадлежала ему.

Вместо платья мне выдали просторные штаны персикового цвета. Они оканчивались возле лодыжек бархатными золотистыми манжетами. К ним прилагалась кофта такого же

цвета с длинными рукавами, тоже с манжетами. Ткань была достаточно тонкой. Как и мой ночной наряд, кофта оканчивалась на уровне пупка, оставляя полоску тела открытой.

Одежда оказалась удобной. В ней легко двигаться. Бежать тоже легко. Женственная и довольно экзотичная. Оставалось надеяться, что Ризанд не устроит мне пытку и не вытолкнет в столь тонком одеянии на мороз. Не знаю, какая магия поддерживала здесь тепло, но хотелось надеяться, что меня не ждут прогулки по промерзшим склонам.

Татуировка, просвечивающая сквозь левый рукав, здесь выглядела вполне уместной. Как и одежда, она была частью Двора ночи.

И частью игры, затеянной Ризандом. В этом я не сомневалась.

На каменной веранде стоял небольшой стеклянный стол. Отсюда он казался сделанным из ртути, и поверхность его ломилась от угощений: фруктов, соков, колбасок, пирожных... Окружали стол три стула, и на одном сидел Риз. Он созерцал горы. Лучи солнца делали снег на их вершинах ослепительным. Я знала: он почувствовал мое присутствие, еще когда я только-только поднялась и вышла в зал. Нет, наверное, раньше, если потянул за невидимую нить.

Я остановилась между колонн, разглядывая верховного правителя, стол с яствами и горы.

– Я не собачонка, чтобы подзывать меня свистком, – вместо приветствия сказала я.

Риз неторопливо повернулся. Его фиолетовые глаза мерцали в утреннем свете. Он несколько раз оглядел меня с ног до головы. Мои пальцы сами собой сжались в кулаки. Наверное, в моем одеянии чего-то не доставало, поскольку Риз слегка нахмурился.

– Я всего лишь не хотел, чтобы ты заблудилась, – мягко ответил он.

Головная боль по-прежнему накатывала волнами. Я смотрела на серебряный чайник в центре стола. Из его носика шел пар. Мне жутко захотелось чая.

– Я думала, здесь всегда темно, – сказала я.

Да, мне жутко хотелось чая, и эти слова я произнесла, чтобы замаскировать свое желание.

– Наш двор входит в число трех солнечных дворов, – сказал Ризанд, изящным жестом приглашая меня сесть. – Наши ночи гораздо красивее, чем дни. Закаты и рассветы тоже впечатляют, но мы не идем вразрез с законами природы.

Я уселась на мягкий стул напротив него. Камзол и рубашка Ризанда были расстегнуты, показывая полоску загорелого тела.

– А почему остальные дворы не следуют законам природы?

– Такова природа четырех дворов, названных по именам времен года. Она связана с верховным правителем каждого двора. Тот своей магией поддерживает вечную весну, лето, осень или зиму. Так было всегда. Станный застой, освященный давними традициями. Зато Дворы дня, зари и ночи имеют более... символическую природу. Какими бы могущественными мы ни были, мы не можем изменить путь солнца или повлиять на силу его лучей. Желаешь чаю?

На изогнутом носике серебряного чайника танцевали блики солнца. Я ограничилась кивком. Ризанд, не смутившись, стал наливать мне чай.

– Вскоре ты сама убедишься в редкой красоте наших ночей. Они настолько красивы и величественны, что часть моих подданных живет при свете звезд. На рассвете они ложатся спать, а с закатом просыпаются.

Я плеснула в чай молока, наблюдая, как в моей чашке перемешиваются свет и тьма.

– А почему здесь так тепло, когда рядом лютует зима?

– Магия.

– Об этом я уже догадалась, – сказала я, пробуя восхитительно вкусный чай. – Но зачем?

Риз смотрел на ближайшую вершину, откуда ветер сдувал снежную пыль.

– Зимой принято обогревать жилища. С какой стати я должен мерзнуть? По правде говоря, я сам не знаю, почему мои предки построили дворец, более уместный для Двора лета. В здешних горах никогда не бывает жарко. В лучшем случае – довольно тепло. Но стоит ли задаваться вопросами, на которые нет ответов?

Я сделала еще несколько глотков. Головная боль утихала. Я отважилась положить себе немного фруктов из стеклянной чаши. Ризанд следил за каждым моим движением.

– А ты похудела, – тихо сказал он.

Я ковырнула вилкой кусочек дыни.

– Ты заглядываешь ко мне в голову, когда тебе заблагорассудится. Не понимаю, почему тебя это удивляет.

Выражение глаз Ризанда не изменилось, но на его чувственных губах вновь появилась улыбка. Похоже, это его любимая маска.

– К тебе в голову я заглядываю лишь случайно. И не могу не заглядывать, если все твои мысли и ощущения приходят по нитям нашей связи.

Я не хотела приставать к нему с расспросами, однако любопытство перевесило.

– А как действует эта связь? Почему она позволяет тебе заглядывать в мою голову?

Ризанд отпил из своей чаши.

– Представь наш уговор в виде моста, пролегшего между нами. По краям у него – двери, оберегающие вход в разум каждого из нас. Своеобразный заслон. Однако мои врожденные способности позволяют преодолевать такие заслоны и проникать в чужой разум. Для этого и моста не надо. Исключение составляют только очень сильные личности, которые долго упражнялись, учась держать свои двери на крепком замке. В твоём прежнем, человеческом обличье дверь была распахнута, и я мог свободно приходить, когда мне вздумается. Теперь, когда мы превратили тебя в фэйку... – Он слегка пожал плечами. – Порою ты выставлешь заслон, и довольно крепкий. Так бывает, когда ты собрана и хорошо владеешь собой. Но когда тебя переполняют чувства, твой заслон исчезает. В такие мгновения ты, образно говоря, стоишь у ворот собственного разума и выкрикиваешь свои мысли, отправляя их по мосту ко мне. Иногда я их слышу, иногда нет.

Я нахмурилась, стиснув вилку с недоеденным куском дыни.

– И часто ты пасешься у меня в мозгу, пользуясь тем, что нет заслона?

С лица Ризанда исчезли все следы недавнего благодушия.

– Я это делаю, когда не могу понять, действительно ли тебе что-то угрожает, или тебя терзают кошмарные сны. Когда ты собираешься замуж, а потом взываешь неведомо к кому, чтобы тебе помогли. Я не настолько любопытен, как ты думаешь. Ты стоишь на своем краю моста и кричишь, убрав все преграды. У тебя на языке наверняка уже вертится вопрос. Я догадываюсь какой. Не трудись его задавать, я и так отвечу. Да, даже если ты выставишь все свои заслоны, я и тогда при желании смогу проникнуть в твой разум. Правда, ты можешь научиться оберегать свой разум от проникновения таких, как я. И ни мост, существующий между нами, ни мои врожденные способности не помешают тебе загородиться.

Я проигнорировала плохо завуалированное предложение Ризанда. Соглашаться на что-либо – значит признать и упрочить наш уговор, а этого мне очень не хотелось.

– Вчера ты обещал за завтраком рассказать, чего от меня хочешь. Говори, я слушаю.

Риз откинулся на спинку стула, скрестив руки. Одежда не могла скрыть их силу.

– Ты имеешь в виду эту неделю? Я хочу научить тебя читать.

Глава 6

Однажды, когда мы томились в Подгорье, Ризанд высмеял мое неумение читать. И даже сказал, что знает, какую пытку в случае чего применит ко мне. Насильственное обучение чтению.

– Нет, благодарю, – ответила я, едва удерживаясь от желания всадить вилку ему в голову.

– Ты собираешься стать женой верховного правителя, – невозмутимо продолжал Риз. – Тебе придется отвечать на письма и писать самой. Возможно, даже выступать с речами. И одному Котлу известно, какие еще обязанности Тамлин и Ианта придумают для тебя. Скажем, составление меню для торжественных обедов. Да, тебе ведь преподнесут неимоверное количество свадебных подарков, и ты должна будешь письменно отблагодарить всех дарителей. Возможно, Тамлину захочется, чтобы ты вышивала на подушках какие-нибудь изречения. Для этого тоже нужна грамотность. Это необходимый навык. А знаешь... почему бы нам одновременно не заняться чтением и умением ставить защиту на свой разум? Ты можешь сочетать и то и другое.

– Да, это необходимые навыки, – процедила я сквозь зубы. – Но учить меня им ты не будешь.

– Тогда чем ты намерена себя занимать? Живописью? Или все дни маяться от безделья?

– Тебе-то какое дело?

– Важное, поскольку это, естественно, служит различным моим целям.

– Ну да! Твоим целям. Каким?

– Думаю, тебе будет лучше не упрямыться, а вместе со мной узнать, что это за цели.

Что-то острое впилось мне в руку. Я не заметила, как смяла вилку, и ее зубцы вонзились в мою кожу.

– Интересно, – усмехнулся Риз, когда я бросила изуродованную вилку на стол.

– Это ты уже говорил вчера.

– А разве мне непозволительно произносить слова дважды?

– Я имела в виду совсем другое. Что – ты и сам знаешь.

Ризанд снова пронзил меня взглядом, как будто был способен заглянуть сквозь ткань одежды, сквозь кожу в мою разбитую на множество кусков душу. Затем он посмотрел на смятую вилку:

– Тебе говорили, что ты сильнее обычных фэйских женщин?

– Неужели сильнее?

– Принимаю твой вопрос в качестве отрицательного ответа. – Ризанд отправил себе в рот кусочек дыни. – А с кем-нибудь мериться силой тебе приходилось?

– Зачем мне это?

Я и так ощущала себя развалиной.

– Тебя воскресили и вернули к жизни объединенные усилия семи верховных правителей. На твоём месте я бы поллюбопытствовал, не передалось ли тебе еще что-нибудь, кроме сильного тела.

У меня заледенела кровь.

– Ничего мне не передалось.

– А было бы весьма интересно, – усмехнулся он, – если бы передалось.

– Ничего интересного. И вообще, я не собираюсь учиться читать и ставить защиту.

Особенно с тобой.

– Почему? Из вредности? Я думал, все это мы с тобой преодолели еще в Подгорье.

– Не вынуждай меня напоминать, что ты сделал со мной в Подгорье.

Риз замер.

Таким я его еще не видела. Он застыл. В его глазах мелькнуло что-то опасное, словно сама смерть глянула оттуда, поманив меня. Затем он задышал часто-часто. Мне показалось, что я уже вижу тень могучих крыльев у него за спиной.

Он открыл рот, подался вперед и вдруг замер. Крылья исчезли, прерывистое дыхание успокоилось. На губах вновь появилась ленивая улыбка.

– Сейчас к нам кое-кто присоединится. А об этом мы с тобой поговорим потом.

– Нет, не поговорим, – отрезала я.

Послышались легкие, пружинистые шаги, и вскоре я увидела ее.

Если Ризанд – самый красивый мужчина, каких я видела, она – самая красивая женщина.

Ее сверкающие золотистые волосы были заплетены в свободную косу. Одета красавица была в бирюзовый наряд того же покроя, что и у меня, и кофта обнажала полоску загорелой кожи. Казалось, женщина вся светится на утреннем солнце.

– Здравствуй, здравствуй, – прощебетала она.

Ее полные губы изогнулись в ослепительной улыбке. Сочные карие глаза остановились на мне.

– Фейра, познакомься с моей сестрой Морриганой, – тоном учтивого хозяина произнес Ризанд. – А ты, Мор, познакомься с очаровательной Фейрой, которая обо всем имеет собственное суждение.

Мне хотелось плеснуть недопитый чай ему в физиономию, но Морригана уже шла ко мне. Каждый ее шаг отличался уверенностью, грациозностью и... какой-то выверенностью. Веселое настроение не мешало ей оставаться предельно внимательной. Таким, как она, не требовалось оружие. Мне было трудно представить ее с кинжалом у пояса.

– Я столько слышала о тебе, – сказала она.

Мне не оставалось иного, как подняться и протянуть ей руку.

Рукопожатия я не дождалась. Морригана вдруг крепко меня обняла. От нее пахло лимоном и корицей. Я пыталась расслабить свои напрягшиеся мускулы. Она отошла и лукаво улыбнулась.

– Похоже, ты успела наступить на все его любимые мозоли, – сказала Мор, занимая стул между нами. – Хорошо, что я вовремя появилась. Хотя я бы с удовольствием посмотрела, как ты загоняешь его на стенку.

Чувствовалось, слова Мор погладили Риза против шерсти. Он выпучил глаза и изогнул брови в ошеломлении.

– Рада с тобой познакомиться, – сказала я, пряча улыбку.

– Только врать не надо, – ответила мне Мор. Она налила себе чаю и наполнила тарелку. – Ты рада бы убежать от нас без оглядки. А зловерный Риз заставляет тебя здесь сидеть и вести учтивые беседы.

– Мор, ты сегодня... слишком уж бойкая на язык, – сказал ей Риз.

– Прости, братец. Это от волнения. У нас так редко бывают гости.

– По-моему, тебе есть чем заняться, – раздраженно произнес Ризанд.

Я плотно сжала губы, чтобы не прыснуть со смеху. Таким раздраженным я видела Риза впервые.

– Всех дел не переделаешь. Надо и отдохнуть. И потом, ты говорил, что я могу тебя навещать, когда пожелаю. Разве я могла пропустить такой момент? Наконец-то здесь моя новая подруга. Ради такой встречи можно все дела отложить.

Мне оставалось лишь удивленно моргать. Кое-что я поняла сразу. Первое: Морригана не лукавила и говорила все, что думала на самом деле. И второе: это ее голос я слышала вчера, когда она подтрунивала над Ризом по поводу нашей стычки. Как она сказала? «Зна-

чит, все прошло хорошо». Можно подумать, что наши с ним отношения когда-нибудь станут другими!

Возле моей тарелки из воздуха появилась новая вилка. Я сразу подцепила еще один кусок сахарной дыни.

– А между вами совсем нет сходства, – изрекла я, жуя дыню.

– Мор мне не родная сестра и даже не двоюродная. Я затрудняюсь назвать точную степень нашего родства.

Морригана язвительно улыбалась, глядя, как он уписывает помидоры с ломтиками белесого сыра.

– Но мы с нею вместе росли. Она – единственная из моей родни, кто уцелел.

У меня не хватило смелости спросить об участии остальных членов его семьи. Возможно, это как-то связано с гибелью родителей и братьев Тамлина. Углубляться в подобные мысли мне не хотелось.

– И Мор почему-то считает, что на правах моей единственной уцелевшей родственницы она может врывать в мою жизнь и исчезать из нее, когда пожелает.

– Какой же ты сегодня ворчливый, – вздохнула Мор, кладя себе на тарелку две аппетитные булочки.

– А я тебя не видела в Подгорье, – сказала я ей, с трудом выговаривая последнее, ненавистное мне слово.

– Меня там не было. Я находилась в...

– Довольно, Мор, – оборвал ее Ризанд.

Теперь в его голосе звучали раскаты пока еще далекого грома.

Этот завтрак был настоящим испытанием, совершенно непохожим на веселую болтовню за столом. Столько недомолвок. Похоже, отношения между дальними родственниками отнюдь не простые. Я поймала себя на том, что откровенно глазею на обоих, и тут же опустила глаза.

Ризанд бросил салфетку на стол и встал:

– Мор пробудет здесь до конца недели, но это вовсе не означает, что ты должна угождать ей своим обществом.

Морригана показала ему язык. Ризанд округлил глаза. Совсем как человек. Я и не подозревала, что он так умеет.

– Ты больше ничего не хочешь? – спросил он, глядя на мою опустевшую тарелку.

Я покачала головой.

– Прекрасно. Тогда идем. – Он указал на колонны и колышущиеся занавески. – Тебя ждет первый урок.

Мор быстрым и точным взмахом ножа раскроила булочку пополам. Ее манера держать нож, положение пальцев и даже угол, под которым лезвие коснулось булочки, подтвердили мои догадки: она неплохо знакома с оружием.

– Фейра, если он начнет тебе докучать, сбрось его с ближайшего балкона.

Риз наградил сестру весьма неприличным жестом и зашагал в зал. Я выждала, когда он отойдет подальше, и только тогда встала.

– Приятного аппетита, – сказала я Морригане.

– Если захочешь меня видеть, только крикни, – сказала она.

Наверное, слово «крикни» мне следовало понимать буквально.

Я лишь кивнула и поплелась догонять верховного правителя.

В нише, где стенами служили занавески, Ризанд усадил меня за длинный стол. Я согласилась лишь потому, что жизнь наглядно и жестоко показала мне, каково не уметь читать. В Подгорье это едва не стоило мне жизни. И свалиться мне в пропасть, если я позволю, чтобы

та история повторилась. Личные устремления самого Ризанда меня не волновали. Что же касалось искусства ставить заслоны в мозгу... я была бы последней дурой, если бы отказалась от его уроков. Сама мысль о том, что кто-то, в особенности Риз, копается в моих мыслях и воспоминаниях и выуживает оттуда сведения о Дворе весны и о тех, кто мне дорог... Такого я никогда не позволю и добровольно на такое не соглашусь.

Но даже эти вполне разумные и убедительные доводы не помогали мне выдерживать присутствие Ризанда, сидящего рядом. Стопка книг на столе лишь усиливала раздражение.

– Алфавит я знаю, – огрызнулась я, когда он открыл самую верхнюю книгу и положил передо мной. – Я не настолько глупа.

Мои пальцы двигались сами собой, беспокойно елозя по коленям, и я запихнула их под ляжки.

– Помнится, я ни разу не сказал, что ты глупа. Я просто хочу понять, откуда мы с тобой начнем.

Я привалилась к мягкой спинке.

– Ты почему-то упорно не желаешь рассказывать, что ты уже умеешь, а что тебе не дается.

У меня вспыхнули щеки.

– Неужели ты не можешь нанять учителя? – с вызовом спросила я.

– А неужели тебе трудно хотя бы попытаться что-то прочесть в моем присутствии?

– Ты ведь верховный правитель. Разве у тебя нет дел поважнее?

– Конечно же есть. Но ни одно из них не сравнится с удовольствием, какое я получаю, глядя, как ты ерзаешь на стуле и корчишься.

– Придурок ты, Риз! Так и знай!

Он подавил смешок:

– Мне давали эпитеты и похуже. По-моему, даже ты. – Риз пододвинул ко мне лист бумаги. – Прочти, что здесь написано.

Цепочка букв сделалась размытой, словно мне в глаза плеснули водой. Горло сдавило.

– Не могу.

– А ты попытайся.

Фраза была написана красивыми, чуть узковатыми печатными буквами. Я не сомневалась, что сам Ризанд ее и писал. Я попробовала открыть рот и вдруг почувствовала непривычную жесткость в спине. Казалось, мне под кожу вогнали палку.

– И все-таки я хочу знать, чего именно ты добиваешься? Ты обещал рассказать, если я соглашусь сотрудничать с тобой.

– Обещал. Но, если помнишь, не называл сроков.

Я отодвинулась от него, скривив губы. Ризанд лишь пожал плечами:

– Допустим, мне противно, что все эти подхалимы и воинственные глупцы при Дворе весны совсем не занимаются твоим образованием. Они тебе льстят, а ты все равно ощущаешь свою неполноценность. А может, мне нравится смотреть, как ты дергаешься. Или...

– Понятно.

– Фейра, прошу тебя, прочти написанное здесь, – усмехнулся он.

Паршивец! Я подвинула лист к себе, едва не порвав бумагу надвое. Вгляделась в первое слово, мысленно произнесла его.

– «Т... ты...»

Следующее слово я не столько прочитала, сколько угадала, призвав на помощь логику.

– «Выглядишь...»

– Хорошо, – пробормотал он.

– Обойдусь без твоих похвал!

Риз усмехнулся.

Третье слово я тоже угадала по первой букве: «сегодня». Зато на четвертом начала спотыкаться:

– «Аб... аб-со...»

Я водила пальцем по буквам слова, шевелила губами, пока не прочла его целиком.

– «Абсолютно...»

Риз кивнул.

На пятом я застряла еще сильнее.

– «Со... соб... собла...»

Я удивленно посмотрела на Ризанда.

– Соблазнительно, – промурлыкал он.

Я наморщила лоб. С последним словом оказалось проще: это было мое имя.

– «Ты выглядишь сегодня абсолютно соблазнительно, Фейра». Ты это написал?

Он привалился к спинке стула. Потом наши глаза встретились. Я почувствовала острые когти, впившиеся мне в мозг.

«Разве это не так?» – зазвучал в голове его шепот.

Я подпрыгнула, заставив стул подо мной жалобно скрипнуть.

– Прекрати! – рявкнула я.

Однако невидимые когти проникали все глубже – в тело, сердце, легкие. Моя кровь безропотно подчинялась им. «Одежда Двора ночи тебе очень к лицу».

Я застыла, не в силах шевельнуться. Когти мешали мне думать.

«Вот что бывает, когда оставляешь свой мозг открытым настежь. Некто, обладающий такими же способностями, как я, способен проникнуть в твое сознание, прочесть там все, что интересует, а затем подчинить твой разум себе. Или разрушить. Я сейчас стою на пороге твоего разума... но если бы двинулся глубже, мне бы хватило короткой мыслишки, и ты, какая есть, твоя личность... все стерлось бы безвозвратно».

У меня на висках выступил пот.

«Это должно вызывать у тебя страх. Ты должна всерьез бояться таких проникновений. Благодарю проклятый богами Котел, что за эти три месяца никто не покопался у тебя в мозгу. А такие способности есть не только у меня... Теперь вытолкни меня из своего мозга».

Я пыталась и не могла. Его невидимые когти ощущались повсюду. Они впивались в каждую мысль, в каждый клочок моей личности. Ризанд сделал их еще острее.

«Вытолкни... меня... из... своего... мозга».

Я не знала, как это сделать. Я мотала головой, двигала руками и повсюду натывалась на когти, словно была волчком, запущенным в круг, составленный из зеркал.

Сознание наполнилось его негромким и вполне добродушным смехом. «Попробуй начать с этого места».

У меня в мозгу появилось нечто вроде тропки. Путь, выводящий из лабиринта.

Прошла целая вечность, прежде чем мне удалось отцепить каждый его коготь и швырнуть на эту узкую тропку. Если бы теперь я сумела все это смыть.

Волна. Волна, порожденная моей личностью. Способная вышвырнуть его из моего сознания.

Я не позволила ему разгадать мой замысел. Оседлав невидимую волну, я нанесла удар по когтям.

Они нехотя ослабили хватку. Риз как будто позволил мне выиграть эту часть поединка.

– Хорошо, – только и сказал он вслух.

Кости, дыхание и кровь вновь стали моими. Я изможденно привалилась к спинке стула.

– Рано собралась отдыхать, – сказал Риз. – Заслон. Поставь заслон, чтобы я не смог опять проникнуть в твое сознание.

Мне отчаянно хотелось забиться в тихий угол и уснуть.

Его невидимые когти не исчезли совсем. Они отступили к внешней границе моего разума и там слегка поглаживали меня.

Я вообразила стену из прочнейшего черного камня. Стену в локоть толщиной. Когти успели убраться прежде, чем она рассекла их пополам.

– Замечательно, – улыбался Риз. – Жестко, но замечательно.

Я не смогла удержаться. Схватила лист с его фразой, порвала надвое, потом еще надвое.

– Какая же ты свинья!

– Целиком с тобой согласен. Но посмотри: ты сумела прочесть целую фразу, вытолкнуть меня из своего мозга и поставить заслон. Превосходная работа.

– Нечего мне льстить!

– А я и не льщу тебе. Оказывается, ты читаешь лучше, чем я предполагал.

– И все равно остаюсь неграмотной, – призналась я, чувствуя, как у меня опять краснеют щеки.

– Упражняться надо больше. Читать вслух. Тогда научишься узнавать слова и правильно их произносить. К Нинсару ты вполне сможешь читать романы. А если ты и с заслонами будешь упражняться, то сумеешь отбрасывать меня еще на подступах к твоему сознанию.

Нинсар. Впервые за пятьдесят минувших лет Тамлин и его двор отметят этот праздник. Амаранта запретила празднование Нинсара без каких-либо причин, по капризу. Запрету подверглись и другие второстепенные, но любимые фэйцами празднества. Самозваная королева сочла их «излишними». Однако до Нинсара оставалось еще несколько месяцев.

– Неужели возможно полностью заслониться от твоего проникновения в мозг?

– Трудно сказать. Я же не знаю, насколько глубока обретенная тобой сила. Не ленись упражняться, а там посмотрим, чего ты достигнешь.

– И во время Нинсара я по-прежнему буду связана этим уговором?

Ризанд молчал. Я продолжала допытываться:

– После всего, что произошло...

У меня язык не поворачивался говорить о том, что Ризанд сделал для меня во время сражения с Амарантой и потом, когда я...

– Думаю, мы можем прийти к обоюдному согласию. Я тебе ничего не должна, и ты мне ничего не должен.

В его взгляде появилась знакомая мне решительность.

Я продолжала напирать:

– Разве недостаточно того, что мы все свободны?

Я нарочно положила левую руку на стол, задрав рукав. Пусть любителю на свое произведение.

– Я думала, что ты другой, что твое поведение там было лишь маской. Но после того, как ты силой переместил меня сюда и удерживаешь здесь...

Я покачала головой, не в силах подобрать язвительные, но в то же время умные слова, чтобы убедить Риза разорвать наш уговор.

Его глаза помрачнели.

– Фейра, я тебе не враг.

– А Тамлин говорит, что враг. – Я сжала пальцы татуированной руки в кулак. – И все остальные говорят то же самое.

– Меня интересует не их мнение, а твое.

Ризанд больше не улыбался.

– Ты делаешь все, чтобы я согласилась с их мнением.

– Врунья, – промурлыкал он. – Ты хоть рассказала своим друзьям, что я сделал для тебя в Подгорье?

Значит, слова, произнесенные во время завтрака, все-таки задели его.

– Я не хочу вообще вспоминать о том времени и уж тем более – говорить о нем. Ни с тобой, ни с ними.

– Конечно, проще сделать вид, словно ничего и не было, и позволить им сюсюкать и обхаживать тебя.

– Никто меня не обхаживает.

– Вчера из тебя сделали живой подарок. Как будто ты предназначалась ему в награду.

– И что?

– И что? – повторил Ризанд.

В его глазах вспыхнул гнев, но тут же погас.

– Я готова вернуться домой, – сказала я.

– Где тебя продержат взаперти до конца твоей бессмертной жизни. Особенно после того, как ты начнешь производить на свет наследников. Жду не дождусь, чтобы посмотреть, как Ианта приберет их к своим рукам.

– Похоже, ты не слишком высокого мнения о ней.

В его глазах мелькнуло что-то холодное и хищное.

– Да, и не собираюсь это скрывать. – Он подвинул мне чистый лист. – В той книжке есть алфавит. Поупражняйся в написании букв, пока они не начнут получаться ровными и красивыми. И каждый раз, когда напишешь его целиком, опускай и поднимай заслон у себя в мозгу. Он должен стать второй твоей природой. Через час я вернусь.

– Что?

– Упражняйся... в... написании... алфавита, пока...

– Я услышала.

«Мерзавец. Мерзавец, мерзавец, мерзавец».

– Тогда за работу. – Риз встал. – И соблюдай хотя бы некоторые приличия. Прежде чем называть меня мерзавцем, поставь заслон.

Он растворился в переливчатой темноте. Только потом я сообразила, что не следила за своей стеной из черного камня и та потеряла сочность цвета и прочность.

К возвращению Риза мой разум напоминал лужу с чавкающей грязью.

Целый час я усердно покрывала листы буквами, однако целиком погрузиться в это занятие у меня не получалось. Поблизости находилась лестница, и я вздрагивала от каждого звука, хотя все они были негромкими. Слуги ходили мягко, но я слышала их шаги. Кто-то нес чистое постельное белье – я слышала шелест простыней. Еще кто-то напевал приятную обволакивающую мелодию. И конечно же, меня отвлекало птичье щебетание. Птахи обитали на ветвях лимонных деревьев, росших в кадках. Холодное дыхание зимы мгновенно убило бы их, но они жили в тепле и вряд ли подозревали, что рядом бушует мороз. И никаких признаков того, что меня ждет пыточная камера. Даже караульных рядом не было. Никто не следил за мною. Я вполне могла бросить писанину и отправиться на прогулку по дому.

Впрочем, одиночество меня вполне устраивало, поскольку упражнения по устройству заслона в мозгу отражались гримасами на лице и наморщенным лбом.

– Недурно, – произнес Риз, заглядывая через плечо.

Он появился несколько секунд назад, на приличном расстоянии от стола. Не зная я его, подумала бы, что он не хочет пугать меня внезапным появлением. Словно он, наведив мой мозг, узнал про одну не слишком приятную историю. Тамлин тогда подкрался ко мне сзади. Я жутко перепугалась и, не разобравшись, кто передо мной, что есть силы ударила его в живот, сбив с ног. Потом уже испугался Тамлин. Он не представлял, что его так легко можно опрокинуть на землю. А меня охватил жгучий стыд. Я долго недоумевала: почему поддалась дурацкому страху да еще и проявила его перед Тамлином?..

Риз просмотрел листы с моими каракулями, одобрительно кивая головой. К концу упражнений перо мне уже повиновалось.

И вдруг по моему мозгу снова царапнули когти, но тут же наткнулись на сверкающий черный камень. Я направила в стену всю свою волю, чувствуя, как когти нащупывают слабые места...

– Хорошо-хорошо, – промурлыкал Ризанд, убирая невидимые когти. – Наконец-то я смогу крепко спать по ночам. Конечно, если ты научишься удерживать стену и во сне.

Я на мгновение убрала заслон, послала ему «ласковое» словечко и тут же снова задвинула преграду. По ощущениям мой мозг напоминал тарелку с желе. Мне отчаянно хотелось спать.

– Может, я и мерзавец, но полюбуюсь на себя. Возможно, наши уроки начнут доставлять тебе удовольствие.

Я хмуро шла вслед за Ризом. Между его мускулистой спиной и мною было шагов десять. Он вел меня по залам своего странного дома. Шли мы молча, и наблюдали за нами лишь окрестные горы и сверкающее синее небо.

Я слишком утомилась, а потому даже не спрашивала, куда мы идем. Риз не считал нужным объяснять и просто вел меня вверх по лестнице, пока не привел в круглое помещение, занимавшее верх башни.

Посередине возвышался круглый стол из черного камня. Почти вся стена состояла из окон, а в том месте, где их не было, висела внушительная карта мира, утыканная разноцветными флажками и булавками. Зачем – я не представляла. В те минуты меня больше занимал потрясающий вид из окон. Великолепное жилище для верховного и крылатого правителя.

Риз подвел меня к столу, где лежала развернутой другая карта со множеством фигурок. Судя по очертаниям – карта Притиании и Сонного королевства.

Карта была достаточно подробной... в том, что касалось других дворов. Города, деревни, дороги, реки, горные перевалы... А вот Двор ночи обошелся без обозначений. Обширные владения Ризанда оставались совершенно пустыми. Я не увидела даже названия гор. Вероятно, в этом скрывался некий стратегический умысел.

Ризанд внимательно наблюдал за мною. Его приподнятые брови были достаточным знаком, чтобы я закрыла рот и воздержалась от вопросов.

– И ты не хочешь ни о чем спросить? – удивился он, словно и не подавал мне знака.

– Нет.

Он хитро, по-кошачьи, усмехнулся, затем кивком подбородка указал на стенную карту:

– Что ты видишь?

– Это твой способ воодушевить меня на дальнейшие уроки?

Сейчас я не могла прочитать ни одной надписи. Оставалось довольствоваться очертаниями. Зато я сразу узнала жирную линию, разделяющую Притианию.

– Что ты видишь? – повторил Ризанд.

– Мир, разделенный надвое.

– Как по-твоему, такое положение должно сохраняться?

Я повернулась к нему, вдруг выпалив:

– Моя семья...

Я прикусила язык, отругав себя за ляп. К чему ему знать про отца и сестер и про то, что я тревожусь за их безопасность?

– Твоя человеческая семья сильно пострадает, если исчезнет стена между мирами, – закончил мои мысли Ризанд. – Ты ведь это хотела сказать? Они живут очень близко от границы... Если повезет, сумеют уплыть на другой континент раньше, чем это случится.

– А это случится?

- Возможно, – ответил Ризанд, не сводя с меня глаз.
- Почему?
- Потому, Фейра, что надвигается война.

Глава 7

Война.

Это слово будто лязг оружия. Оно пронзило меня, как меч, заледенив кровь в жилах.

– Не вторгайся в их мир, – выдохнула я.

Я была готова встать на колени. Если понадобится, ползать у него в ногах.

– Пожалуйста, не вторгайся в их мир.

Риз удивленно запрокинул голову. Его губы плотно сжались.

– Неужели я до сих пор кажусь тебе чудовищем? После всего, что случилось?

– Прошу тебя, – шептала я. – Они же совсем беззащитные. У них нет ни малейшего шанса выстоять.

– Я вообще не собираюсь вторгаться в земли смертных, – шепотом ответил он.

Я ждала его дальнейших слов. Хорошо, что здесь было просторно и хватало воздуха.

Однако я чувствовала, как земля уходит из-под ног.

– Поставь заслон, – прорычал Ризанд.

Я заглянула внутрь себя. Опять моя невидимая стена исчезла. Но я слишком устала, а тут еще известие о грядущей войне. Если она начнется, если моя семья...

– Заслон! Немедленно!

Это был приказ, отданный голосом верховного правителя Двора ночи. Я инстинктивно повиновалась. Мой уставший разум начал выстраивать стену, слой за слоем. Только когда я снова укрыла разум, Ризанд заговорил. Жесткость в его глазах исчезла, словно ее и не было.

– Ты думала, что с гибелью Амаранты все кончится?

– Тамлин не говорил...

А с какой стати ему рассказывать мне обо всем? Меня допускали далеко не на все встречи. Но я могла бы и сама догадаться. Вряд ли он увеличил число дозорных только из-за тварей Амаранты. И... напряженность. Я ведь ее чувствовала, однако почему-то не сложила куски мозаики в целостную картину. Тамлин должен что-то знать. Нужно будет спросить у него, почему он ничего не рассказывал...

– Более ста лет назад правитель Сонного королевства задался целью захватить земли, лежащие к югу от стены, – сказал Риз. – Амаранта была его опытом. Испытанием, продлившимся сорок девять лет. Королю требовалось узнать, легко ли его командирам захватывать чужие земли и долго ли там продержится власть захватчиков.

Для бессмертных сорок девять лет – сущий пустяк. Я бы не удивилась, услышав, что захват южных земель он задумал намного раньше, чем сто лет назад.

– Первый удар он собирается нанести по Притиании?

Риз махнул рукой на карту нашего острова, разложенную на столе.

– Притиания – единственное, что отделяет правителя Сонного королевства от континента. Он хочет завладеть землями людей. Возможно, и землями фэйри тоже. Если кто и сможет перехватить его захватнический флот раньше, чем корабли достигнут континента, так это мы.

Я плюхнулась на стул, не в силах удержаться на ногах. У меня подкашивались колени.

– Король постарается разделаться с Притианией быстро и основательно, – продолжал Риз. – Попутно он будет стремиться разрушить стену. Там уже есть бреши. К счастью, слишком узкие. Через них невозможно в короткие сроки провести громадную армию. Для короля проще разрушить стену целиком. А нарастающая паника лишь облегчит ему задачу.

Каждый вдох обжигал мне легкие, словно вместе с воздухом я вдыхала мелкие осколки стекла.

– Когда... когда он собирается атаковать стену?

Стена существовала уже пять столетий. Но почти сразу же в ней появились бреши, позволявшие разному фэйскому сброду – иного слова не подберешь – вторгаться на земли людей и бесчинствовать там. А если стены не станет, нападение Сонного королевства на мир людей... Я пожалела, что мой завтрак был слишком обильным.

– В этом-то весь вопрос, – вздохнул Ризанд. – Потому я и привел тебя сюда.

Я подняла голову. Выражение его лица изменилось, однако страха я не заметила.

– Я не знаю, когда и где король намерен атаковать Притианию, – продолжал Риз. – И его возможных союзников здесь я тоже не знаю.

– У него здесь есть союзники?

Ризанд медленно кивнул:

– Труссы, которые вместо сражения с его армией предпочтут склониться перед ним.

Пол вокруг Ризанда заволокло тьмой.

– А ты... ты сражался в той войне?

Мне вдруг показалось, что он не ответит. Но Риз кивнул.

– Я был тогда совсем молод... по нашим меркам. Но отец послал меня на континент, в помощь силам, состоявшим из фэйри и смертных. Я уговорил отца дать мне легион наших солдат.

Он сел на соседний стул, отрешенно разглядывая карту.

– Мы находились на юге, в самой гуще сражений. Правильнее назвать это бойней... – Ризанд закусил щеку изнутри. – С тех пор у меня пропал всякий интерес к крупным сражениям. – Он моргнул, словно отмахиваясь от ужасных воспоминаний. – Я не думаю, что правитель Сонного королевства высадится в Притиании и сразу начнет войну. В уме ему не откажешь. Он не захочет понапрасну губить своих солдат. К тому же, вторжение может сплотить все дворы, и он получит серьезный отпор. Нет, для уничтожения Притиании и стены король прибегнет к скрытым действиям и всевозможным ухищрениям. Сначала он постарается нас ослабить. В Притиании и так положение далеко не блестящее. Несколько верховных правителей не имеют никакого опыта управления. Это вносит смятение в их дворы. А еще – верховные жрицы, стремящиеся к власти. Те еще волчицы. И немало фэйцев, воочию осознавших свою полную беспомощность.

– Зачем ты все это мне рассказываешь? – чужим, хриплым голосом спросила я.

Я не видела в его словах никакого смысла. Возможно, он просто делился со мной подозрениями и страхами.

И неужели все верховные жрицы – хищницы? Та же Ианта. Пусть она честолюбива, но она – давняя подруга Тамлина. В какой-то мере и моя подруга. Пусть Риз ее и недолюбливает, но Ианта – наша единственная союзница, если дойдет до противостояния с другими верховными жрицами...

– А рассказываю я тебе это по двум причинам. – Лицо Ризанда сделалось слишком холодным и спокойным и тревожило меня не меньше его новостей. – Первая. Ты... близка к Тамлину. У него есть воины, а также давнишние связи с Сонным королевством.

– Он никогда не помогал тамошнему королю...

Риз махнул рукой, обрывая меня:

– Мне нужно знать, согласен ли Тамлин сражаться в союзе с нами и могут ли давние связи дать ему какие-либо преимущества. Поскольку у меня с твоим женихом отношения напряженные, на тебя возлагается приятная роль посредницы.

– Он не посвящает меня в подобные дела.

– Думаю, ему пора прекратить держать тебя в неведении. И тебе пора на этом настоять.

Риз всматривался в карту Притиании, и взгляд его обращался к стене. К небольшой полосе земли, где жили смертные. У меня пересохло во рту. Сейчас, как никогда, я сознавала полную незащищенность людей перед новой угрозой.

– Первую причину ты назвал. Какова вторая?

Риз смерил меня взглядом. Оценивающим. Взвешивающим.

– У тебя есть способности, очень полезные и нужные для меня. Судя по слухам, ты поймала суриеля.

– Это было не так уж и трудно.

– Я вот пытался поймать и не сумел. Дважды. Но речь сейчас не о суриеле. Видел я и то, как ты заманила Мидденгардского червя в ловушку. Словно кролика... Мне нужна твоя помощь, Фейра, – подмигнул мне он. – Нужно, чтобы ты со своими превосходными способностями выслеживала то, что мне понадобится.

– Что тебе от меня нужно? Ты поэтому взялся меня учить чтению и устройству заслонов в мозгу?

– О причинах ты узнаешь позже.

Даже не знаю, зачем меня потянуло спрашивать.

– Послушай, наверняка есть куда более опытные и даровитые охотники, чем я.

– Возможно, и есть. Но ты – единственная, кому я доверяю.

Вот те на!

– Неужели? Я вполне могла бы тебя предать, подвернись удобный случай.

– Могла бы. Но ты этого не сделаешь.

Я скрипнула зубами и уже собиралась съязвить в ответ, но он вдруг добавил:

– Это касается природы сил, обретенных тобою после воскрешения.

– Нет у меня никаких сил! – выпалила я.

Мое упрямое отрицание ничуть его не смутило.

– Говоришь, нет? А телесная сила, скорость... Не имей я доступа к твоему мозгу, сказал бы, что вы с Тамлином разыгрываете прекрасный спектакль, пытаясь убедить всех в твоей заурядности. Все, что ты выказываешь, пусть и вопреки своему желанию, имеет серьезную основу. У нас обычно это считается первым признаком того, что сын верховного правителя может стать его наследником.

– Я-то тут при чем?

– Хотя бы при том, что мы всемером возвращали тебя к жизни. Вся твоя суть связана с нами, поскольку ты была нами рождена. Вдруг мы дали тебе больше сил, чем ожидали? – И снова Ризанд пробуравил меня взглядом. – Вдруг ты способна противостоять нам, стать верховной правительницей?

– В истории Притиании не было верховных правительниц.

Он наморщил лоб, затем покачал головой:

– И об этом мы поговорим потом. Пока же скажу тебе, Фейра: появление верховных правительниц вполне возможно. Пусть ты и не одна из них... Но вдруг ты очень на них похожа? Что, если в тебе одной слилась сила семи верховных правителей? Вдруг ты сможешь растворяться в темноте, переходить в звериное обличье, покрыть льдом целый зал или заморозить вражескую армию?

Завывание зимнего ветра на вершинах гор стало ему ответом. Мне вспомнились свои недавние странные ощущения...

– Ты понимаешь, насколько важным может все это оказаться в грядущей войне? И понимаешь ли ты, что дарованные силы способны тебя разрушить, если не научишься ими управлять?

– Первое. Хватит задавать вопросы, на которые мы оба не знаем ответов. Второе. Мы не знаем, есть ли у меня эти силы.

– Есть. Можешь мне верить. Но тебе нужно как можно скорее научиться управлять ими. Мы должны точно знать, что ты унаследовала от нас.

– И ты, надо полагать, собрался меня этому учить? Чтения и устройства заслонов тебе мало?

– Да. Для того, чтобы охотиться вместе со мною, этого мало.

Я замотала головой:

– Тамлин мне не позволит.

– Тамлин над тобой не хозяин, и ты это знаешь.

– Я – его подданная. Он – мой верховный правитель.

– Ты не являешься ничьей подданной.

Я оцепенела, увидев блеснувшие зубы и распростертые дымчатые крылья.

– Хочу тебе кое-что сказать, Фейра. Говорю это первый и последний раз, – своим обычным, мурлыкающим тоном произнес Ризанд, двинувшись к карте на стене. – Ты можешь быть пешкой, подарком для кого-то. Тогда весь остаток своей бессмертной жизни проведешь, раболепствуя перед другими и делая вид, будто ты ниже Тамлина, Ианты и любого из нас. Желаете выбрать такой путь, что ж... Постыдный выбор, но ты вольна его сделать. – Он взмахнул крыльями. – Однако я тебя знаю. Знаю лучше, чем ты думаешь. А потому я даже на мгновение не допускаю, что ты безропотно согласишься стать живым дополнением к тому, кто почти пятьдесят лет сидел на заднице, не предпринимая никаких действий. И потом еще три месяца сидел на ней же, пока ты проходила через терзания.

– Прекрати!

– Или же, – невозмутимо продолжал Ризанд, – ты можешь сделать иной выбор. Научиться управлять силами, полученными от нас, и заставить считаться с собой. В грядущей войне ты можешь сыграть определенную роль. Рано или поздно эта война начнется. Не тешь себя иллюзиями, будто кто-то из фэйцев позаботится о твоей семье, когда вся наша земля превратится в сплошной склеп.

Я смотрела на карту Притиании. На узкую полосу земли к югу от стены.

– Ты хочешь спасти мир своих бывших соплеменников? – спросил Ризанд. – Тогда стань тем, чей голос будет иметь вес в Притиании. Стань жизненно важной силой. Стань оружием. Фейра, я не собираюсь тебя пугать, но может настать день, когда ты окажешься единственной преградой между правителем Сонного королевства и твоей человеческой семьей. Вряд ли ты захочешь прийти к этому дню неподготовленной.

Я посмотрела на Ризанда. Мне было больно и тяжело дышать.

Словно неудовлетворенный тем, что и так выбил у меня почву из-под ног, он добавил:

– Подумай всерьез над моими словами. У тебя есть неделя. Спроси Тамлина, если тебе это нужно для очистки совести. Послушай, что скажет очаровательная Ианта, когда вместо привычной болтовни ты заговоришь с нею о серьезных вещах. Но выбор делать тебе, и только тебе.

Все оставшиеся дни я не видела ни Ризанда, ни Морриганы.

Я общалась только с Нуалой и Серридвеной. Они приносили мне еду, убирали постель и иногда спрашивали, как я себя чувствую.

Единственными доказательствами присутствия Ризанда были новые листы, где мне полагалось упражняться в написании алфавита, а также другие листы с фразами. Их я должна была писать каждый день, по многу раз повторяя на бумаге отвратительные слова, одно противнее другого.

«Ризанд – самый обаятельный верховный правитель».

«Ризанд – самый соблазнительный верховный правитель».

«Ризанд – самый искусный верховный правитель».

Каждый день – по одной паршивой фразе с новой гранью его высокомерия и тщеславия. И каждый день – напоминания о необходимости упражняться в создании мозговых заслонов. Создала – убрала, снова создала – снова убрала.

Я не знала и не хотела знать, каким образом он проверяет, не отлыниваю ли я от учебы. Но я не отлынивала. Я училась писать буквы, выводила дурацкие фразы, ставила и убирала заслоны. А чем еще заниматься в чужом доме?

Кошмарные сны продолжались и здесь. Я просыпалась в поту. Но вокруг было столько воздуха, и в окна лился звездный свет... Наверное, благодаря этому меня не выворачивало. Здешние стены не смыкались вокруг, грозя раздавить. Не было отвратительной темноты. Проснувшись, я сразу понимала, где нахожусь, хотя и без особого восторга.

В предпоследний день моего пребывания я, как обычно, сидела за столиком, корпела над очередной фразой, восхвалявшей Ризанда, и строила у себя в мозгу каменные преграды. Неожиданно до меня донеслись голоса Риза и Мор.

Поскольку мои занятия проходили не в спальне, а в нише зала, я не стала идти крадучись. Отложив перо, я пошла на звук голосов и вскоре попала в подобие гостиной. Риз ходил взад-вперед перед бассейном, вода которого затем низвергалась с горы. Мор устроилась в кресле.

– Азриелю было бы любопытно узнать об этом, – говорила Мор.

– Азриель может катиться в преисподнюю, – огрызнулся Риз. – Впрочем, наверное, он уже знает.

Чувствуя, что разговор идет серьезный и мое присутствие вряд ли желательно, я оставилась.

– Прошлый раз мы прибегли к обману, – напомнила брату Морригана. – И поплатились. Жестоко. Больше нам нельзя играть в подобные игры.

– Вот ты бы и проявила усердие, – ответил ей Ризанд. – Я не зря отдал управление в твои руки.

Мор плотно сжала губы. В эту секунду она заметила меня и улыбнулась. Правда, ее улыбка больше напоминала гримасу.

Риз повернулся и тоже увидел меня. Вид у него был хмурый.

– Мор, я жду от тебя сообщения. Думаю, ты явилась сюда не потому, что соскучилась по мне, – заявил он сестре, продолжив вышагивать.

Мор округлила глаза. Молодец, не потеряла присутствие духа! Но ее лицо оставалось серьезным.

– Произошло новое нападение. На храм в Сезере. Почти все тамошние жрицы убиты. Сокровищница похищена.

Риз остановился. Даже не знаю, что меня потрясло больше: жуткая весть, сообщенная Морриганой, или безудержный гнев Ризанда, вылившийся в одно короткое слово:

– Кто?

– Мы не знаем, – ответила Мор. – Почерк тот же, что и в прошлый раз: нападавших было не много. На телах убитых раны, нанесенные крупными мечами. Неизвестно, откуда явились убийцы и куда потом скрылись. Все, на кого они напали, умерли. Тела обнаружили лишь на следующий день, когда в храм пришли паломники.

Клянусь Котлом, должно быть, я вскрикнула. Мор бросила на меня тяжелый, но сочувственный взгляд.

А вот у Риза... Вначале появились тени, за клубились за спиной.

Затем, словно гнев ослабил его власть над внутренним зверем, призрачные крылья обрели плоть. Помнится, Риз говорил, что терпеть не может давать этому зверю свободу...

У него за спиной появились красивые, сильные, угрожающие крылья. Перепончатые, с когтями, как у летучей мыши. Я ощущала их невероятную силу. Крылья не только изменили

его облик. Они придали ему дополнительную мощь и уверенность. И еще... завершенность, что ли. Однако голос Ризанда остался прежним.

– Что Азриель сказал по этому поводу?

По лицу Мор я поняла: она сомневалась, позволительно ли мне присутствовать при их разговоре. Но здесь распоряжался Риз, и она ответила:

– Он рассержен. Кассиан – еще больше. Он убежден: это наверняка была одна из иллирианских шак. Решили захватить себе новые земли.

– Тут есть о чем подумать, – озабоченно произнес Риз. – В минувшие годы несколько иллирианских кланов с радостью лебезили перед Амарантой. Попытка расширить владения может оказаться еще и проверкой. Им потребно узнать, до какой степени они могут давить на меня и оставаться безнаказанными.

Имя Амаранты по-прежнему было столь ненавистно мне, что я больше сосредоточилась на нем, чем на сведениях, которые Ризанд позволил мне узнать.

– Кассиан и Азриель ждут... – Морригана осеклась и виновато покосилась на меня. – Они ждут твоих приказаний в известном тебе месте.

Что ж, я вполне понимала ее осторожность. Я вспомнила карту на стене круглого кабинета. Только очертания Двора ночи и ни одной надписи. Вдобавок я – невеста его врага. Даже упоминание о том, где сосредоточены силы Ризанда и что они намереваются предпринять, могло оказаться опасным. Сама я и представления не имела, где находилась эта Сезера и чем она являлась.

Риз оглядывал горизонт. Завывал ветер. Над дальними вершинами клубились облака. «Замечательная погода для полетов», – с горькой иронией подумала я.

– Переброс был бы легче, – сказала Мор, обводя глазами горы.

– Передай этим олухам: через несколько часов я буду там, – сказал Риз.

Мор наградила меня тревожной улыбкой и исчезла.

Я смотрела на опустевшее кресло. Трудно поверить, что еще несколько секунд назад она там сидела.

– А как происходит... исчезновение? – тихо спросила я.

Я несколько раз видела этот трюк, однако ни Тамлин, ни другие фэйцы не удостоивали меня объяснениями.

– Ты про переброс? – не глядя на меня, спросил Ризанд. – Представь себе кусок ткани и на нем... две точки. Одна – место, где ты находишься сейчас. Вторая – место, куда тебе надо попасть. Переброс – нечто вроде складывания ткани, чтобы обе точки совпали. Складывание происходит благодаря магии. Нам всего-навсего нужно шагнуть из одного места в другое. Иногда шаг бывает длинным. Ты проходишь, ощущая темную ткань мира. А бывает и короткий шаг, словно идешь из одного конца комнаты в другой. Владение перебросом – редкий и очень полезный дар. Но доступен он лишь сильным фэйцам. Чем ты сильнее, тем дальше можешь переместиться за один прыжок.

Я чувствовала: Ризанд не столько объяснял мне суть переброса, сколько пытался отвлечься от мрачных мыслей. Лучше было бы не говорить с ним о случившемся, однако я не удержалась:

– Мне очень жаль тех жриц и их храм.

Ризанд наконец-то повернулся ко мне. В его глазах и сейчас еще пылал гнев.

– Они не первые и не последние. Вскоре смертей станет больше.

Наверное, потому он и позволил мне услышать их разговор с Морриганой. Нападение на храм перекликалось с воинственными замыслами Сонного королевства.

– А кто такие... кто такие иллирианские шайки? – не удержалась я от нового вопроса.

– Зарвавшиеся мерзавцы, вот кто, – пробормотал Риз.

Я ждала более подробного ответа.

Риз расправил крылья. Солнечный свет играл на перепонках, отчего те слегка светились.

– Воинственный народец, обитающий на моих землях. Моя головная боль.

– И некоторые из них поддерживали Амаранту?

В зале стало сумрачно. Буря, неумолимо приближавшаяся к замку Ризанда, закрыла солнце.

– Да. Некоторые поддерживали. Но за несколько последних месяцев я и мои помощники славно на них поохотились. И покончили со многими.

Он не сказал «медленно». Я и так поняла.

– Потому тебя и не было видно в эти дни? Ты занимался... охотой?

– Не только. Я много чем занимался.

Такой ответ меня не удовлетворял, но Ризанду, похоже, было некогда со мной разговаривать. Его ждала важная встреча с Азриелем и Кассианом, о которых я не имела ни малейшего понятия.

Даже не простившись со мной, Риз подошел к краю веранды и прыгнул в воздух.

У меня перехватило дыхание, но прежде, чем я успела вскрикнуть, он взмыл в небо между вершинами двух ближайших гор. До меня донеслось хлопанье могучих крыльев, после чего он исчез за угрюмыми облаками.

– И тебе до свидания, – проворчала я.

Я вернулась к своим упражнениям. Моей единственной спутницей была буря, неистовствовавшая за магической завесой.

Снежные вихри налипали на невидимый барьер. Моя уставшая рука выводила: «Ризанд интересен. Ризанд великолепен. Ризанд безупречен». Мой уставший мозг ставил и снимал заслон, пока у меня не разболелась голова. Занимаясь всем этим, я не переставала думать об услышанном.

А Ианта что-нибудь знает об убийствах жриц? Может, она даже была знакома с кем-то из жертв. Она наверняка должна знать, где находится эта Сезера. Если на храмы нападают, верховная жрица обязана знать о подобных злодеяниях. Наверное, и Тамлину что-нибудь известно.

В последнюю ночь я почти не сомкнула глаз. Моя бессонница отчасти была вызвана радостью скорого возвращения домой. Отчасти я опасалась, что напоследок Ризанд приготовит какой-нибудь гадкий сюрприз. К утру буря умчалась дальше. Рассвело. Я поднялась раньше обычного, и восход солнца застал меня уже одетой.

Возможно, мне и сегодня принесли бы завтрак в комнату, однако я поспешила наверх, к веранде, где завтракала в первый день.

Риз сидел на своем обычном месте, в той же одежде, что и вчера. Воротник его черного камзола был расстегнут, под ним виднелась измятая рубашка. Волосы Ризанда торчали во все стороны. К счастью, крыльев за его спиной я не увидела. Может, он совсем недавно вернулся оттуда, где встречался с Мор и соратниками. Меня разбирало любопытство, но я воздержалась от расспросов.

– Неделя прошла, – вместо приветствия сказала я ему. – Верни меня домой.

Риз прильнул к чашке, делая глоток за глотком. Мне показалось, что туда налит отнюдь не чай.

– Доброе утро, Фейра, – невозмутимо произнес он.

– Верни меня домой.

Сегодня на мне была бирюзовая, с золотой вышивкой одежда. Честно говоря, она нравилась мне больше, чем платья, которые приходилось носить дома.

– А тебе этот цвет очень идет, – сказал Риз.

– Ты хочешь, чтобы я добавила слово «пожалуйста»? Тебе это нужно?

– Я хочу, чтобы ты говорила со мной, как разумное существо. Чтобы начала разговор со слов «доброе утро». А там... посмотрим, что из этого получится.

– Доброе утро.

Он улыбнулся одними губами. Паршивец!

– Ты готова к встрече с последствиями твоего предсвадебного исчезновения?

Я расправила плечи. Честно говоря, всю неделю я вообще не вспоминала о свадьбе, но сегодня... сегодня я только и думала о Тамлине. Мне хотелось поскорее его увидеть, обнять и расспросить обо всем, что говорил Риз. За минувшие дни я ничем не проявила силу, которой, по убеждению Ризанда, обладала. Хвала Котлу, у меня под кожей ничего не бурлило.

– Тебя это не касается, – буркнула я в ответ на его вопрос.

– Верно. Скорее всего, последствия ты просто проигнорируешь. Постараешься скрыть, как и все остальное.

– Твоего мнения, Ризанд, никто не спрашивал.

– Ризанд? – с усмешкой негромко переспросил он. – Я подарил тебе неделю роскошной жизни, а ты даже не приложишь к моему имени никакого приятного эпитета?

– Я не просила тащить меня сюда и держать целую неделю.

– И тем не менее посмотри на себя. У тебя на щеках появился румянец. И темные круги под глазами почти исчезли. Между прочим, заслон в твоём мозгу основательный и крепкий.

– Пожалуйста, верни меня домой.

Он пожал плечами и встал:

– Я передам Мор твои прощальные слова.

– Ее я тоже не видела всю неделю.

Только в первый день и вчера, когда мы и парой слов не перебросились.

– Мор ждала твоего приглашения. Она не хотела тебе докучать. Жаль, что ее учтивость не распространяется на меня.

– Мне никто не сказал.

Я не очень сокрушалась. Да и у Мор наверняка были дела поважнее, чем болтать со мной.

– Ты не спрашивала. Зачем тебе это надо? Лучше сидеть в одиночестве и жалеть себя, несчастную.

Ризанд подошел ко мне. Каждый его шаг был плавным и грациозным. А всклокоченные волосы... наверное, запустил туда руки. Или не успел причесаться после полета. Возможно, тайное место встречи очень далеко, и он летел туда не один час.

– Ты подумала над моим предложением?

– Я тебе сообщу... через месяц.

Его рука замерла в воздухе. Загорелое лицо напряглось.

– Я говорил и могу повторить снова: я тебе не враг, Фейра.

– И я говорила и тоже могу повторить снова. Ты – враг Тамлина. Следовательно, и мой тоже.

– Неужто?

– Освободи меня от уговора, и тогда станет ясно – враг ты или друг.

– Этого я сделать не могу.

– Не можешь или не хочешь?

Он протянул руку:

– Ну что, в путь?

Я вцепилась в его руку. Пальцы Ризанда были прохладными, крепкими и мозолистыми, как у тех, кто постоянно вынужден сражаться. Но я никогда не видела у него оружия.

Нас окутала тьма. Мир уходил у меня из-под ног, и я схватилась за Риза. Настоящий переброс. Ветер грозил унести меня неведомо куда. Риз положил мне руку на спину, она

была теплой. Нас несло через громадные расстояния, а он лишь посмеивался над моими страхами.

Потом ноги ощутили твердую землю. Точнее – каменные плиты. Над головой ослепительно сверкало солнце. Все вокруг утопало в сочной зелени. В листве весело щебетали птички.

Я высвободилась из его руки, шурясь на солнце. Перед нами высился громадный дуб. Я узнала этот дуб – он рос на границе садов. Я вернулась домой.

Я бросилась к поместью, но Риз успел схватить меня за руку, встав между мною и домом.

– Удачи, – проворковал он.

– Убери руку!

Он усмехнулся и разжал пальцы:

– Через месяц мы снова увидимся.

Я хотела плюнуть ему под ноги, но он уже исчез.

Тамлина я нашла в кабинете. Он, Ласэн и двое караульных стояли возле стола, заваленного картами.

Ласэн первым увидел меня в дверном проеме и умолк на полуслове. Потом и Тамлин повернул голову к двери. Через мгновение он бросился ко мне и, раньше чем я успела вздохнуть, сжал в крепчайших объятиях.

У меня жгло горло. Я едва успела произнести имя Тамлина, как вдруг...

Он отстранил меня на расстояние вытянутой руки и оглядел с головы до ног.

– Как ты себя чувствуешь? Ты не пострадала?

– Ничуть, – ответила я.

Теперь Тамлин впился глазами в мою одежду Двора ночи. Особенно его задела полоска голого тела возле пупка.

– Меня никто и пальцем не тронул.

Однако Тамлин продолжал внимательно рассматривать мое лицо и шею. Потом он повернул меня и изучил спину, словно умел видеть сквозь одежду. Мне это надоело, и я высвободилась из его рук:

– Я же тебе сказала: меня никто и пальцем не тронул.

Тамлин тяжело дышал. Его глаза неистово сверкали.

– Ты не пострадала, – произнес он.

Эту фразу он повторил несколько раз, как заклинание.

Мне стало его жаль до слез. Я потянулась к его щеке.

– Тамлин, – нежно прошептала я.

Ласэн и караульные сочли за благо удалиться. Ласэн успел послать мне ободряющую улыбку.

– Он способен причинить вред и не дотрагиваясь до тебя, – хрипло произнес Тамлин, закрывая глаза от моего прикосновения.

– Возможно. Но со мной ничего плохого не случилось. Честное слово, – как можно мягче сказала я.

Только сейчас я заметила, что стены кабинета испещрены следами когтей Тамлина. На них не осталось живого места. Стол, где лежали карты, был... новым.

– Ты разнес кабинет.

– Не только. Я разнес половину дома, – сказал Тамлин, прижимаясь лбом к моему лбу. – Он забрал тебя. Вероломно похитил...

– И потом исчез. Я целыми днями сидела одна.

Мои слова лишь разожгли злость Тамлина.

– Возможно, он сделал это намеренно, чтобы ты потеряла бдительность. Ты даже не представляешь, в какие игры он играет и на что способен.

– Знаю, – ответила я и почему-то почувствовала вкус пепла на языке. – В следующий раз я буду осторожнее.

– Следующего раза не будет.

Я удивленно заморгала:

– Ты нашел выход?

А может, не он – Ианта подсказала.

– Я тебя не пущу.

– Он говорил, что магический уговор нарушать нельзя. Последствия могут быть самыми тяжелыми.

– Плевать на последствия.

Однако я понимала: это пустая угроза. На самом деле мое исчезновение буквально разрушило Тамлина. Он считал себя моим защитником – и не справился с главной задачей. Я не могла попросить его перестать беспокоиться за меня и оставить попытки обезопасить каждый мой шаг.

Поднявшись на цыпочки, я поцеловала Тамлина. У меня накопилось к нему столько вопросов. Но вопросы могли обождать.

– Идем наверх, – не отнимая губ, сказала я.

Он обнял меня и тоже принялся целовать.

– Я скучал по тебе, – говорил он между поцелуями. – Я с ума сходил.

Это все, что мне нужно было от него услышать. Пока – все.

– Я должен задать тебе несколько вопросов, – вдруг сказал Тамлин.

Я кивнула и еще больше запрокинула голову:

– Потом...

Его тело было таким теплым, так крепко прижималось к моему. Я вдыхала знакомый запах...

Тамлин обнял меня за талию, снова приник к моему лбу.

– Нет, сейчас, – возразил он и тут же застонал, когда я провела языком по его зубам. – Пока... – Он нехотя оторвался от моих губ. – Пока все еще свежо в твоей памяти.

Я застыла. Одна рука запуталась в его волосах, вторая – комкала ткань его камзола.

– Что... свежо?

Тамлин отошел и несколько раз тряхнул головой, словно прогоняя вспыхнувшее желание. Мы так надолго не расставались со времен плена у Амаранты. Неужели ему сейчас важнее сведения о Дворе ночи?

– Тамлин, это может...

Но он поднял руку и, не сводя с меня глаз, позвал Ласэна.

За то время, пока мы ждали его главного соратника, я успела расправить завернувшийся нижний край кофты и пятерней причесать волосы. Тамлин сел за стол и жестом предложил мне занять стул напротив.

– Прости меня, – тихо сказал он, заслышав шаги Ласэна. – Это для нашего же блага. Для нашей безопасности.

Я смотрела на исполосованные стены, на такую же мебель. Какие кошмары одолевали Тамлина во сне и наяву, пока я торчала при Дворе ночи? Вспоминая, что творила со мной Амаранта, каково ему было представлять меня в руках врага?

– Конечно, – сказала я. – Тамлин, я тебя понимаю.

Или пытаюсь понять.

Едва я успела плюхнуться на стул с низкой спинкой, вошел Ласэн и плотно закрыл дверь кабинета.

– Фейра, рад видеть тебя целой и невредимой, – сказал он, усаживаясь на соседний стул. – Правда, тебе не мешало бы поскорее снять с себя наряд Двора ночи.

Тамлин одобрительно зарычал, соглашаясь с Ласэном. Я промолчала, хотя понимала... всерьез понимала, какой вызов бросает им моя одежда.

Тамлин и Ласэн переглянулись. Между ними произошел диалог взглядов, возможный лишь между теми, кто вместе уже не один век. Потом Ласэн слегка кивнул и откинулся на спинку стула, приготовившись слушать и подмечать.

– Ты должна рассказать нам все, – заговорил Тамлин. – Мы хотим знать, что представляет собой Двор ночи, кого ты там видела, какое у них оружие, много ли солдат. Вспомни, что Риз делал, с кем говорил. Нам важна любая мелочь, которая запечатлелась в твоей памяти.

– Я и не предполагала, что была там в качестве шпионки.

Ласэн заерзал на стуле.

– Мне предельно ненавистен этот так называемый уговор, – продолжал Тамлин. – Но ты получила доступ ко Двору ночи. Чужаки редко попадают туда, а если и попадают, то редко возвращаются живыми. Воспоминания тех, кому все же удалось вернуться, обычно туманны и обрывочны. Что бы Ризанд ни прятал в недрах своих гор, он определенно не желает, чтобы мы об этом знали.

У меня по спине пополз холодок.

– А зачем тебе это знать? Что ты намерен делать со сведениям, если их получишь?

– Я должен знать о замыслах моего врага. О его образе жизни и привычках. Что же касается наших собственных действий... к этому разговору они никакого отношения не имеют.

Зеленые глаза Тамлина пригвоздили меня к стулу.

– Начни с расположения двора. Он действительно скрыт в недрах горы?

– Твои вопросы здорово смахивают на допрос.

Ласэн шумно вдохнул, но промолчал.

– Фейра, нам необходимо это знать, – сказал Тамлин, вытягивая руки на столе. – Или ты... не можешь вспомнить?

Под костяшками пальцев мелькнули когти.

– Я все прекрасно помню. Ризанд не покушался на мой разум.

Не дожидаясь дальнейших вопросов, я начала рассказывать обо всем, что видела.

«Потому что я тебе доверяю», – сказал мне Ризанд. Но не исключено, что он все-таки воздействовал на мой разум – хотя бы теми же упражнениями по установке заслона. Мой рассказ об устройстве Двора ночи и окрестных горах напоминал купание в грязи, перемешанной с маслом. Ризанд был моим врагом, он заставлял меня выполнять условия уговора, на который я пошла, оказавшись в безвыходном положении.

Я продолжала рассказывать, описывая кабинет в башне. Тамлин допытывался, что за фигурки стояли на картах, заставлял меня вспоминать каждое слово, произнесенное Ризандом. Наконец я подошла к тому, что не давало мне покоя всю минувшую неделю, – к силам, которыми, по мнению Риза, я обладала, и к... замыслам правителя Сонного королевства. Далее я пересказала то, что слышала от Мор, – о разграбленном храме. Тамлин пояснил, что Сезера – город-крепость на севере Двора ночи, один из немногих известных их городов. Услышав имена Кассиана и Азриеля, Тамлин с Ласэном заметно напряглись, однако не сказали, знакомы ли им эти фэйцы и чем Кассиан и Азриель занимались при Дворе ночи. Свой рассказ я закончила упоминанием об иллирианских шайках и о том, как Ризанд охотился на предателей и уничтожал их.

Я рассказала все, что помнила. Тамлин молчал. Ласэна распирало от вопросов, от которых он едва удерживался.

– Как по-твоему, у меня есть эти способности? – спросила я у Тамлина, заставляя себя выдерживать его взгляд.

– Возможно, – тихо ответил Тамлин. – И если это правда...

Ласэна прорвало:

– Да за такую силу остальные верховные правители убьют кого угодно.

Он разглядывал меня металлическим глазом, словно проверял, какая сила течет у меня в крови и сколько ее.

– Моему отцу очень не понравилось бы, узнай он, что лишился капельки своей силы или что эта частица перешла к невесте Тамлина. Он бы пошел на что угодно, только бы убедиться, что никакой силы у тебя нет... вплоть до твоего убийства. И остальные верховные правители поддержали бы его.

У меня под кожей началось знакомое бурление.

– Но я бы никогда не применила силу против кого бы то ни было...

– Речь не о том, применила бы ты или нет. Речь о преимуществе, которого у тебя ни в коем случае не должно быть, – пояснил Тамлин. – И едва только об этом станет известно, ты превратишься в живую мишень.

– А ты знал? – спросила я. Ласэн упорно смотрел в сторону. – Догадывался? Подозревал?

– Я надеялся, что это не так, – осторожно произнес Тамлин. – А теперь, когда у Риза появились подозрения, неизвестно, какой ход он им даст.

– Он говорил, что мне нужно учиться управлять этими силами.

Мне хватило ума не рассказывать про упражнения с заслонами. Пока об этом помолчу.

– Такая учеба привлекла бы к тебе слишком много внимания, – сказал Тамлин. – Тебе незачем учиться. В этом нет никакой необходимости. Я способен защитить тебя от любых опасностей, откуда бы они ни исходили.

Я понимала, зачем Тамлин это говорит. Он убеждал не только меня, но и себя. И помнил: было время, когда он не мог меня защитить. Когда сам был слаб и уязвим и лишь наблюдал, как меня истязают. У него не хватало сил помешать Амаранте...

Я не допущу появления новой Амаранты. Не позволю, чтобы правитель Сонного королевства нагнал сюда своих прихвостней и те стали уничтожать фэйцев и фэйри всех сословий. Я не позволю, чтобы пострадали смертные. Я не дам разрушить стену.

– Мои силыгодились бы в войне против Сонного королевства.

– Об этом не может быть и речи, – резко возразил Тамлин. – И вообще, никакой войны против Сонного королевства не будет.

– А Риз говорит, война неминуема. Притиания подвергнется мощному нападению.

– Никак Риз все знает? – сухо спросил Ласэн.

– Нет, но... Он был сильно встревожен. Он считает, что я могла бы изменить течение грядущей войны.

Тамлин согнул пальцы, убрав когти поглубже.

– Ты совершенно не умеешь владеть оружием и ничего не смыслишь в тактике битвы. И даже если бы я с этого дня занялся твоим обучением, прошел бы не один год, прежде чем ты смогла бы самостоятельно сражаться. Война бессмертных – особая война. – Он судорожно втянул воздух. – И потому, Фейра, что бы этот Риз ни думал о твоих способностях, я тебя и близко не подпущу ни к одному полю сражения. В особенности если он намеревается расстрезвонить нашим врагам о том, какими силами ты обладаешь. Ты бы сражалась с Сонным королевством, а в это время твои враги, рядящиеся под друзей, нанесли бы тебе удар в спину.

– Меня это не волнует.

– Зато меня волнует! – рявкнул Тамлин. Ласэн шумно выдохнул. – Мне не все равно, если ты погибнешь или покалечишься, если до конца наших дней будешь в постоянной опасности. Поэтому никакого обучения, и никто никогда и слова не услышит от нас о твоих способностях.

– Но Сонное королевство... – снова попыталась возразить я.

– Мои доверенные лица уже ведут наблюдение за Сонным королевством, – тихо сообщил Ласэн.

Я умоляюще посмотрела на него.

Ласэн вздохнул.

– А если мы будем обучать Фейру тайком... – предложил он Тамлину.

– Риск слишком велик. И последствия слишком непредсказуемы, – возразил Тамлин. – Может, Ризанду и мерещится война с Сонным королевством, но я знаю: никакой войны не будет.

– Уж лучше скажи, тебе хочется, чтобы ее не было! – огрызнулась я.

Ласэн что-то забормотал. Похоже, он обращался с мольбой к Котлу.

– Расскажи мне еще раз про его кабинет в башне, – велел мне Тамлин.

Тамлин больше не собирался говорить про мое обучение и обсуждать его варианты.

Мы посмотрели друг на друга. Я чувствовала, как у меня сводит желудок.

Тамлин был верховным правителем. Моим верховным правителем. Защитником своих подданных. Моим защитником. И если забота о моей безопасности означала, что его подданные и дальше будут сохранять надежду на новую жизнь и он сам не утратит этой надежды... я могла подчиниться его требованию.

Мне это по силам.

«Ты не являешься ничьей подданной».

Быть может, невзирая на все мои успехи с заслонами, Ризанд все-таки что-то изменил в моем разуме?

Одной этой мысли было достаточно, чтобы снова начать подробный рассказ о Дворе ночи и кабинете Ризанда.

Глава 8

Прошла неделя. Наступил день уплаты десятины.

При этом с Тамлином мы провели ничтожно мало времени – всего один день. Мы гуляли по саду, предавались телесным утехам на поле, среди жарких от солнца трав. Потом обедали вдвоем, без Ласэна и Ианты. И вдруг его вызвали на границу. С чем это связано и куда он едет, Тамлин мне не сказал. Только потребовал, чтобы я ни в коем случае не покидала поместье. Еще он добавил, что отныне меня будут постоянно охранять.

И потому всю неделю я была предоставлена сама себе. Я снова просыпалась среди ночи, и меня выворачивало после кошмарного сна. Снова мое лицо намокало от слез. С Иантой мы виделись несколько раз. Если она что-то и знала о злодейском убийстве на севере, со мной этого не обсуждала. Да мне и самой совсем не хотелось говорить о вещах, постоянно занимавших мой ум. И потому, оказавшись в обществе Ианты, я помогала ей выбирать мне одежду, драгоценности и прическу для грядущего дня уплаты десятины.

Когда я, не удержавшись, спросила, чего ожидать от этого события, Ианта заверила меня, что Тамлин обо всем позаботится, а мне нужно лишь находиться рядом и наблюдать.

Это радовало. Как хорошо, что я избавлена от речей и действий.

Но татуированный глаз на левой ладони по-прежнему глядел на меня, и мне стоило огромных усилий не смотреть на него самой и не вспоминать слова Риза.

Тамлин вернулся накануне, поздно вечером. Я старалась не приставать к нему с расспросами. На его плечах и так лежало тяжкое бремя власти. И потом, сомневаюсь, что он рассказал бы мне намного больше, чем Ианта.

Мы с Тамлином сидели в главном зале, на возвышении. Вокруг все блестело мрамором и золотом. Передо мною тянулась нескончаемая вереница плательщиков, и все смотрели на меня. Многие не могли сдержать слез благодарности и благословляли меня на избавление Притиании от страшной чумы по имени Амаранта.

Ианта была в своем обычном жреческом одеянии с капюшоном. Она стояла возле дверей – благословляла уходящих, ободряла тех, кто робел и терялся в моем присутствии, и сообщала всем, что теперь, когда одержана победа добра над злом, мир стал лучше.

Через двадцать минут я уже ерзала на стуле, устав от скопления фэйцев и фэйри. Спустя четыре часа я вообще перестала воспринимать какие-либо слова.

А они все шли и шли – посланники, представляющие каждый город, селение или сообщество подданных Двора весны. Тамлину несли золото и драгоценные камни, кур, овощи, фрукты, ткани. Вид оплаты не имел значения; главное, чтобы она точно соответствовала сумме, которую надлежало заплатить. Ласэн стоял рядом с возвышением, учитывал все приношения и делал соответствующие записи. Он был вооружен до зубов, равно как и десятков караульных, расставленных по всему залу. Ласэн именовал это помещение залом принятия, однако мне оно здорово напоминало тронный зал. Может, он придумал такое название, поскольку иные слова...

Поскольку я слишком много времени провела в ином тронном зале. А Тамлин и того больше.

Но там я не сидела на возвышении – меня заставляли вставать на колени. Там я с опаской приближалась к ступеням. Совсем как худенькая серокожая фэйри. Одна из многочисленной толпы, где перемешались все сословия.

Одежды на ней не было. Длинные темные волосы прикрывали высокую крепкую грудь. Ее громадные глаза на остром личике были совсем черными, словно пруд со стоячей водой. Когда она двигалась, ее кожа странно переливалась на послеполуденном солнце.

На лице Ласэна появилась гримаса недовольства, но он воздержался от замечаний и лишь смотрел, как водяная фэйри склонила голову и сложила длинные тонкие ручки на груди, прикрытой волосами.

– От имени водяных фэйри я приветствую тебя, верховный правитель, – произнесла она.

Ее речь больше напоминала шипение. Ее красивые, чувственные губы окаймляли рот, полный острых неровных зубов, похожих на щучьи. Заостренные черты лица лишь оттеняли угольно-черные глаза.

Я не впервые видела водяную фэйри. Они обитали в пруду, у границы садов поместья. Их там было пятеро, живущих среди камышей и кувшинок. Я редко видела их целиком; в основном – только блестящие головы, торчащие над водой. Я и представить не могла, сколь отталкивающе выглядят их тела. Хвала Котлу, я была не настолько безрассудна, чтобы отважиться поплавать в том пруду. Я глядела на фэйри и зримо представляла, как она схватила бы меня тоненькими пальчиками, вонзив ногти в кожу, а потом уволокла бы под воду, не дав даже вскрикнуть.

– Добро пожаловать, – ответил ей Тамлин.

Церемония длилась пять часов, а Тамлин оставался бодрым и свежим, как утром. Наверное, теперь, когда вернулась его магическая сила, он почти не уставал.

Водяная фэйри приблизилась еще на шаг. Ноги у нее тоже были тонкими и пятнистыми, а ногти напоминали когти. Ласэн как бы ненароком поднялся на пару ступенек, оказавшись между мною и серокожей фэйри. Вот почему его поставили с моей стороны помоста.

Я скрипнула зубами.

Если Тамлин и Ласэн не верили в войну с Сонным королевством, чего тогда они опасались? Кто отважится напасть на нас здесь, в нашем доме, на нашей земле? Уж не эта ли тщедушная водяная фэйри? Даже Ианта прекратила раздачу благословений и с любопытством наблюдала, что будет дальше.

Водяная фэйри отвесила низкий поклон. Настолько низкий, что ее черные волосы покрыли мрамор.

– Прости меня, верховный правитель, но в нашем озере совсем не осталось рыбы.

Лицо Тамлина было непроницаемым, как у каменной статуи.

– И все равно ты обязана внести десятину.

Корона, венчающая его голову, ярко сверкала в лучах солнца. Она была в форме венка из первых весенних цветов и переливалась изумрудами, сапфирами и аметистами. К Тамлину по наследству перешло еще четыре такие короны.

Водяная фэйри простерла ладони, приготовившись сказать еще что-то, однако Тамлин не дал ей и рта раскрыть.

– Исключений я не делаю никому. У тебя есть три дня, чтобы заплатить установленную десятину. Иначе в следующий раз ты будешь должна заплатить вдвое больше.

Мне стоило немалых усилий оторвать взгляд от его неподвижного лица. Вот только заткнуть уши, чтобы не слышать безжалостных слов, я не могла. Ианта кивнула. Казалось, она вся в своих мыслях, но я прекрасно понимала, кому адресован кивок.

Водяным фэйри нечего есть. Неужели Тамлин всерьез ожидал, что они пошлют ему рыбу?

– Пощади нас, – прошептала должница, стискивая заостренные зубы. Ее затрясло. Серебристая, с серыми пятнами кожа заблестела от пота. – В озере совсем не осталось рыбы.

На лице Тамлина не дрогнул ни единый мускул.

– Даю вам три дня.

– Но у нас нет золота!

– Не смей меня перебивать!

Я отвернулась. Таким безжалостным я его еще не видела.

– Прощения прошу, господин, – пробормотала водяная фэйри, опустив голову еще ниже.

– У тебя есть три дня, чтобы заплатить долг, или же в следующем месяце принести вдвое больше, – повторил Тамлин. – Если попытаешься уклониться, последствия тебе известны.

Он махнул рукой, показывая, что больше не задерживает должника. Разговор с нею окончен.

Когда водяная фэйри взглянула на Тамлина в последний раз, ее глаза кричали от отчаяния. Она поплелась к двери. А возле помоста уже дожидался очередной плательщик – козлоногий лесной фэйри, принесший большую корзину грибов.

– Нам совсем не нужна ее корзина рыбы, – тихо сказала я. – Зачем обрекать эту фэйри на страдания?

Тамлин смотрел не на меня, а на открытую дверь. Должница поравнялась с Иантой. Та отошла в сторону и сжала рукой свой пояс с драгоценными камнями. Неужели верховная жрица боялась, что эта несчастная фэйри сорвет с нее пояс, чтобы заплатить долг?

– Я не могу делать исключения, – хмурясь, ответил мне Тамлин. – Стоит потрафить одному, и остальные потребуют, чтобы и им простили долги.

Я впилась в подлокотники своего маленького дубового стула, казавшегося игрушечным по сравнению с резным тронem, на котором восседал Тамлин.

– Нам не нужны приношения, которые твои подданные отрывают от себя с кровью. Ну зачем нам моток золотого руна или банка варенья? Если в их озере не осталось рыбы, три дня ничего не изменят. К чему обрекать ее на голод? Почему бы не помочь ей и не запустить в пруд мальков? Через какое-то время там снова будет много рыбы.

Я помнила свои голодные годы, когда у меня сводило живот, и потому не могла просто взять и забыть историю с водяной фэйри. Мне хотелось кричать от несправедливости Тамлина.

Наверное, он прочитал это у меня на лице, поскольку его изумрудные глаза немного смягчились.

– Я следую незыблемой традиции, на которой держится благополучие нашего двора. Так поступал мой дед. Так поступал мой отец. Так будет поступать мой сын. – Он улыбнулся, дотронувшись до моей руки, и добавил: – Когда-нибудь.

Когда-нибудь. Если мы вообще поженимся. Если я не буду для него такой обузой, как сейчас. Если мы оставим позади тени, не дающие нам покоя сейчас. После моего возвращения мы совсем не говорили о свадьбе. К счастью, Ианта тоже о ней молчала.

– И все-таки мы могли бы помочь этой фэйри. Раздобыть мальков совсем не сложно.

– Нам и так хватает дел. Милостыня еще никому всерьез не помогала.

Я открыла рот и тут же закрыла снова. Сейчас не время для споров.

Тамлин подал знак томившемуся козлоногую фэйри.

– Здесь душно. Выйду на воздух, – сказала я и быстро встала.

Я сбежала по ступеням, прежде чем Тамлин успел возразить. Я старалась не замечать ни троих караульных, которых он отправил вслед за мною, ни глазающих и перешептывающихся плательщиков.

Ианта тоже пыталась меня удержать, но я пронеслась мимо, даже не взглянув на нее.

Выйдя через главный вход, я быстро спустилась, лавируя между стоящими в очереди. На меня оглядывались – знать и низшие сословия. Я искала глазами должника и наконец заметила ее фигуру. Водяная фэйри заворачивала за угол, торопясь к своему пруду. Она шла, вытирая глаза.

– Эй, подожди! – крикнула я и побежала к ней.

Я быстро ее догнала. Караульные остановились на почтительном расстоянии. Водяная фэйри тоже остановилась, повернувшись ко мне с умопомрачительной быстротой и изящностью. И все равно вне воды она выглядела настолько отталкивающе, что я усилием воли заставила себя смотреть ей в лицо. Караульные наблюдали, положив руки на эфесы мечей.

Носа у нее не было – только две щелочки. Чуть ниже ушей располагались жабры.

Должница слегка наклонила голову. Это не было поклоном, поскольку я ничего собой не представляла. Однако она узнала во мне живую игрушку верховного правителя.

– Что тебе угодно? – прошипела она, блеснув щучьими зубами.

– Какова величина твоей десятины?

При виде тонких пальчиков и острых словно бритва зубов мое сердце заколотилось быстрее. В свое время Тамлин мне рассказывал, что водяные фэйри всеядны. И если в их пруду не осталось рыбы...

– Сколько золота ему нужно? Точнее, сколько стоит твоя рыба, если пересчитать на золото?

– Гораздо больше, чем есть у тебя в кармане.

– Но у меня есть не только в кармане.

Я торопливо сняла с руки золотой браслет, усыпанный рубинами. Ианта уверяла, что он больше подходит к моему сегодняшнему платью, чем серебряный, который я обычно надевала. Я протянула браслет должнице:

– Возьми.

Раньше, чем она успела протянуть тоненькую ручку, я сняла золотое ожерелье и вынула из ушей золотые сережки-капельки.

– Бери все. Отдай ему долг, а потом купи себе еды.

У водяной фэйри округлились глаза. В близлежащей деревне каждую неделю устраивали торговый день. И хотя продавцов было не ахти сколько – правление Амаранты отучило фэйри торговать, – там можно было купить все необходимое.

– Какую плату ты потребуешь? – спросила должница.

– Никакой. Я тебе не в долг даю, а насовсем. Бери.

Я протянула руки с драгоценностями.

Водяная фэйри хмуро поглядела на сокровища:

– И ты ничего не хочешь взамен?

– Ничего. Бери.

Фэйри, стоящие в очереди вблизи нас, все видели и слышали. Они недоуменно смотрели на нас.

Бросив еще один взгляд на драгоценности, водяная фэйри протянула к ним тонкие липкие пальцы. Они коснулись моих, и я сумела не вздрогнуть. В серых пальцах фэйри украшения напоминали солнечный свет, разлитый по водной поверхности.

– Спасибо тебе, – сказала она и теперь поклонилась по-настоящему. – Я не забуду твоей доброты.

Ее слова выскальзывали изо рта, словно рыба из воды. Я все-таки вздрогнула, когда взглянула в ее громадные черные глаза, угрожавшие проглотить меня целиком.

– И никто из моих сестер не забудет, – добавила водяная фэйри.

Повернувшись, она снова пошла к дому. На лицах караульных я прочла нескрываемый упрек.

Обедала я с Ласэном и Тамлином. Оба молчали. Взгляд Ласэна метался от меня к Тамлину, а потом – к своей тарелке.

Выдержав минут десять тишины, я положила вилку и спросила у Тамлина:

– В чем дело?

– Ты сама прекрасно знаешь в чем, – не раздумывая, ответил он.

Я промолчала.

– Ты отдала этой водяной фэйри свои драгоценности. Драгоценности, подаренные мною.

– У нас дом ломится от золота и драгоценных камней.

Ласэн шумно вздохнул и едва слышно пробормотал:

– Повторение пройденного.

– А почему мне нельзя было отдать ей драгоценности? – с вызовом спросила я. – Они для меня ничего не значат. Нет ни одной вещи, которую я бы надела дважды! Зачем мне склад драгоценностей?

Тамлин слушал, поджав губы.

– Да пойми ты: дело не в драгоценностях! Своим поведением ты подрываешь законы моего двора. Они были установлены не просто так. И когда ты отдаешь этой обжоре золото, чтобы она не померла с голоду, твои действия выставляют меня... слабаком. И не только меня. Весь двор.

– Не говори со мной в таком тоне, – сказала я, оскалив губы.

Тамлин стукнул кулаком по столу, выдвинул когти, однако они меня не испугали. Я подалась вперед, схватившись руками за край стола:

– Ты до сих пор не представляешь, каково мне было месяцами жить впроголодь. Каждую зиму нам угрожала голодная смерть. Можешь сколько угодно называть эту фэйри обжорой, но у меня тоже есть сестры. Я помню, что значит возвращаться домой с пустыми руками, не добыв никакого пропитания.

Я заставила себя успокоиться, но неведомая сила бурлила во мне, перехлестывая через край.

– Возможно, эта фэйри глупейшим образом растратит деньги. Возможно, она и ее сестры не знают удержу. Но я не хочу обрекать их на голод только потому, что когда-то твои предки придумали нелепые правила.

Ласэн откашлялся:

– Тамлин, Фейра не хотела тебя обидеть.

– Без тебя знаю, что не хотела, – резко ответил Тамлин.

Ласэн выдержал его взгляд.

– Мы знавали худшие события и не застрахованы от них в будущем. Успокойся. Ничего трагического не случилось.

В изумрудных глазах Тамлина плясал неистовый огонь, угрожая сжечь все вокруг.

– Разве я спрашивал твое мнение?

От этих слов, от его взгляда, брошенного на Ласэна, и от того, как Ласэн послушно опустил голову, в моих жилах снова вспыхнула огненная река. «Ласэн, подними же голову, – мысленно умоляла я его. – Поставь его на место. Мы правы, а он ошибается». Ласэн стиснул зубы. Неведомая сила вновь заметалась во мне, готовая выплеснуться на Ласэна. «Да не опускай ты головы!»

А потом я исчезла.

Я оставалась в столовой, я по-прежнему смотрела своими глазами, но одновременно видела помещение под другим углом, будто сидела на другом стуле.

В меня хлынул поток мыслей, образов и воспоминаний. Мысли и чувства были давними, умными и печальными. Невыразимо печальными, пропитанными безнадежностью и чувством вины...

Это продолжалось совсем недолго. Я вернулась в себя, безотрывно глядя на Ласэна.

Его голова. Я побывала в его голове! Проскользнула через стены его разума.

Я встала, бросив салфетку на стол. Мои руки были пугающе спокойными.

Я знала, от кого получила этот дар. То небольшое, что я успела съесть, грозило выплеснуться наружу. Усилием воли я подавила рвотный позыв.

– Мы еще не закончили обедать, – прорычал Тамлин.

– Приятного аппетита! – в тон ему рявкнула я и ушла.

Я могла поклясться: под салфеткой остались выжженные следы моих рук. И надеялась, что никто больше их не заметил. А еще я надеялась, что Ласэн не почувствовал вторжения в его разум.

Глава 9

Я долго мерила шагами свою комнату. Возможно, я ошиблась, и выжженные следы якобы моих пальцев появились на столе гораздо раньше. Возможно, их происхождение имело куда более правдоподобное объяснение, нежели всплеск неведомой силы во мне, опалившей поверхность стола. Возможно, и в мозгу Ласэна я не была, а лишь вообразила себе эту странную «прогулку».

Потом, как обычно, появилась Асилла, чтобы помочь мне переодеться и подготовиться ко сну. Она расчесывала мои волосы. Я сидела перед туалетным столиком, смотрелась в зеркало и морщилась на собственное отражение. Круги под глазами стали еще заметнее и, возможно, навсегда поселились на моем лице. Само лицо побледнело. Даже губы потеряли яркость. Я вздохнула и закрыла глаза.

– Слышала, ты отдала свои драгоценности водяной фэйри, – вдруг сказала Асилла.

Я снова открыла глаза и уставилась на ее отражение в зеркале. Коричневая кожа служанки напоминала измятую кожаную подушку. Ее темные глаза вспыхнули и тут же сосредоточились на моих волосах.

– Скользящий это народец.

– Но она говорила, что они голодают. Им совсем нечего есть, – пробормотала я, словно оправдываясь перед Асиллой.

Служанка осторожно раздвигала гребнем спутанную прядь.

– Никто из тех, кто стоял сегодня в очереди, не дал бы ей денег. Никто и не осмеливался. До нее немало водяных фэйри сошли в могилу из-за голода. Неуемный аппетит – сущее их проклятие. Денег от продажи твоих камешков ей едва ли хватит на неделю.

Я топнула ногой.

– Однако, – Асилла, отложив гребень, заплетала мои волосы в косу, царапая кожу головы длинными тонкими пальцами, – эта фэйри не забудет твоей щедрости. Что бы ты ни говорила, пока она жива, она перед тобой в долгу.

Заплетя косу, Асилла одобрительно потрепала меня по плечу:

– За эти пятьдесят лет многие фэйри познали голод. Так что весть о твоём поступке быстро разлетится.

Слова Асиллы почему-то вызвали у меня не всплеск тщеславия, а волну страха.

Я ждала, что Тамлин все-таки придет ко мне, но он не показывался. Когда время перевалило за полночь, я отправилась его искать. Побродив по темным и тихим коридорам, я нашла его в кабинете. Одного.

На столике между двумя креслами я заметила большую шкатулку, перевязанную пышным розовым бантом.

– Я уже собирался подняться к тебе, – сказал Тамлин, быстро окидывая меня взглядом, словно желая удостовериться, что за минувшие часы со мной ничего не случилось. – Напрасно ты не спишь.

Я вошла, закрыв за собой дверь. Я знала, что не усну, особенно после слов, звеневших у меня в ушах.

– И тебе стоило бы лечь. – Мой голос звучал так же натянуто, как и отношения между нами. – Ты слишком много работаешь.

Я подошла к креслу, оперлась руками на спинку. Пока я разглядывала его подарок, Тамлин внимательно разглядывал меня.

– Теперь ты понимаешь, почему я не рвался в верховные правители? – спросил он, поднимаясь из-за стола.

Он подошел ко мне, поцеловал лоб, кончик носа, потом осторожно поцеловал в губы.
– Столько писанины, – проворчал он.

Я усмехнулась. Тамлин прижался губами к ложбинке между моим плечом и шеей.

– Прости меня, – прошептал он.

Его поцелуй отозвался покалыванием во всей спине. Он снова поцеловал мою шею.

– Прости меня.

– Тамлин... – начала я, проводя пальцами по его руке.

– Я не должен был говорить тех слов, – прошептал он, не отрывая губ от моей шеи. –

Ни тебе, ни Ласэну. Я совсем не хотел вас обидеть.

– Знаю, – ответила я и почувствовала, как напряжение покидает его тело. – И ты меня прости за все, что я там наговорила.

– Ты была совершенно права, – сказал Тамлин, хотя я понимала, что это не так. – Я был не прав.

У себя в комнате, раздумывая над его доводами, я поняла их правоту. Если бы он сделал исключения для кого-то из подданных, остальные фэйри потребовали бы того же. А мой благородный жест действительно выглядел как подрыв существующих устоев.

– Возможно, я...

– Нет, Фейра. Ты была права. Я ведь не понимаю, что значит голодать и каково возвращаться домой без добычи.

Кивком головы я указала на подарок, ожидавший меня. Как бы мне хотелось, чтобы он завершил нескончаемую цепь подарков.

– Это тебе? – нарочно спросила я, заставив себя лукаво улыбнуться.

В ответ он слегка прикусил мне мочку уха.

– Нет. Это тебе. От меня.

Подкрепление его извинения.

Тяжесть на душе, донимавшая меня все эти дни, начала уходить. Я развязала бант. Шкатулка из светлого дерева больше напоминала сундучок высотой в локоть и шириной в полтора. Сверху к нему крепилась железная ручка. Никаких надписей или символов, позволяющих угадать содержимое, я не увидела. Наверняка не платье. Однако...

«Только бы он не вздумал подарить мне корону».

Хотя шкатулка для короны или диадемы отличалась бы большим изяществом.

Я щелкнула медным замочком и откинула широкую крышку.

То, что предстало моим глазам, было... хуже короны.

Внутри я увидела перегородки и перегородочки, заполненные кистями, красками, брусочками угля и особой бумагой для рисования. Словом, все, что необходимо странствующему художнику.

А какой яркой была красная краска в стеклянной баночке. И синяя тоже. Совсем как цвет глаз фэйки, убитой мною в Подгорье.

– Я подумал, тебе будет удобнее носить все свои принадлежности в этом сундучке. Не надо брать с собой мешки.

Кисти были новенькими, сверкающими, с мягким и чистым волосом.

Смотреть на этот сундучок и его содержимое было все равно что разглядывать труп, облюбованный вороньем.

Я попыталась улыбнуться. Попыталась заставить свои глаза хотя бы немного заблестеть от радости.

– Тебе не нравится мой подарок, – вздохнул Тамлин.

– Почему же, – сумела возразить я. – Чудесный подарок.

Я не подыгрывала Тамлину. Его подарок действительно был чудесным.

– Я подумал: если ты снова начнешь рисовать...

Он не договорил.

Кровь прилила к лицу. Мне стало жарко.

– А как насчет тебя? – тихо спросила я. – Тебе эта возня с бумагами хоть в чем-то помогает?

Я выдержала его взгляд. Пока что Тамлину удавалось сдерживаться.

– Мы сейчас говорим не обо мне, а о тебе, – сказал он.

Я снова обвела глазами содержимое сундучка:

– Мне позволят пойти рисовать туда, куда я пожелаю? Или караульные будут присутствовать и при моих занятиях живописью?

Молчание.

Я и так знала ответы. «Нет» – на первый, и «да» – на второй.

Меня затрясло. Я сделала еще одну, отчаянную попытку достучаться до него:

– Тамлин, послушай. Я не могу... не могу жить в постоянном окружении караульных. Я... задыхаюсь от такой опеки. И тебе самому плохо. Не отталкивай мою помощь. Давай работать вместе.

– Фейра, ты и так отдала достаточно.

– Я знаю. Но...

Я повернулась к нему. Сейчас передо мной стоял не Тамлин, а верховный правитель Двора весны во всем своем могуществе.

– Тамлин, сейчас меня труднее погубить. Я стала сильнее и проворнее.

– Мои близкие были еще сильнее и проворнее, чем ты. Но с ними довольно легко расправились.

– Тогда женись на той, что способна все это терпеть.

Я и сама удивилась своим словам. Тамлин медленно моргал. Потом вдруг спросил ужасающе нежным голосом:

– Значит, ты не хочешь выходить за меня?

Я старалась не смотреть на его кольцо у себя на пальце, на крупный изумруд.

– Хочу. Конечно же хочу. – У меня дрогнул голос. – Но ты, Тамлин...

На меня вновь надвигались стены. Меня давило все: тишина, караульные, взгляды придворных. Увиденное сегодня днем, во время уплаты десятины.

– Я тону, – кое-как сумела выговорить я. – Понимаешь? Я тону. И чем больше ты стараешься меня защитить, чем больше караульныхставляешь для моей охраны... С таким же успехом ты бы мог затолкать меня в воду с головой.

В его глазах и лице ничего не изменилось.

Но потом...

Я вскрикнула и инстинктивно закрылась руками. Сила, которую Тамлину удавалось сдерживать, вырвалась наружу.

Посыпались осколки разбитых окон.

Затрещала ломающаяся мебель.

А сундучок с красками, кистями и бумагой...

Подарок Тамлина взорвался, превратившись в тончайшую стеклянно-древесную пыль.

Глава 10

Все произошло так быстро, что до сих пор не укладывалось в сознании. Только что кабинет был целехонек, и вдруг...

Сплошные россыпи осколков и обломков. От кабинета осталось лишь воспоминание.

К счастью, в углу, где я лежала, закрыв голову руками, меня ничто не ранило и не оцарапало.

Тамлин тяжело дышал, всхлипывал даже.

Меня трясло, да так сильно, что я опасалась, как бы мои кости не расщепились, как мебель. И все же я заставила себя опустить руки и посмотреть на него.

Я увидела его смятение. Боль. Страх. Горе.

Вокруг меня был чистый пятачок, словно Тамлин и в гневе прикрыл меня невидимым зонтиком.

Он шагнул ко мне и вдруг отпрянул, наткнувшись на невидимую преграду.

– Фейра, – хрипло прошептал он.

Тамлин сделал еще одну попытку – и снова не смог подойти ко мне.

– Фейра, прошу тебя, – взмолился он.

Я поняла: преграда и зонтик не его защита. Они – защита от него, сотворенная мною.

Заслон. Не только внутри разума, но и вокруг тела.

Я не знала, от какого верховного правителя я унаследовала дар управлять ветром или воздухом. Возможно, от одного из правителей солнечных дворов. Сейчас мне было все равно.

– Фейра! – простонал Тамлин, ударяя кулаком в невидимую стену, возникшую из уплотнившегося воздуха. – Прошу тебя. Пожалуйста...

Эти слова затронули что-то во мне. Приоткрыли меня.

Возможно, они пробили брешь в невидимой преграде. Рука Тамлина беспрепятственно прошла сквозь нее. Потом он и сам пересек границу между хаосом и порядком, между опасностью и безопасностью.

Тамлин упал на колени, спрятав лицо в ладонях.

– Прости меня. Прости меня, – шептал он.

Я не могла унять дрожь.

– Я попытаюсь, – выдохнул он. – Попытаюсь стать лучше. Я не... Иногда мне не совладать с собой. Со своим гневом. Сегодня был... отвратительный день. И дурацкая десятая, и вообще. Давай забудем этот день, оставим его позади и пойдем дальше. Прошу тебя.

Я не сопротивлялась, когда он обнял меня и окутал своим теплом. Тамлин уткнулся в мою шею. Его губы оказались под моим затылком. Я слышала его слова ушами и ощущала их кожей. Общаясь телами, мы с Тамлином всегда лучше понимали друг друга. Потому и сейчас он предпочел говорить, не отрывая губ от моей шеи.

– Я не смог тогда тебя спасти. Не уберег от них. А когда ты сказала, что я тебя топлю... Чем я лучше их?

Наверное, сейчас нужно было сказать, что те слова вырвались у меня сгоряча... Но нет, я произнесла их от всего сердца. Или от остатков сердца.

– Я попытаюсь стать лучше, – повторил Тамлин. – Прошу тебя, дай мне время. Дай мне... пройти через все это. Пожалуйста.

«Через что тебе нужно пройти?» – хотелось мне спросить. Но язык не слушался. Я вдруг поняла, что за все это время ничего не сказала. Поняла, что Тамлин ждал моего ответа, а мне было нечего ответить.

И тогда я обняла его, поскольку сейчас могла говорить только на языке тела.

Тамлину хватило такого ответа.

– Я виноват. Прости, – в который раз произнес он и еще несколько минут подряд твердил эти слова.

«Фейра, ты и так отдала достаточно».

Наверное, он прав. Наверное, у меня больше не осталось ничего, что я могла бы отдать.

Я взглянула поверх его плеча. Стена позади нас покрылась брызгами красной краски. Ее струйки сползали по растрескавшимся деревянным панелям. Как струйки крови.

Извинения Тамлина продолжались несколько дней. Он истосковался по мне и не сдерживал своих желаний. Мы предавались любовным утехам утром и по ночам. Он ласкал меня руками, языком, зубами. Здесь мы обходились без слов, а потому и сложностей не возникало. Всего остального мы старались избегать.

Однако Тамлин сдержал слово.

Число караульных во время моих прогулок уменьшилось. Совсем они не исчезли, но не следовали за мной по пятам. Я даже проехала верхом одна, без сопровождающих. Правда, я знала: конюхи доложили Тамлину, во сколько я выехала и когда вернулась.

Тамлин ни разу не упомянул о воздушной преграде, устроенной мною. Я тоже молчала. Отношения между нами только-только наладились, и несколько слов могли все испортить. Зачем искушать судьбу?

Мелькали дни, похожие один на другой. По большей части Тамлин куда-то уезжал, а когда возвращался, ничего мне не рассказывал. Я давно перестала донимать его вопросами. Он – защитник. Таким был, таким и останется. В своей прежней – холодной, жестокой и безрадостной – жизни, когда мне самой приходилось защищать и защищаться, я мечтала о подобном спутнике. И потом, попав сюда, я нуждалась в том, кто способен растопить лед моих горьких лет, прожитых под вечной угрозой голода.

Я не отваживалась себя спросить, кого сейчас хочу видеть рядом и в ком нуждаюсь. Думать о том, кем стала сама, я тоже не отваживалась.

Чтобы не томиться от безделья, я проводила дни в библиотеке. Упражнялась в чтении и письме. Училась строить все более прочные заслоны в своем разуме. Иногда проверяла, могу ли окружить себя невидимой стеной плотного воздуха. Окружала и наслаждалась удивительной тишиной, пока та не начинала звенеть в голове и во всем теле.

Бывали дни, когда я вообще ни с кем не разговаривала, даже с Асиллой.

А ночи легче не становились. Каждую ночь я просыпалась в поту, дрожа после очередного кошмара. Как хорошо, что Тамлина не было рядом и он этого не видел. И я не видела его проснувшимся в таком же состоянии. Или в зверином обличье, после того как он до утра с рычанием бродил по поместью, ожидая неведомых угроз. Чем я могла помочь, когда сама являлась источником большинства его страхов и тревог?

После дня уплаты десятины прошло две недели. Тамлин вернулся и сказал, что несколько дней проведет дома. Я решила попытаться откровенно поговорить с ним. Я задолжала эту попытку и ему, и себе.

Мне показалось, что и он настроен на разговор. Впервые за все это время... ход событий возвращался в привычное русло. Или – в более-менее привычное.

Утром меня разбудили негромкие, но сердитые голоса, доносившиеся из коридора. Кто-то ругался у двери моей комнаты. Я снова закрыла глаза, вдавила голову в подушку и поплотнее натянула одеяло. Несмотря на наши утренние любовные игры, я вставала значительно позже. Бывало, что валялась в постели до самого полудня.

Из коридора донеслось знакомое рычание, и я открыла глаза.

– Убирайся, – требовал от кого-то Тамлин.

Ответ того, кому он угрожал, был совсем тихим. Слов я не разобрала.

– Последний раз тебе говорю...

Я услышала голос собеседника Тамлина, и у меня волосы встали дыбом. Разглядывая татуировку на левой руке, я мысленно сосчитала прошедшие дни. Нет, этот день не мог прийти так быстро!

Откинув одеяло, я выпрыгнула из постели и бросилась к двери, не сразу сообразив, что на мне нет никакой одежды. Благодаря Тамлину, искромсанная ночная одежда валялась в другой половине комнаты. Не осталось даже легкого халатика. Тогда я схватила простыню, завернулась в нее и приоткрыла дверь.

Тамлин и Ризанд стояли неподалеку. Услышав скрип двери, Риз повернулся ко мне. Улыбка на его лице погасла. Его глаза придирчиво оглядывали меня.

– Фейра, тебя никак здесь плохо кормят? – спросил он.

– Что? – взревел Тамлин.

Фиолетовые глаза Ризанда сделались холодными.

– Идем, – сказал он, протягивая мне руку.

Тамлин подскочил к Ризанду. Я вздрогнула.

– Убирайся, – в который уже раз произнес Тамлин, указывая в сторону лестницы. – Она придет к тебе, когда будет готова.

Ризанд сдул невидимую пылинку с рукава Тамлина. Отчасти меня восхищало его самообладание и смелость. Если бы зубы Тамлина щелкали на расстоянии пальца от моего горла, я бы обмерла со страха.

Риз мельком взглянул на меня:

– Нет, не обмерла бы. Если твоя память мне не изменяет, когда зубы Тамлина оказались рядом с твоим горлом, ты вlepила ему звонкую пощечину.

Я нахмурилась и тут же поставила в мозгу крепкий заслон.

– Рот свой закрой! – потребовал Тамлин, становясь между нами. – И убирайся отсюда.

Верховный правитель Двора ночи шагнул в сторону лестницы и остановился, сунув руки в карманы.

– А тебе, Тамлин, не мешало бы всерьез проверить состояние своей магической защиты. Одному Котлу известно, какой сброд может проникнуть в твои пределы. Оказывается, это совсем не сложно.

Риз снова посмотрел на меня. Его лицо помрачнело.

– Изволь одеться.

Я оскалилась и вернулась к себе. Тамлин поспешил за мной. Дверь он захлопнул с такой силой, что две люстры вздрогнули, и от их подвесок по стенам заметались лучики света.

Отшвырнув простыню, я прошла к шкафу. Тамлин тяжело плюхнулся на кровать, заставив ее жалобно скрипнуть.

– Как он сумел сюда пробраться? – спросила я, роясь в поисках бирюзового наряда, в котором прошлый раз вернулась со Двора ночи.

Помню, с какой неприязнью смотрела на него Асилла. Подозревая, что она сожжет ненавистную ей одежду, я попросила ни в коем случае этого не делать, поскольку в следующий раз я вернусь точно в таком же наряде.

– Сам не знаю, – буркнул Тамлин.

Я повернулась к нему. Он запустил руку глубоко в волосы. Я чувствовала: Тамлин мне соврал. Он знал.

– Риз... Это просто очередной ход очередной его игры.

Я натянула короткую кофту, от которой успела отвыкнуть.

– Если приближается война, может, стоит честно взглянуть на все слабые стороны и попытаться исправить положение, пока есть время.

После разговора в день моего возвращения мы больше не трогали эту тему.

Разыскав шелковые туфли того же цвета, я быстро их надела и повернулась к Тамлину.

– Исправлять положение я начну не раньше, чем он освободит тебя от уговора.

– Быть может, Риз потому и придерживается условий уговора – чтобы ты попытался прислушаться к его словам.

Я подошла к кровати, на которой сидел Тамлин. Бирюзовые штаны ощущались свободнее, чем три недели назад. Неужели я возвращалась к состоянию смертной худышки, какой была когда-то? Но в те времена я постоянно недоедала...

– Фейра. – Тамлин потянулся ко мне, однако я успела отойти. – Ну зачем тебе знать обо всех событиях? Неужели тебе надоела спокойная жизнь? Ты заслужила ее. Понимаешь? Заслужила. Я уменьшил число караульных. Я пытаюсь... пытаюсь все изменить в лучшую сторону. – Он разволновался и глотнул воздуха. – Не забивай себе голову лишними вопросами. – Тамлин пытался успокоить себя дыханием. – И потом, сейчас не время для такого разговора.

Сейчас не время. А когда оно наступит и наступит ли? Я пощадила Тамлина и не задала ему этот вопрос. Вернее, у меня не хватало сил. Окружающий мир и так терял краски. Я запоминала черты лица Тамлина и не противилась, когда он крепко прижал меня к себе.

Из коридора донеслось покашливание. Тамлин еще крепче сжал меня в объятиях.

Я поняла, что устала от стычек с Тамлином, его рычания и выплесков гнева. Вернуться в тот безмятежно-спокойный мир на вершине горы... Кажется, это лучше, чем прятаться в здешней библиотеке.

Я отстранилась и вышла в коридор.

Риз наградил меня хмурым взглядом. Я раздумывала, не погладить ли его против шерсти язвительным словом. Нет. Для этого требовался запал, которого у меня сейчас не было. К тому же я не знала, заденет ли его моя колкость.

Лицо Риза сделалось непроницаемым. Он протянул мне руку.

Тамлин, появившийся у меня за спиной, оттолкнул его руку.

– Ты освободишь ее от уговора, здесь и сейчас, и я дам тебе все, что пожелаешь. Что угодно.

У меня замерло сердце.

– Ты никак спятил? – спросила я.

Тамлин даже не взглянул на меня.

Ризанд лениво приподнял бровь:

– У меня уже есть все, что мне нужно.

Он обошел Тамлина, как обходят шкаф или стол, и взял меня за руку. Я даже не успела проститься с Тамлином. Вокруг за клубился черный ветер, поднял нас и унес со Двора весны.

Глава 11

– Да что с тобой случилось, черт побери? – спросил Ризанд раньше, чем мы окончательно переместились ко Двору ночи.

– Почему бы тебе не покопаться у меня в мозгу? – вопросом ответила я.

Сегодня меня не тянуло дерзить ему. Я даже не очень торопилась поскорее высвободиться из его рук.

– А что в этом забавного? – спросил Ризанд, подмигивая мне.

Я не улыбнулась.

– Сегодня не будешь бросаться в меня туфельками?

В его глазах я читала другие слова: «Давай же, поиграй со мной».

Я поспешила к лестнице, чтобы поскорее оказаться в знакомых роскошных покоех.

– Давай хоть позавтракаем вместе, – сказал он.

В его словах я уловила нечто странное и потому остановилась. Я могла бы поклясться: в них звучало отчаяние. И тревога.

Я повернулась. Бирюзовый наряд висел на мне. Я и не подозревала, что так сильно похудела за эти три недели. Даже притом, что наши отношения с Тамлином возвращались в нормальную колею.

– Неужели тебе больше нечем заняться? – спросила я.

Ризанд пожал плечами:

– Конечно же есть. Дел столько, что меня порою подмывает пройти своей силой по всему миру и, как со школьной доски, стереть с него все. Спросишь зачем? Чтобы немного успокоиться.

Он улыбнулся, поклонившись в пояс. Упоминание о его силе, оброненное как бы ненароком, не испугало меня и не нагнало ужаса.

– Но для тебя, Фейра, я всегда найду время.

По правде говоря, я успела проголодаться. Ризанд это чувствовал, и под его самоуверенной, невозмутимой улыбкой проглядывало настоящее беспокойство за меня.

Я пошла за ним в конец зала, к веранде, где стоял уже знакомый мне стеклянный стол. Мы так и двигались на некотором расстоянии. Я ощущала безмерную усталость.

У самого стола Риз сказал:

– В минувшие недели связующие нити вдруг передали мне твой страх. Никак в удивительном Дворе весны случилось нечто, испугавшее тебя?

– Ничего особенного не случилось, – соврала я, поскольку события при Дворе весны его никак не касались.

Мельком взглянув на Риза, я уловила в его глазах уже не тревогу, а гнев. Мне показалось, что вокруг нас дрожат горы.

– Если ты сам все знаешь, к чему тогда спрашивать? – спросила я, опускаясь на стул.

Ризанд тоже сел.

– Потому что я через нити не слышу ничего, – тихо ответил он. – Тишина. Даже при твоих великолепно поставленных заслонах, которые ты научилась удерживать, я должен был бы тебя чувствовать. А я не чувствую. Иногда я дергал за нить, только чтобы убедиться, что ты по-прежнему жива.

Вокруг нас за клубилась тьма.

– Но однажды, когда у меня была очень серьезная и важная встреча, нити вдруг донесли твой страх. Даже ужас. Я мельком увидел тебя и его, и... снова тишина. Я бы хотел знать, что тебя так ужаснуло.

Я наполняла тарелку, не задумываясь, какую пищу беру и в каком количестве.

– Мы поспорили. Остальное тебя не касается.

– Не потому ли ты выглядишь так, словно горе, вина и гнев гложут тебя изнутри? Сжирают по кусочкам?

Мне не хотелось об этом говорить.

– Покинь мою голову.

– А ты меня заставь. Выгони. Утром ты опустила заслон. Туда мог бы зайти кто угодно.

Я выдержала его взгляд. Еще один вызов. Но мне... мне было наплевать. Меня сейчас не заботило, что за сила пылает внутри. Я ведь с такой же легкостью проникла в мозг Ласэна, с какой Риз пробрался в мой. И дело, быть может, не только в заслонах.

– Где Мор? – спросила я, меняя тему.

Ризанд напрягся. Я внутренне собралась, опасаясь, как бы он опять не проделал со мной какой-нибудь трюк, которых у него в запасе великое множество.

– Она далеко отсюда. У нее тоже есть дела.

Вокруг него снова за клубились тени. Я принялась за еду.

– Ваша свадьба повисла в воздухе?

– Да, – пробормотала я с полным ртом.

– Я ожидал более подробного ответа. Что-нибудь вроде: «Не задавай дурацких вопросов, раз и так знаешь ответ». Или мое самое любимое: «Убирайся в преисподнюю».

Я потянулась к блюду с таралетками. Руки Ризанд держал на столе. Над его пальцами клубился черный дымок, придавая им сходство с когтями.

– Кстати, ты подумала над моим предложением?

Я молчала, пока не съела все, что было у меня на тарелке, и не начала нагружать ее заново.

– Я не собираюсь с тобой работать.

Ризанда окутала странная тишина, почти осязаемая, темного цвета.

– А почему, Фейра? Почему ты отказываешься со мной работать?

Яковыряла вилкой кусочки фруктов, разглядывая каждый.

– Не хочу становиться частью войны, которая, если верить твоим словам, надвигается на Притианию. Ты говоришь, что я должна стать оружием, а не пешкой. Они, похоже, говорят то же самое. Разница лишь в том, чьи руки возьмут это оружие.

– У меня нет намерений помыкать тобою, – резко бросил мне он. – Мне нужна твоя помощь.

Всплеск его гнева заставил меня наконец поднять голову.

– Я даже знаю, зачем тебе нужна моя помощь. Это сильно разозлит Тамлина.

Тени плясали и возле плеч Ризанда, словно предвестницы крыльев.

– Замечательно, – выдохнул он. – Все, что я делал в Подгорье, – рыл могилу, собственными руками. Но мне нужна твоя помощь.

И снова я почувствовала произнесенное: «Спроси же меня почему. Добейся ответа».

И снова я не захотела этого делать. У меня сил не было.

– Почти пятьдесят лет я был узником ее двора, – тихо сказал Риз. – Меня били, истязали, унижали. Спросишь, как я выжил? Почему не покончил с собой? И такие мысли мелькали. Меня удерживали лишь постоянные напоминания себе о том, кто я и что должен защищать. Прошу тебя, помоги мне сделать так, чтобы это не повторилось. Не только со мной. Со всей Притианией.

Я не знала, где в моей душе уголок, который от столь откровенных слов Ризанда вдруг заболел и закровоточил.

Но ведь Тамлин пошел мне навстречу. Уменьшил число караульных. Дал больше свободы в прогулках. Он старался. Мы оба старались. И я не стану разрушать только возникшее взаимопонимание.

Я молча вернулась к еде.
Риз больше не произнес ни слова.

Обедать на веранду я не пошла.
И завтрак на следующий день принесли в мои покои.

Когда же к полудню я все же поднялась наверх, Ризанд уже ждал меня. На губах играла его всегдашняя улыбка, но не такая яркая, как прежде. Он молча повел меня к письменному столу, где были разложены книги, листы бумаги, приготовлена чернильница и перо. Мы сели по разные стороны стола.

– Перепиши эти фразы, – лениво произнес Риз, протягивая мне лист бумаги.

Я взяла лист и без запинки прочитала: «Ризанд – впечатляющая личность. Ризанд – центр моего мира. Ризанд – лучший любовник, о каком только может мечтать женщина». Я положила лист, взяла другой, написала каждую фразу один раз и подала ему.

Через мгновение невидимые когти вонзились в мой разум. И тут же остановились, упершись в черную блестящую поверхность заслона.

– Вижу, ты упражнялась, – усмехнулся он.

– Мне больше нечем было заняться, – ответила я, вставая из-за стола.

Вечером я нашла у своей двери стопку книг и записку. «Дела вынуждают меня прервать наше общение. Дом целиком в твоём распоряжении. Если понадобится – дай знать».

Шли дни, однако надобности в его обществе у меня не возникало.

Риз вернулся к концу недели. Я облюбовала себе небольшую гостиную с видом на горы. Забравшись в уютное мягкое кресло, я прочитала почти всю книгу. Чтение продвигалось медленно, поскольку мне попадалось множество новых слов. Но я не томилась от безделья. У меня было тихое, молчаливое общество героев книги. Пусть этих персонажей не существовало в реальном мире, и вряд ли они здесь появятся, и все же они жили на книжных страницах, скрашивая мое одиночество.

Женщина, швырнувшая в Амаранту костяное копье... Я не знала, где она теперь. Возможно, ее не стало в тот день, когда ей сломали шею, и бессмертность, присущая фэйри, заструилась по ее жилам.

Я дочитывала предпоследнюю главу, оказавшуюся на редкость интересной. Лучи послеполуденного солнца приятно согревали ноги. Я и не заметила, как Ризанд появился в проходе между креслом, в котором сидела я, и соседним, да еще и принес большие тарелки, полные соблазнительно вкусной еды. Тарелки он поставил на низкий столик.

– Поскольку ты обрела склонность к сидячему образу жизни, мне не оставалось ничего иного, как самому принести сюда еду, – сказал он.

Мой желудок уже давно урчал от голода, но я никак не могла оторваться от книги. И вот еда сама явилась ко мне, правда не без участия Ризанда.

– Спасибо, – пробормотала я, опуская книгу на колени.

Он встретил мою благодарность коротким смешком.

– Всего лишь «спасибо». Никаких колкостей по поводу того, что верховный правитель превратился в слугу. Или: «Все это, Ризанд, ты можешь запихнуть себе в зад». – Он цокнул языком. – Ты меня разочаровываешь.

Отложив книгу, я потянулась за тарелкой. Ризанд мог хоть весь день наслаждаться звуками собственного голоса, а мне жутко хотелось есть. И все.

Мои пальцы уже готовились схватить тарелку, но она вдруг отодвинулась.

Я опять потянулась к тарелке. И снова его невидимая сила отодвинула тарелку.

– Скажи, что я должен сделать, – продолжал он. – Чем тебе помочь?

Риз продолжал дразнить меня едой, держа тарелку вне досягаемости. Потом он заговорил снова, ослабив магическую силу. Дым над его пальцами приобрел форму когтей. За спиной появились громадные крылья, сотканные из теней.

– Столько времени прошло, а ты все еще остаешься призраком. Неужели никто так и не спросит, что за чертовщина творится? Неужели твоему верховному правителю наплевать?

Он ошибался. Тамлину было очень даже не наплевать. Только относился он ко мне по-иному.

– Он дает мне время во всем разобраться, – ответила я и не узнала своего голоса – столько желчи звучало в моих словах.

– Давай я тебе помогу, – продолжал Ризанд. – Мы с тобой вместе прошли ужасы Подгорья.

Я вздрогнула.

– Она выиграет, – выдохнул Риз. – Если ты позволишь себе распасться на куски, эта сука выиграет.

Может, он твердил себе эти слова на протяжении всех месяцев после возвращения из Подгорья? Может, и у него бывали мгновения, когда воспоминания душили, мешая спать?

Я взяла книгу, послала ему пару слов по связующей нити и тут же снова выставила заслон.

«Разговор окончен».

– Черта с два он окончен, – прорычал Ризанд.

Волна его силы омыла мне пальцы. Книга захлопнулась и застряла у меня в руках. Напрасно ногти вгрызались в бумагу и кожаный переплет. Я не могла оторвать рук от книги.

Придурок. Высокомерный, самонадеянный придурок.

Я медленно подняла на него глаза и почувствовала... не жаркий выплеск досады, а холодный гнев, похожий на сверкающую глыбу льда.

Я почти ощущала этот лед на своих пальцах и ладонях. Книга успела покрыться инеем. Потом я швырнула ее ему в голову.

Ризанд проворно заслонился, книга отскочила в сторону и плюхнулась на мраморный пол позади нас.

– Хорошо, – пробормотал он, у него чуть сбилось дыхание. – Что еще ты умеешь?

Жар растопил лед. Мои пальцы сжались в кулаки.

Верховный правитель Двора ночи получал откровенное удовлетворение, наблюдая, как гнев породил во мне желание жечь все вокруг.

Хоть какое-то чувство. Лучше, чем холодная пустота и молчание.

Я вдруг подумала о возвращении в поместье, с караульными, дозорными и тайнами... Я снова уселась в кресло. Секундный жар опять сменился холодом.

Ризанд взмахнул рукой. Темная струйка ветра, усыпанного звездами, подхватила тарелку и понесла ко мне.

– Если тебе снова захочется поиграть, обязательно дай мне знать. Случится ли это во время нашей чудесной совместной недели или в какое-то другое – значения не имеет.

У меня даже не хватило сил ответить колкостью. Все они ушли на недавний выплеск, сменившись чудовищной усталостью.

Я вдруг почувствовала, что падаю, падаю... и не могу остановиться. Это ощущение возникало у меня не впервые, появившись в день, когда в Подгорье я убила фэйского парня.

Не поднимая глаз на Ризанда, я принялась за еду.

На следующее утро Тамлин ждал меня в саду, стоя в тени громадного сучковатого дуба.

Его лицо искажала кровожадная гримаса, адресованная не мне. Ризанду. Тот улыбался, но без привычной небрежности. Холодный, хитрый, расчетливый хищник.

– Идем в дом, – прорычал мне Тамлин.

Я смотрела на обоих верховных правителей. Тамлин не скрывал ярости... Я уже знала: отныне не будет ни поездок верхом, ни даже прогулок без сопровождения толпы караульных.

– Сопrotивляйся, – сказал мне Риз и исчез.

Тамлин понурил голову, опустил плечи.

– Со мной ничего дурного не случилось, – сказала я.

– Я обязательно найду способ это прекратить, – пообещал он.

Мне хотелось ему верить. Я знала: Тамлин готов на все, только бы этого добиться.

И снова он заставил меня подробно рассказать обо всем, что я видела и слышала во владениях Ризанда. Его интересовали даже мои разговоры со служанками. Я рассказала все, что помнила. Мои слова звучали все тише и тише.

«Защита, защита, защита». Тамлин не произносил этого слова вслух, но оно читалось в его глазах. Оно ощущалось в неистовом любовном слиянии, устроенном ночью. Все это должно было показать мне: дважды он позволил Ризанду взять верх, но третьего раза не допустит.

Предчувствия меня не обманули: на следующее же утро я оказалась в плотном кольце караульных.

Глава 12

В первую неделю после моего возвращения мне не позволяли удаляться от дома даже на десять шагов.

Наши земли оказались под угрозой, о которой я ничего не знала. Мне не говорили, откуда и от кого она исходит. Тамлину и Ласэну снова пришлось уехать. Я все же попыталась узнать у Ласэна хотя бы некоторые подробности. Мой друг лишь взглянул на меня так, как глядел всякий раз, когда ему приходилось выбирать между желанием поделиться со мною сведениями и его верностью Тамлину. Он неизменно выбирал второе, и я перестала расспрашивать.

Они уехали, зато появилась Ианта – то ли составить мне компанию, то ли защитить. Не знаю.

Ианта была единственной, кого допустили в поместье. Толпа придворных, обосновавшихся здесь, казалось бы, навсегда, покинула эти стены вместе со слугами. Я была только благодарна Тамлину, хотя и не говорила об этом вслух. Уж лучше пустые коридоры и пустые дорожки сада, чем необходимость улыбаться и вести учтивые разговоры, вспоминая их имена и место при дворе Тамлина. А как они пилились на мою татуировку, делая вид, будто смотрят в сторону! Отныне эти попытки мне не грозили, однако... Я знала, что Тамлин дорожил их обществом. Некоторые придворные были его давними друзьями. Возможно, их присутствие, разговор и смех в какой-то мере заменяли ему собственную семью. Мне же их беседы больше напоминали поединки, где слова являлись оружием. К тому же за изысканными, утонченными словами придворные здорово умели прятать язвительные оскорбления.

Я радовалась тишине, хотя очень скоро ощутила ее тяжесть. Тишина заполняла мой разум, прогоняя все мысли, пока в голове не сделалось так же пусто, как и в коридорах.

Вечность. Неужели это и было моей вечностью?

Каждый день я листала книги. Я читала о местах, про которые даже не слышала. А сколько незнакомых имен. Книги стали для меня единственной отдушиной, не позволявшей впасть в отчаяние.

Тамлин вернулся через восемь дней. Едва поцеловав меня в лоб и оглядев с ног до головы, он поспешил в кабинет. Туда же отправилась Ианта, у которой были для него новости.

И они тоже не предназначались для моих ушей.

Я стояла в коридоре, глядя вслед Тамлину и верховной жрице. Они успели дойти почти до конца коридора, оканчивавшегося двойными дверями. И тут мое боковое зрение уловило что-то красно-рыжее.

Все тело напряглось. Я инстинктивно обернулась...

Нет, не Амаранта.

Это лишь рыжие волосы Ласэна, а не красное платье Амаранты. И я не в Подгорье...

Оба глаза Ласэна – живой и металлический – впились в мои руки.

Мои ногти быстро росли и искривлялись. Они превращались не в призрачные когти, а в настоящие, впивались в одежду, грозя разорвать ее в клочья.

«Прекрати. Прекрати. Прекрати. Прекрати».

Я повиновалась.

Я словно задула свечу. Когти растворились в островке теней.

Ласэн взглянул в другой конец коридора. Тамлин и Ианта ничего не почуяли. Тогда Ласэн слегка кивнул мне, предлагая идти за ним.

Мы поднялись на второй этаж, где нас встретили такие же пустые коридоры. Я словно не видела картин, развешанных по стенам. Мне не хотелось смотреть сквозь высокие окна, выходившие в сады, полные светлой зелени.

Мы прошли мимо двери моей комнаты, потом – мимо двери комнаты Ласэна и очутились в небольшом кабинете. Насколько помню, он почти всегда пустовал.

Впустив меня, Ласэн закрыл дверь и привалился к деревянной панели стены.

– Как давно у тебя появились когти? – тихо спросил он.

– Это впервые, – глухим, не своим голосом ответила я.

Ласэн внимательно оглядел меня с ног до головы, придирчиво всматриваясь в ярко-красное переливчатое платье, выбранное Иантой для сегодняшнего утра. Затем его изучающий взгляд скользнул на мое лицо, которому я даже не собиралась придавать уचितное выражение...

– Много не обещаю, но кое-что попробую сделать, – хриплым шепотом произнес он. – Вечером я поговорю с Тамлином о твоей учебе. Учим мы тебя или нет – эти силы будут проявляться снова и снова. Их не волнует твое окружение. Я обязательно у него спрошу.

Я кивнула, поблагодарив Ласэна за участие, хотя уже знала, что ему ответит Тамлин.

Я молча открыла дверь кабинета и вышла. Ласэн не пытался меня удерживать. Вернувшись к себе, я завалилась спать и проспала до самого обеда. Проснувшись я возбужденной. Есть мне совсем не хотелось, однако я все же спустилась в столовую. Еще на подходе я услышала громкие голоса Тамлина, Ласэна и Ианты. Я застыла, вслушиваясь в разговор.

– Они ее выследят и убьют, – раздраженно бросила Ианта в ответ на предложение Ласэна.

– Они это сделают в любом случае. Тогда в чем разница? – прорычал Ласэн.

– Есть разница, – язвительно прошипела Ианта. – У нас есть преимущество. Мы знаем: Фейра – не единственная, на кого будут охотиться верховные правители. Они никогда не смиряются, что у них похитили магические силы. У твоих, Тамлин, детей эти силы тоже проявятся. И верховные правители прекрасно понимают, какая опасность им грозит. Если же они не убьют Фейру, то лишь потому, что сообразят: их потомство от нее может быть наделено такими же силами.

У меня потемнело в глазах. Воображение рисовало отвратительные картины. Неужели меня могут похитить и удерживать... ради потомства? Я отказывалась в это верить. Нет... никто из верховных правителей не опустится до подобного.

– Если бы они опасались такого развития событий, не согласились бы на ее воскрешение, – парировал Ласэн. – Они бы предвидели, чем это обернется для их дворов. Верховные правители не настолько глупы.

– Ризанд как раз настолько глуп, – чуть ли не взвизгнула Ианта. – А при его собственной силе он может не бояться последствий.

Ее голос изменился, став мягче. Наверное, сейчас она повернулась к Тамлину.

– Представь, что однажды Ризанд попросту не вернет Фейру. Ты слышал, какую ядовитую ложь он нашептывал в ее уши? Но существуют и другие способы, – добавила Ианта.

Последняя фраза сочилась ядом.

– Нам самим с Ризандом не справиться. Но у меня на других континентах есть надежные друзья...

– Мы не опустимся до наемных убийц, – перебил ее Ласэн. – Я не в восторге от Ризанда, однако подумай о том, кто займет его место.

У меня похолодела кровь. Кажется, даже кончики пальцев покрылись инеем.

Ласэн продолжал, умоляющим тоном обращаясь к Тамлину:

– Тамлин, послушай. Позволь ей обучаться. Совершенствовать силы. Если другие верховные правители попытаются с нею расправиться, у нее хоть будет шанс дать им бой...

В столовой стало тихо. Похоже, Ласэн и Ианта ждали, когда Тамлин обдумает их слова и даст ответ.

Ноги понесли меня наверх, едва я услышала первое его слово, мало отличающееся от рычания:

– Нет!

Поднимаясь по ступеням, я услышала продолжение:

– Мы никому не дадим повода подозревать, будто она обладает какими-либо способностями. А обучение навело бы их на мысль... Можешь не смотреть на меня так, Ласэн.

И опять тишина. Потом свирепое рычание и... волна магии, заставившая дрожать стены.

Голос Тамлина зазвучал с хорошо знакомым мне убийственным спокойствием:

– И не выводи меня из себя.

Я не желала знать, что именно происходило в столовой и как Тамлин наказал Ласэна. Мне было все равно, как он посмотрел на Тамлина, если тот не выдержал.

Я закрылась изнутри, решив, что обойдусь без обеда.

В тот вечер Тамлин у меня не появлялся. Наверное, он, Ианта и Ласэн продолжали обсуждать мое будущее и возможные угрозы со стороны верховных правителей.

На следующий день я провалялась в кровати до полудня, а когда встала и вышла в коридор, то обнаружила возле двери караульных.

От них я узнала, что Тамлин и Ласэн совещаются в кабинете. Теперь, когда исчезли толпы слоняющихся придворных, в здание вернулась тишина. Выбор занятий был у меня невелик, и я отправилась бродить по ближним садам. Я столько времени мерила их шагами, что странно, как еще в белесую землю не впечатались мои следы.

Мои шаги раздавались в гулких коридорах. Коридоры не пустовали. Там стояли вооруженные до зубов караульные, словно живые статуи. Никто не пытался заговорить со мной. Даже слуги не покидали своей половины без крайней необходимости.

Возможно, я слишком обленилась, и томительное безделье способствовало этим странным выплескам. Однако то, что случилось вчера, вполне мог увидеть не только Ласэн...

Ианта, с которой мы никогда не говорили об этом, тоже каким-то образом знала о моих способностях. Откуда? Сама догадалась? Неужели Тамлин ей рассказал?

Я шла по мраморным плитам. Мои ноги в шелковых туфлях ступали почти бесшумно. Только шлейф зеленого платья слегка шуршал.

Какая тишина. Какая... неестественная тишина.

Нет, мне необходимо хотя бы на время выбраться из этого дома. Нужно хоть чем-то заняться. Если жители соседней деревни не нуждаются в моей помощи, наверняка отыщутся другие дела. Какие – я не знала, но дальше так продолжаться не могло.

Я уже намеревалась свернуть в коридор, что вел к кабинету, прийти туда и спросить у Тамлина, нет ли у него дел, которые он мог бы мне поручить. Я была готова умолять его найти мне занятие... Этого не понадобилось. Двери кабинета распахнулись, и оттуда вышли Тамлин и Ласэн. Оба – в полном боевом облачении, вооруженные не хуже караульных в коридорах. Ианты с ними не было.

– Вы никак опять уезжаете? – спросила я, дождавшись, когда они подойдут ближе.

Тамлин мне даже не улыбнулся. Его лицо напоминало угрюмую маску.

– На западной морской границе... произошли кое-какие события. Я должен ехать.

На западной морской границе. Самой близкой к Сонному королевству.

– Можно мне поехать с вами? – спросила я, удивляясь безрассудству просьбы.

Тамлин остановился. Ласэн прошел дальше, к выходу. Я успела заметить, как он поморщился.

– Увы, нет, – ответил Тамлин, протягивая ко мне руку. Я отстранилась. – Это слишком опасно.

– Я умею прятаться, не привлекая к себе внимания. Просто... позволь мне отправиться с вами.

– Риск слишком велик. Я не могу допустить, чтобы руки врагов даже коснулись тебя. «Каких врагов? – мысленно спросила я. – Расскажи мне! Расскажи хоть что-то!»

Ласэн к этому времени успел выйти наружу и стоял, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Лошадей я не увидела. Да и к чему обременять себя лошадьми, если без них Тамлин и Ласэн передвигались гораздо быстрее? Но может, и я выдержу их скорость? Если уговоры не действовали, в моем арсенале оставалась хитрость. Сделать вид, что отступила, обождать немного, а потом...

– Не смей даже думать об этом, – предостерег меня Тамлин.

Я подняла глаза, изобразив недоумение.

– Даже не пытайся отправиться вслед за нами, – прорычал он.

– Я умею сражаться.

Мои слова были полуправдой. Навыки выживания не шли ни в какое сравнение с воинской выучкой.

– Пожалуйста.

Никогда еще я не испытывала такой ненависти к этому слову, как сейчас.

Тамлин покачал головой и направился к выходу.

Я двинулась следом, продолжая высказывать свои доводы.

– Угрозы – лишь повод запереть меня в четырех стенах. Или ты скажешь, что они когда-нибудь прекратятся? Нет. Столкновения, враги, неведомые силы... всегда найдется кто-то или что-то, чтобы удержать меня в поместье.

Тамлин остановился возле тяжелых дубовых дверей – точной копии прежних, уничтоженных прихвостнями Амаранты.

– Ты и так почти не спишь по ночам, – осторожно заметил он.

– И ты тоже!

Но Тамлин уже вышел наружу.

– Ты едва переносишь общество других...

Опять отговорка.

– Ты же обещал... – У меня дрогнул голос. Я уже не стыдилась, что буквально умоляю его. – Мне нужно хоть на время куда-то выбраться!

– Попроси Брона, пусть устроит вам с Иантой прогулку верхом.

– Я не хочу прогулок верхом! – крикнула я, раскидывая руки. – Я не хочу кататься по окрестным полям, пировать под деревьями и собирать цветы. Я хочу делать что-то серьезное и стоящее. Возьми меня с собой.

Девчонка, которая так нуждалась в защите, которая жаждала спокойной и сытой жизни... та девчонка умерла в Подгорье. Да, я умерла там, и некому было защитить меня от всех ужасов, что я пережила, пока мне не сломали шею. Я изменилась, стала другой. Я не хотела и не могла подавить в себе то, что пробудилось и преобразилось в подземельях Амаранты. Тамлин же, вернув былую силу, вновь стал цельным. Он видел себя лишь защитником и опорой.

Я слишком далеко ушла от той смертной девчонки, нуждавшейся в чрезмерной защите и покровительстве и жаждавшей роскошной, необременительной жизни. Я не знала, как мне вернуть интерес к подобным вещам. Как снова стать покорной.

По-видимому, мои слова всерьез разозлили Тамлина. Между костяшек его пальцев блеснули когти.

– Даже если бы я рискнул тебя взять... твои стихийные способности сделали бы тебя дополнительной обузой.

Это походило на казнь, когда приговоренного побивают камнями. Невидимые удары сыпались на меня со всех сторон. Мне показалось, что я даже слышу хруст ломающихся костей. И тем не менее я задрала голову и объявила:

– Хочешь ты или нет, но я все равно отправлюсь с тобой.

– Ты никуда не отправишься.

Тамлин вышел на крыльцо. Его когти царапали воздух. Когда я подбежала к порогу, Тамлин одолел половину ступеней. Я хотела броситься за ним и с разбегу ударилась о невидимую стену.

Я попятилась. Случившееся не укладывалось в голове. Этого просто не могло быть. Стена напоминала ту, что я воздвигла тогда в кабинете Тамлина. Я забралась в осколки своей души, заглянула в сердце, пытаюсь сообразить, что к чему. Неужели я снова отгородилась от Тамлина? Но зачем? В этом не было смысла... Нет. Эта сила исходила не от меня.

Я вытянула руку. И снова наткнулась на невидимую преграду.

– Тамлин! – хриплым голосом окликнула я.

Но он уже шел по дорожке, держа путь к железным воротам. Ласэн пока оставался вблизи ступеней крыльца. Лицо его было бледнее обычного.

– Тамлин! – снова крикнула я, безуспешно пытаюсь прорвать стену.

Он не оборачивался.

Я молотила кулаком по невидимой преграде. Безрезультатно. Стена из сгущенного воздуха оказалась прочнее каменной. Я же, обладая силами, не умела ими пользоваться. Я не знала, как прорваться через стену или сокрушить ее... Я позволила Тамлину убедить меня, что мне незачем учиться подобным вещам. Так спокойнее. Ему.

– Даже не пытайся, – тихо сказал мне Ласэн.

Тамлин шагнул за ворота и исчез. Совершил переброс.

– Он запер тебя внутри дома. Остальные могут свободно входить и выходить, а ты – нет. И так будет, пока он сам не снимет заслон.

Получается, Тамлин запер меня.

Я снова ударила по заслону. И еще раз.

Стена не поддавалась.

– Фейра, прояви терпение, – посоветовал Ласэн, направляясь вслед за Тамлином. – Пожалуйста. Я попробую его переубедить. Сделаю еще одну попытку.

Я едва слышала слова Ласэна. В ушах стоял гул. Я не стала дожидаться, пока Ласэн достигнет ворот и тоже исчезнет.

Тамлин запер меня. Замуровал меня внутри своего дома.

Я бросилась к ближайшему окну и распахнула створки. Лицо обдало прохладным весенним ветром. Я выставила руку. Едва миновав границу окна, пальцы наткнулись все на ту же проклятую невидимую стену. Гладкую и очень прочную.

Мне стало трудно дышать.

Я оказалась в ловушке.

Весь громадный дом превратился для меня в ловушку. Это ничем не отличалось от плена в Подгорье. С таким же успехом я могла вновь попасть в ненавистную камеру...

Я попятилась. Мои шаги были слишком легкими и быстрыми. Я наткнулась на дубовый стол, что стоял посередине передней. Никто из караульных даже не шевельнулся.

Тамлин запер меня. Посадил под незримый замок.

Я уже не видела ни мраморного пола, ни картин на стенах, ни величественной лестницы за спиной. Исчезли веселые крики птиц и шелест ветра в портьерах.

Пространство вокруг меня стремительно заволакивало чернотой, поднимавшейся откуда-то снизу. Она грохотала, как разбушевавшаяся стихия, круша и пожирая все на своем пути.

«Он меня запер. Он меня запер. Он меня запер...»

Я должна выбраться отсюда. Однажды я уже побывала в тюрьме и только чудом вырвалась. И на этот раз, на этот раз...

Переборос! Почему бы мне не попробовать переброс? Я исчезну, растворюсь в воздухе, а потом появлюсь в другом месте, свободная от невидимых оков. Я обратилась к своей силе. Я наугад искала внутри себя хоть что-то, что подсказало бы мне, как это сделать. И ничего не находила. Не было ничего. Я и себя ощущала ничем. Ничтожеством, которому никогда не выбраться отсюда.

Откуда-то издалека меня окликали по имени.

Асилла. Что ей надо?

Но меня уже обволокло коконом темноты, огня, льда и ветра. Этот кокон расплавил кольцо на моем пальце, и капельки золота сгнули в пустоте. Потом туда же отправился изумруд. Я окружила себя ревущей, неуправляемой силой, словно это могло помешать стенам неумолимо надвигаться на меня. Мне стало нечем дышать.

Я не смогу отсюда выбраться. Не смогу. Не...

Худощавые сильные руки удерживали меня за подмышки.

У меня не было сил оттолкнуть их.

Потом одна рука опустилась к моим коленям, другая протянулась к спине. Меня подняли. Женщина.

Я не могла и не хотела ее видеть.

Амаранта.

Она все-таки добралась до меня, чтобы окончательно расправиться со мной.

Похоже, женщин было двое. Они о чем-то говорили, и ни одна из них не была Амарантой.

– Вы уж позаботьтесь о ней, – услышала я голос Асиллы.

Асилле ответил другой женский голос, раздавшийся возле моего правого уха:

– Считай, что вам всем крупно, очень крупно повезло, что мы появились здесь в отсутствие вашего верховного правителя. Когда ваши караульные очнутся, головы у них будут раскалываться от боли, но это пройдет. Зато они живы. Так что можешь сказать нам спасибо.

Морригана.

Она держала меня в своих руках и куда-то несла.

Тьма, окутывавшая нас, была слишком густой, мешала дышать и смотреть. Мне показалось, что Мор несет меня к двери, выходящей в сад. Я открыла рот, но она меня опередила.

– Неужели ты думала, что его заслон помешает нам прийти тебе на помощь? – спросила она, склоняясь надо мной. – Ризу даже напрягаться не пришлось.

Однако Риза я нигде не видела. Вокруг нас по-прежнему клубилась темнота. Я цеплялась за Морригану, пытаюсь восстановить дыхание и способность думать.

– Ты свободна, – с заметным напряжением произнесла она. – Свободна.

Не под защитой. Не окруженная невидимыми стенами.

Свободна.

Она несла меня через сад, в поле, вверх по склону холма, затем вниз, ко входу в пещеру. Должно быть, я начала брыкаться. Чтобы успокоить меня, Мор без конца повторяла:

– Ты вышла из плена. Ты свободна.

Еще через мгновение тьма рассеялась, и я увидела Морригану, залитую солнечным светом. Вокруг пахло травой и земляникой. Должно быть, мы каким-то образом оказались в пределах Двора лета. А потом...

Нас снова окутало тьмой. Откуда-то послышалось глухое сердитое рычание.

– Я все сделала по правилам, – сказала Мор.

Она передала меня в другие руки. Я раскрывала рот, силясь глотнуть хотя бы капельку воздуха.

– В таком случае нам здесь больше нечего делать, – сказал Ризанд.

К странной, древней тьме добавился ветер.

Потом я ощутила ласковое прикосновение ночи. Измученные легкие наконец-то наполнились воздухом. Я дышала, погружаясь в сон.

Глава 13

Я проснулась от солнечного света и задохнулась от открывшегося глазам простора. Вокруг – только ясное небо и горы с заснеженными вершинами.

Я лежала на диванчике. Рядом, в кресле, расположился Ризанд. Он рассматривал горы. Лицо верховного правителя было на удивление серьезным и даже торжественным.

Стоило мне шумно сглотнуть, как он сразу же повернулся ко мне.

В его глазах не было ни капли доброты. Только неиссякаемая ледяная ярость.

Но он моргнул, и ярость ушла, сменившись... Возможно, чувством облегчения. Мне показалось, что Ризанд очень устал.

Неяркий солнечный свет согревал каменные плиты пола... Похоже, сейчас было утро. Раннее утро. Сколько же времени я провалялась без сознания? Об этом не хотелось даже думать.

– Что произошло? – спросила я.

Голос у меня был охрипший, словно я долго кричала.

– Ты орала во все горло, – ответил Риз.

Мне было не до заслона в уме. Меня не заботило, выставлен ли он, снят или вообще разметан в клочья.

– Вдобавок ты до смерти напугала караульных и слуг в поместье Тамлина. Еще бы! Ты обволокла себя темнотой, и они перестали тебя видеть.

У меня свело живот.

– Я кого-то покалечила?

– Нет. Все, что с тобой происходило, затрагивало только тебя.

– Но тебя же там...

– Не было. – Ризанд вытянул длинные ноги. – Есть закон и куча разных положений, дополняющих его. Если бы я проник в дом Тамлина и забрал тебя, это имело бы крайне неприятные последствия. Я отправил за тобой Мор. Уничтожение его преграды было приятным развлечением, однако ей пришлось войти туда самой, собственной силой вогнать караульных в бездыханное состояние, а потом перенести тебя в пределы другого двора. И только оттуда я смог забрать тебя сюда. Иначе Тамлин имел бы полное право отправить ко мне армию и потребовать твоей выдачи. А поскольку я не заинтересован в войне между дворами, нам пришлось действовать с оглядкой на правила.

Это я помнила. Мор говорила, что все сделала по правилам. И тем не менее...

– Когда я вернусь назад... – заговорила я о том, о чем не хотелось даже думать.

– Поскольку твое присутствие здесь не связано с нашим уговором, ты вовсе не обязана возвращаться к Тамлину. – Ризанд потер висок. – Если только сама не захочешь.

Вопрос, который я намеревалась задать, ушел куда-то в глубь сознания, как камень, брошенный в пруд. В моей душе было на удивление тихо и... пусто.

– Он запер меня в доме, – все-таки сказала я.

За спиной Риза появилась тень могучих крыльев, но лицо осталось спокойным.

– Знаю. Я тебя чувствовал. Даже при твоём заслоне... иногда это получается.

Я выдержала его взгляд.

– Мне больше некуда идти.

Мои слова одновременно были вопросом и мольбой.

Ризанд взмахнул рукой, и крылья исчезли.

– Живи здесь, сколько захочешь. Можешь даже остаться навсегда, если тебе у меня нравится.

– Но я... когда-нибудь мне придется вернуться.

– Одно твое слово, и я тебя верну.

Это не было пустым обещанием, хотя я видела: Ризу вовсе не хотелось, чтобы я возвращалась назад. Его глаза гневно вспыхнули и сейчас же погасли. Но он не собирался удерживать меня силой. Стоит мне попросить, и он безоговорочно вернет меня ко Двору весны.

Вернет в гнетущую тишину. В дом, где караульные снова будут стеречь каждый мой шаг. В праздную жизнь, заполняемую нарядами, обедами и выдумыванием развлечений.

Риз закинул ногу на ногу.

– Когда ты впервые здесь появилась, я тебе предложил: помоги мне – и еда, кров, наряды... Ты получишь все, что пожелаешь.

В прошлом я была вынуждена попрошайничать. Но теперь...

– Поработай со мной, – сказал Ризанд. – В любом случае я перед тобой в долгу. А со всем остальным мы постепенно разберемся... если понадобится.

Я вглядывалась в окрестные горы, словно могла увидеть отсюда земли далекого Двора весны. Я представляла, в какое бешенство придет Тамлин. Он разнесет поместье в щепки.

Но Тамлин... Тамлин запер меня. Как вещь. Либо он до такой степени меня не понимал, либо жизнь в Подгорье настолько его сломала. Однако... он меня запер.

– Я туда не вернусь.

Слова прозвучали как похоронный звон.

– Не вернусь до тех пор, пока все не пойму.

Усилием воли я оттолкнула волну гнева, печали и нахлынувшего отчаяния. Вспомнив про кольцо с изумрудом, я посмотрела на руку. Нет, мне тогда не привиделось. Кольцо действительно исчезло.

Не торопиться. День за днем спокойно во всем разбираться. Быть может... быть может, Тамлин изменит свои взгляды. Исцелит гнойную, незаживающую рану страха. Возможно, и я пойму что-то, чего пока не понимаю.

Но одно я знала и сейчас: смиришься с положением узницы, останешься в поместье Тамлина еще на какое-то время... меня бы это доконало. Своей заботой Тамлин сломал бы меня так, как не могла сломать Амаранта.

В руке Ризанда невесть откуда появилась чашка с горячим чаем.

– Выпей, – сказал он, протягивая чашку.

Ее тепло приятно согревало мои одеревеневшие пальцы. Он дождался, пока я сделаю глоток, затем вернулся к созерцанию гор. Я сделала второй глоток. Мята... лакрица и еще какая-то не то трава, не то пряность.

Я не собиралась возвращаться. Возможно, я вообще не смогу вернуться. Мне вдруг показалось, что часть меня осталась в Подгорье.

Я одолела половину чашки. Тишина делалась все более невыносимой, и, чтобы отогнать ее, я спросила:

– Темнота – это частица силы, которая передалась мне от тебя?

– Полагаю, что да.

– А крылья? – спросила я, допивая чай.

– Если к тебе перешла часть Тамлинового искусства перевоплощения, ты сможешь и сотворить себе крылья.

Я вспомнила про когти, выращенные на глазах у Ласэна, и зябко поежилась.

– Интересно, что я получила от других верховных правителей? Лед – это от Двора зимы. А преграда из плотного воздуха – от кого? Да, и кто наградил меня возможностью переброса?

Ризанд задумался:

– Ветер? Это, скорее всего, от Двора дня. Переброс вообще не связан ни с одним двором. Он целиком зависит от твоих запасов силы и от обучения.

Мне не хотелось признаваться в сокрушительном провале. Ведь я не сумела переместиться даже на маленький шаг.

– Что же касается прочих твоих способностей... Думаю, ты и сама выяснишь, что от кого тебе перепало.

– Я так и знала: надолго тебя не хватит, – усмехнулась я.

Риз тоже усмехнулся. Он встал, заложил мускулистые руки за голову и поворачивал шеей. Похоже, в этом кресле он провел не один час. Возможно, всю ночь.

– Вот что, Фейра. Ты отдохни денек-другой, а потом начинай спокойно во всем разбираться. У меня есть дела в других местах. Сюда я вернусь к концу недели.

Несмотря на продолжительный сон, я чувствовала себя невероятно усталой. У меня устали все кости, устало истерзанное сердце.

Не получив ответа, Риз стал неспешно удаляться.

Я уже видела, как проведу эти дни. Снова одиночество, снова томительное безделье, а вместо спутников – мои жуткие мысли.

– Возьми меня с собой, – выпалила я, не особо задумываясь над словами.

Риз остановился возле двух полупрозрачных пурпурных занавесок, служивших дверью. Затем столь же неспешно повернулся ко мне:

– Тебе надо отдохнуть.

– Я вдоволь наотдыхалась, – сказала я, поднимаясь с диванчика.

У меня слегка кружилась голова. Когда я в последний раз ела?

– Я не знаю, куда ты отправишься и что там будешь делать. Просто возьми меня с собой. Я постараюсь ни во что не вступать. Возьми меня... пожалуйста.

Как же я ненавидела это «пожалуйста» – слово, готовое комом встать в горле. Сколько бы я его ни твердила, Тамлина оно не проняло.

Риз молчал. Я тоже. Затем он пошел ко мне, быстро покрывая расстояние между нами. Его лицо снова стало каменным.

– Если ты отправишься со мной, обратного пути уже не будет. Обо всем, что ты увидишь, услышишь и узнаешь, ты сможешь говорить только в пределах моего двора. А за его пределами – никому ни слова. Если ослушаешься – погибнут мои подданные. Погибнут те, кто мне близок. И потому тебе придется постоянно врать. Особенно если потом захочешь вернуться ко Двору весны. Ни одного слова, ни даже намек. Если такое поведение кажется тебе оскорбительным по отношению к твоим... друзьям, лучше останься здесь.

«Останься здесь». Это немногим лучше, чем сидеть в плену при Дворе весны... Мне казалось, что в груди открылась зияющая рана – невидимая, но истекающая кровью. Я никогда не задумывалась, может ли душа истечь кровью и умереть. Возможно, это уже случилось, а я и не заметила, что живу без души.

– Возьми меня с собой, – шепотом повторила я. – Я никому не скажу о том, что видела. Даже... им.

Я не могла себя заставить произнести его имя.

Риз внимательно смотрел на меня. Наконец его губы тронула улыбка.

– Мы отправляемся через десять минут. Если тебе надо освежиться, поторопись.

Необычайно вежливое напоминание о том, какое чучело я сейчас представляла. Я и чувствовала себя не лучшим образом. И все же спросила:

– А куда мы отправимся?

Теперь лицо Риза расплылось в настоящей улыбке.

– В Веларис – город Звездного света.

В моих покоях на меня снова набросилась опустошающая тишина. Все вопросы о городе напрочь выветрились из головы.

Амаранта постаралась, уничтожая Притианию. Скорее всего, я увижу не город, а развалины.

Я торопливо умылась и переделалась в одежду Двора ночи, уже приготовленную для меня. Я двигалась, как заводная кукла, стараясь не думать о случившемся; о том, что Тамлин пытался сделать и сделал, и о том, что сделала я.

Когда я вернулась в зал, Риз стоял, привалившись к колонне, и разглядывал свои ногти.

– Прошло пятнадцать минут, – сказал он, протягивая мне руку.

Я не успела даже огрызнуться. Нас окутала гудящая тьма.

Ветер, ночь и звезды несли нас куда-то. Мозоли на руке Ризанда терлись о мои, которые почти исчезли. А потом...

Потом мне в лицо брызнул свет. Но не свет звезд, а яркий свет солнца. Щурясь от него, я обнаружила, что стою в передней какого-то дома.

Мои ноги утопали в красивом красном ковре. Стены были отделаны деревом. Кажется, на них даже висели картины. Передняя оканчивалась широкой дубовой лестницей.

Ближайшие ко мне двери были открыты. За одной я увидела гостиную с черным мраморным камином и множеством красивых, но довольно старых и потертых стульев, кресел и диванчиков. Все стены гостиной занимали книжные полки. А справа, за другой дверью, находилась столовая. За длинным столом из вишневого дерева уместилось бы десять персон, впрочем, столовая в доме Тамлина куда просторнее... В коридоре я заметила еще несколько дверей. Одна, в самом конце, определенно вела в кухню. Я попала в городской дом.

Однажды я была в похожем доме. Давно, в детстве. Отец взял меня с собой, и мы поехали в самый большой город на землях, населенных людьми. Тот дом принадлежал очень богатому человеку, с которым отец вел дела. Помню, там пахло кофе и пылью. Дом был красивый, но уж очень чопорный и не слишком жилой.

А этот... я попала в дом, где жили, наслаждались жизнью и умели беречь свое жилище.

И дом, куда мы переместились, стоял в городе.

Часть вторая

Дом ветра

Глава 14

– Добро пожаловать в мой дом, – сказал Ризанд.

В дом, за стенами которого лежал город. Пожалуй, не только город, а целый мир.

Из окон в фасадной части дома струилось утреннее солнце. Я стояла перед дверью, украшенной прихотливой резьбой. Сквозь ее матовое стекло просматривалась небольшая передняя, в конце которой я увидела другую дверь – еще более тяжелую и плотно закрытую. Она-то и служила выходом в мир неведомого города.

От мысли, что придется выходить наружу, сталкиваться с толпами хмурых горожан и видеть разрушения, причиненные правлением Амаранты, у меня снова сдавило грудь.

Все произошло столь быстро, что я не успела задуматься, не допускаю ли я ошибку. Чего уж теперь?

– Что это за место? – спросила я.

Риз стоял, подпирая широким плечом косяк двери, что вела в гостиную.

– Это мой дом. Вообще-то, у меня в городе два дома. Один служит для более официальных целей, а этот... этот только для меня и моей семьи.

Я вслушалась, ожидая шагов или голосов слуг, однако ничего не услышала. Оно и к лучшему: мне надоело видеть любопытные физиономии или, хуже того, физиономии, мокрые от благодарственных слез.

– Нуала и Серридвена здесь, – сказал Ризанд, видя, что я поглядываю на коридор. – Но больше – никого. Только они и мы с тобой.

Я напряглась. Я не знала, как обстояли дела в его горном жилище, открытом всем ветрам, и там меня это не особо волновало. Однако городской дом Ризанда значительно меньше. Отсюда не сбежишь. Разве что – в совершенно чужой, незнакомый город.

В той части Притиании, где жили люди, больших городов не осталось. Зато они были на континенте, и там, если верить рассказам, процветали искусства, науки и торговля. Когда-то Элайна хотела отправиться туда вместе со мной. Не знаю, доведется ли мне вообще снова побывать в мире людей.

Ризанд открыл рот, собираясь сказать еще что-то, но в маленькой передней вдруг появились... Я не знала, кто именно, поскольку через матовое стекло двери видела лишь рослые, широкоплечие силуэты.

– Поторапливайся, ленивая задница, – послышался из передней сочный мужской голос, растягивающий слова.

Я вдруг почувствовала такую усталость, что даже не удивилась, увидев за спинами незнакомцев крылья.

Риз едва взглянул на дверь.

– Фейра, дорогая, хочу объяснить тебе две особенности.

Первый странный гость продолжал колотить в запертую дверь с матовым стеклом. Вторым тем временем ему говорил:

– Если собираешься устроить потасовку, советую сделать это после завтрака.

Казалось, голос принадлежал тени – он был таким же темным, гладким и... холодным.

– У меня самого не хватило бы ума выбраться из постели, чтобы лететь сюда, – сказал первый. – Зануда чертова.

Мне оставалось лишь гадать, что означали последние два слова.

На губах Ризанда мелькнула улыбка.

– Особенность первая. Никто... повторяю, никто, кроме меня и Мор, не может совершить переброс непосредственно в дом. Он окружен несколькими слоями сильнейшей магической защиты, где каждый последующий слой усиливает предыдущие. Здесь ты в полной безопасности, как, впрочем, и в самом городе. Стены Велариса надежно защищены. В последние пять тысяч лет никто сюда не вторглся. Ни одна злонамеренная сущность не проникнет в город, если только я не дам на то свое позволение. Что же касается той парочки в передней, – добавил он, сверкая глазами, – возможно, тебе не захочется с ними даже знакомиться. Особенно если они продолжают колотить в дверь, как невоспитанные детишки.

Ответом на эти слова стал новый стук в дверь.

– Между прочим, умник, нам все слышно, – произнес первый гость.

– Вторая особенность касается тех двоих придурков, думающих, будто их грубость явится ключом и откроет дверь, – продолжал Риз. – Ты вольна решать, знакомиться ли с ними сейчас или проявить благоразумие, подняться наверх и немного поспать. А то вид у тебя утомленный. Отдохнешь, переоденешься во что-нибудь более соответствующее духу этого города. А я пока вышибу дух из красавца, который позволяет себе разговаривать в подобной манере со своим верховным правителем.

Я впервые видела, чтобы глаза Ризанда так сверкали. Он показался мне... помолодевшим. Более похожим на человека. Никакого сравнения с ледяной яростью, какую я застала в его взгляде, проснувшись...

Проснувшись на том диванчике и решив, что домой больше не вернусь.

Решив, что Двор весны отныне не будет моим домом.

Я погружалась в столь знакомую мне тяжесть, стремясь пробиться к поверхности, которой, возможно, даже не существовало. Я ведь проспала столько времени, и тем не менее...

– Дай мне знать, когда они уйдут.

Всплеск веселья у Ризанда прошел. Он собирался мне что-то ответить, но из передней донесся третий голос – женский, звонкий и сердитый:

– Вы, иллирианцы, хуже кошек, которые орут, чтобы их пустили со двора в дом.

Женщина дернула ручку, убедилась, что дверь заперта, и шумно вздохнула:

– Ризанд, как это понимать? Ты не желаешь нас пускать?

Борясь с навалившейся усталостью, я пошла к лестнице. На площадке второго этажа стояли Нуала и Серридвена, хмуро поглядывая на дверь с матовым стеклом. По-моему, я уловила жест Серридвены, убеждавшей меня поторопиться. Мне хотелось расцеловать двойняшек за их такое понятное, вполне человеческое поведение.

Наверное, я бы и Риза расцеловала за то, что он не торопился открывать дверь, а дождался, пока я пройду половину коридора с небесно-голубыми потолком и стенами.

– Добро пожаловать домой, придурок! – услышала я снизу первый голос. – Я чувствовал, что ты вернулся. Мор мне намекнула, но я...

Его снова перебил голос странной женщины:

– Ризанд, отправь своих псов поиграть во дворе. Нам с тобой нужно кое-что обговорить.

– Мы появились здесь первыми, – напомнил ей второй. – Дожидайся своей очереди, древняя старушка.

Нуала и Серридвена, сопровождавшие меня, вздрогнули – то ли сдерживали смех, то ли испугались. Возможно, то и другое. Определенно – то и другое, поскольку нижний этаж наполнился женским рычанием, хотя я бы не сказала, что слишком уж сердитым.

Коридор второго этажа освещался несколькими люстрами из витого цветного стекла. Их блеск отражался на сверкающей поверхности дверей. Я пыталась угадать, за какой лич-

ные покои Ризанда, а за какой – покои Мор. В гвалте голосов, доносившихся снизу, я услышала и ее голос, спокойный и немного заспанный.

– Почему вы все притащились в такую рань? Я думала, мы встретимся вечером, и не здесь, а в Доме.

– Смею тебя уверить, – проворчал Ризанд, – сборища не будет. Будет лишь кровавая бойня, если Кассиан немедленно не закроет рот.

– Мы есть хотим, – посетовал первый пришелец, которого звали Кассианом. – Тебе что, еды жалко? Помнится, кто-то мне обещал завтрак.

– Попрошайки, – съязвила странная женщина. – Вы оба – жалкие попрошайки.

– Это мы и так знаем, – сказала ей Мор. – А вообще, пища здесь водится?

Я слышала слова. Слышала и даже попыталась задуматься над ними. Но потом они провалились в черную бездну моего разума.

Нуала и Серридвена привели меня в залитую солнцем комнату, где было тепло не только от солнца, но и от пылающего очага. Окна выходили на задний двор, обнесенный высокими стенами. Двор занимал заснеженный сад – сейчас в этом мире царила зима. Посередине дремала каменная чаша фонтана, дожидавшегося теплых дней. Все в этой комнате было сделано из дорогих пород дерева или отделано ими. Помимо древесных оттенков, здесь главенствовал белый цвет с вкраплениями светло-зеленого. Жилище было уютным и, что самое странное, ощущалось почти человеческим.

Меня уже не удивляли громадные кровати. Здешняя не стала исключением. Бархатные подзоры, обилие подушек, теплое одеяло. Все – цвета слоновой кости и светло-кремового. Лежа в такой постели, можно не бояться самой лютой зимней стужи. Меня так и тянуло нырнуть туда и заснуть.

Но какой бы усталой я ни была, у меня еще оставались силы на несколько вопросов. Я задавала их не столько из любопытства, сколько из заботы о собственной безопасности. Иллюзорной, надо сказать, заботы, поскольку здесь мне уж точно ничего не угрожало.

– Кто они такие? – спросила я, когда мы оказались в комнате.

Нуала сразу же отправилась в примыкающую купальную – проверить, все ли там в порядке. Серридвена остановилась возле шкафа с одеждой, почему-то вздрогнула и, обернувшись, быстро ответила:

– Они из внутреннего круга Ризанда.

Про внутренний круг я уже слышала и знала, что Ризанд постоянно встречается со своими соратниками.

– Я и не знала, что верховные правители допускают такую вольную манеру обращения с собой.

– Они не допускают, – ответила мне Нуала, вышедшая из купальни с гребнем в руке. – Только Ризанд.

Представляю, что творилось у меня на голове! Нуала молча взялась расчесывать мои волосы. Серридвена достала белье для сна: вместо ночной сорочки – кофта, отделанная кружевами, и просторные штаны. Тоже кремового цвета.

Мой взгляд скользнул по белью, потом по комнате, по заснеженным деревьям за окнами и спящему фонтану. Вспомнились недавние слова Ризанда: «Стены Велариса надежно защищены. В последние пять тысяч лет никто сюда не вторгался».

Значит, Амаранта...

– А как же этот город? – спросила я, поймав отражение Нуалы в зеркале. – Как он уцелел?

Лицо Нуалы мгновенно напряглось. Темные глаза вопросительно обратились к сестре. Та как раз закрывала шкаф, держа в руках красивые теплые туфельки. Чувствовалось, что и для Серридвены мой вопрос оказался не из простых.

– Наш верховный правитель очень силен, – осторожно произнесла она. – Он был предан нашему народу задолго до того, как принял власть от своего отца.

– Как этот город уцелел? – допытывалась я.

Даже по малой части, видимой из окон, чувствовалось: Веларис не знал разрушений. Не знал потрясений. Он жил так, как привык жить тысячелетиями – возможно, даже не подозревая, что остальные города Притиании лежали в развалинах.

Двойняшки снова переглянулись. Наверное, этому бессловесному языку они научились еще в утробе матери.

– Не нам тебе рассказывать, – ответила Нуала, опуская гребень на туалетный столик.

– Верховный правитель вам запретил...

– Нет, – торопливо возразила Серридвена, взбивая подушки. – Верховный правитель ничего нам не запрещал. Но защита города – дело его рук, а потому ему и рассказывать. Нам будет куда спокойнее, если он сам тебе расскажет. А то мы можем что-то напутать.

Я посмотрела на сестер. Что ж, неплохой ответ. Во всяком случае, честный.

Серридвена хотела задержать плотные занавески, отчего в комнате сразу стало бы сумрачно и даже темно. У меня зашло сердце, и я довольно резко потребовала:

– Не задерживай. Пусть будет свет.

Я слишком много времени провела во тьме, и хотя эта темнота была бы совсем иной, что-то во мне бешено сопротивлялось.

Серридвена молча кивнула. Двойняшки пожелали мне хорошего отдыха и спросили, не нужно ли мне еще чего-нибудь. Я покачала головой.

Оставшись одна, я нырнула под одеяло, почти не ощущая мягкости перины и тепла одеяла.

Я лежала, слушая, как трещат поленья в очаге. В заснеженном саду щебетали птицы, облюбовав ветки вечнозеленых деревьев. Их пение было другим, не похожим на веселые весенние трели, к которым я привыкла. Возможно, тех песен я уже никогда не услышу, а если услышу, они покажутся мне тягостными.

Быть может, Амаранта все-таки одержала победу.

Но какая-то иная, новая часть меня размышляла совсем о другом. О моем невозвращении, которое окажется для Тамлина вполне заслуженным наказанием за то, что он сделал со мною.

Потом я погрузилась в глубокий сон, нырнув в него быстро и бесповоротно.

Глава 15

Я проспала четыре часа.

Мне не пришлось долго вспоминать, где я и что предшествовало моему появлению здесь. На письменном столе, отделанном палисандровым деревом, тикали часики. Таких маленьких часов я еще не видела. Их мерное «тик-так» словно возвращало меня в тягостную тьму, куда я совсем не хотела возвращаться. Но я хотя бы слегка отдохнула. Утомление еще оставалось, однако не такое, когда думаешь, что сейчас упадешь на кровать и будешь спать, спать, спать до бесконечности.

О случившемся при Дворе весны я подумаю потом. Завтра или... вообще не буду думать.

Хвала богам, внутренний круг Ризанда покинул дом прежде, чем я закончила одеваться.

Риз ждал меня у двери, ведущей в маленькую переднюю, стены которой были отделаны деревом, а пол покрыт мрамором. Вторая дверь, выходящая непосредственно на улицу, тоже была открыта. Риз оглядел мой наряд. Я почти забыла, как одеваются зимой. Правда, в своей смертной жизни я все равно так не одевалась. У меня на ногах были темно-синие замшевые сапоги – теплые и удобные. Вместо легких кофт и платьев пришлось надеть пальто небесно-голубого цвета, доходившее мне до колен. Мою косу Нуала и Серридвена перекинули на спину и уложили красивыми завитками. Домашнюю одежду я сменила на теплые коричневые штаны и кремовую кофту – настолько мягкую, что я могла бы в ней спать. В глубоких карманах пальто лежали вязаные перчатки под цвет сапог.

– Эти двое обожают шуметь, – сказал Ризанд, когда мы подошли к выходу.

В его голосе я уловила некоторую напряженность.

Каждый шаг к залитому солнцем порогу казался мне вечностью. Каждый шаг звал меня в новый, неведомый мир.

Потом тревога исчезла. Меня поглотил город.

Легкий и приятный мороз смягчался теплом желтого солнца. Перед домом была маленькая лужайка. Чувствовалось, что летом за нею тщательно ухаживают, но сейчас трава высохла и стала почти белой. Лужайка вплотную подходила к невысокой чугунной ограде, рядом с которой белели пустые цветочные клумбы. За воротами ограды виднелась чистенькая улица, мощенная светлым камнем. По ней ходили фэйцы и фэйки, одетые сообразно их вкусам. Кто-то был в пальто вроде моего, прекрасно защищавшим от порывов ветра. Некоторые женщины почему-то следовали человеческой моде, предпочитая широкополые юбки, оборки и кружева. Кто-то был в кожаных одеждах, в каких обычно ездят верхом. Меня поразила общая неторопливость горожан. Казалось, никто никуда не спешит. Ветер приносил запах морской соли и лимонной вербены – удивительно, что этот летний запах сохранялся здесь даже зимой. Никто из прохожих не обращал ни малейшего внимания на дом Ризанда. Либо они не знали, чей это дом, либо их совсем не удивляло, что верховный правитель живет в обычном, хоть и богатом доме, на улице, по обе стороны которой стояло множество таких домов. У каждого – зеленая медная крыша и белесые трубы, выдыхавшие облачка дыма.

Вдалеке кричали и смеялись дети.

Я приблизилась к чугунным воротам, отодвинула засов. Холод металла ощущался даже сквозь теплые перчатки. Улица начиналась в трех шагах от ограды. Я остановилась, завороченная открывшимся зрелищем.

Улица шла под уклон. Куда ни глянь – глаз повсюду натыкался на добротные дома, дымящие трубы и сытых, нарядно одетых и вполне беззаботных людей. У самого подножия

холма змеилась широкая река. Казалось, она сделана из чистейшего сапфира. Вдали она соединялась с бескрайним водным простором.

Море.

Весь город построен на склонах крутых холмов, окаймлявших реку. Многие здания были отделаны мрамором. Попадались и другие, выстроенные из песчаника теплых тонов. По реке скользили суда с парусами всех форм и размеров. Над парусами носились птицы, сверкая крыльями на не слишком ярком зимнем солнце.

И нигде – ни намека на чудовища. Никакой тьмы. Ни малейших признаков страха или отчаяния.

Город, не знавший осады.

«В последние пять тысяч лет никто сюда не вторгался».

Когда Амаранта распространила свою власть на всю Притианию, Риз бросил все усилия на сохранение Велариса. Не хотелось думать, как и чем он заплатил за спокойствие этого города, но... Но сытые и спокойные горожане не знали ни Амаранты, ни ее приспешников.

А тем временем громадные пространства Притиании превратились в развалины, в кровоточащие раны на целых пятьдесят лет. Наверное, в Веларисе об этом даже не догадывались... Мои пальцы сами собой сжались в кулаки.

Возмущение нарастало, угрожая меня захватить. Тогда я повернулась в другую сторону и продолжила рассматривать окрестности.

Вдалеке, словно вечные стражи города, стеной высились красные горы с плоскими вершинами. Из такого же камня были построены некоторые здания. Горы изгибались вдоль северной оконечности Велариса. Река терялась в их тени. По сути, город стоял в окружении гор. На севере цепь острых пиков, напоминавших зубы хищной рыбы, отсекала веселые городские холмы от моря. Но горы у меня за спиной... Они были похожи на спящих великанов. Даже не спящих, а дремлющих, готовых в любое мгновение проснуться.

Словно в ответ на мои мысли, уже знакомая, но все равно непонятная сила забурлила у меня внутри. Она терлась о мои кости, как трется о ноги кошка, выпрашивающая внимание.

– Видишь средний пик? – послышался за спиной голос Риза.

Я даже забыла, что он вышел вместе со мной. Риз махнул рукой, показывая на самую крупную гору. Казалось, ее вершину нарочно срезали, сделав ровной и плоской. Чуть ниже, в отвесном склоне, виднелись широкие проемы и ряды окон. К склону приближались две темные крылатые фигуры.

– Это мой второй дом в городе. Дом ветра.

Похоже, летящие фигуры не столько махали крыльями, сколько позволяли воздушному потоку нести себя.

– Сегодня вечером мы там обедаем, – сообщил Ризанд.

Похоже, грядущее событие раздражало его, но он был не в силах отменить этот обед. Меня волновало совсем другое.

– Как? – спросила я, снова поворачиваясь к городу.

Ризанд понял мой вопрос.

– Повезло, – ответил он.

– Повезло? Надо же, какой ты везучий, – тихо, но с нескрываемым недовольством сказала я. – Когда остальную Притианию превращали в развалины, твой народ и твой город благоденствовали.

Ветер теребил темные волосы Риза. Лицо его оставалось непроницаемым.

– А у тебя не мелькала мысль распространить это везение еще на какие-нибудь земли? Еще на кого-то?

Мой голос напоминал хруст щебня.

– Другие города известны миру, – все с тем же спокойствием ответил он. – Веларис тысячами оставался неизвестным. Амаранта не тронула его, поскольку не знала о его существовании. И никто из ее зверья тоже. Да и другие дворы не знают, что есть такой город.

– Как это возможно?

– Благодаря многочисленным и прочным слоям магической защиты, созданной моими далекими и безжалостными предками. Да, они были безжалостными в своем стремлении сохранить этот островок добра в нашем жестоком, извращенном мире.

– А когда Амаранта, – я едва сумела произнести ненавистное имя, – вторглась в Прийтианию, у тебя не возникло желания сделать этот город пристанищем для гонимых?

Глаза Ризанда вспыхнули. Чувствовалось, его самообладание небеспрдельно.

– Когда Амаранта вторглась в Прийтианию, я оказался перед тяжелейшим выбором... И не перед одним. Времени на раздумья у меня не было.

Я окинула взглядом ожерелье крутых холмов вокруг города и морскую гладь.

– Вряд ли ты захочешь рассказывать мне, – сказала я.

И все же мне было любопытно, как ему удалось сохранить этот уголок покоя и красоты.

– Сейчас не время для подобных разговоров.

Отлично. Знакомые слова. Их я уже тысячу раз слышала при Дворе весны. Все мои попытки добиться своего оканчивались ничем. Что толку сейчас о них вспоминать?

Но я не собиралась и здесь сидеть взаперти. Такого я не могла себе позволить. Не для того я покинула Двор весны, чтобы и здесь томиться бездельем, лить слезы от бессильной злости, а в промежутках есть и спать. Конечно же, я буду выходить в этот город, даже если мне тяжело, даже если размеры города... Котел милосердный, да он громадный!

– Скажи, чем этот город заслужил, чтобы спасти его ценой всех остальных городов и деревень Прийтиании?

Фиолетовые глаза Ризанда были такими же суровыми, как волны зимнего моря, плещущие вдали.

– Всем, – коротко ответил он.

И Ризанд не преувеличивал.

Веларис напоминал огромный самоцвет, поворачивающийся ко мне все новыми гранями. Взять хотя бы бесчисленные чайные заведения с открытыми верандами. Наверняка они обогревались неведомой мне магией, поскольку свободных мест за изящными столиками почти не было. На таких же изящных стульях сидели, оживленно беседуя и смеясь, беззаботные фэйцы. Были тут и фэйри, красивой и совершенно незнакомой мне породы. Река, разделявшая город, называлась Сидра. Вскоре я узнала о четырех главных городских рыночных площадях, именуемых здесь дворцами. Две находились на южном берегу Сидры, а две другие – на северном.

За несколько часов нашей прогулки я успела посмотреть только две. Каждая площадь была вымощена белым камнем. Колонны, окружавшие их со всех сторон, служили опорой для зданий верхнего яруса, красиво расписанных и украшенных затейливой резьбой. Эти здания служили и своеобразной крышей, и потому посетители рынка могли не опасаться снега или дождя. Лавки и магазины располагались на первых этажах.

Первый рынок, куда меня привел Ризанд, назывался дворцом рукоделия и драгоценностей. Здесь торговали одеждой, обувью, всем необходимым для шитья и обувного ремесла, а также драгоценностями. От обилия ювелирных лавок у меня зарябило в глазах, но в душе я оставалась равнодушной и отрешенной. Меня не трогала игра солнечных лучей на редких по красоте тканях. Они были повсюду: на открытых прилавках, где их раскачивал речной ветер, в широких окнах магазинов побогаче. Я безучастно смотрела на бархатные подушечки с золотыми украшениями. Вспыхивали красные огоньки рубинов, мерцали зеленые недра

изумрудов, словно изнутри светились крупные жемчужины, но я не смотрела на них, как не смотрела и на свой палец, ныне свободный от кольца.

Риз заглянул в несколько ювелирных лавок, сообщив, что ему нужно купить подарок для подруги. Я всякий раз оставалась снаружи, в тени зданий. Мне хватало самой прогулки. Сразу вспомнились нескончаемые празднества в поместье. Возможно, здесь на меня не станут глазеть и лить благодарственные слезы. Не станут оценивать вдоль и поперек... Но если и здесь начнется нечто подобное, я точно запрусь у себя в комнате и не вылезу.

Возможно, мои опасения были напрасными. Никто из прохожих не обернулся на меня. Они и на Ризанда-то не особо смотрели. Думаю, они попросту не знали, кто я такая. А может, этим счастливым и беспечным горожанам было все равно, кто рядом с ними.

Второй рынок назывался дворцом мяса и соли. На другом берегу стоял его «брат-близнец» – Дворец живности и пряностей. На обоих рынках торговали мясом и многочисленными мясными кушаньями. Да и слово «живность» не было случайным: на этом рынке продавался скот и домашняя птица. Стояли здесь и целые ряды, заполненные сладостями, и такие же ряды пряностей. Часть из них была знакома моему носу по далекому детству, когда я сама еще не задумывалась о будущем, а моему отцу оно казалось безоблачным и надежным.

Ризанд шел не рядом со мной, а отставая на пару шагов. Руки он, по обыкновению, держал в карманах. От него я узнала, что многие дома и магазины действительно обогреваются с помощью магии, в особенности столь любимые горожанами открытые веранды чайных и иных заведений. Я слушала его пояснения, но вопросов не задавала. Мне даже не было любопытно, как именно магия обогревает дома и веранды.

Никто не сторонился Ризанда, не шептался у него за спиной, не плевал ему под ноги, как в Подгорье. Наоборот, заметив его, многие тепло и искренне улыбались. Некоторые подходили, пожимали руку, поздравляли с возвращением. Меня удивило, что он помнил имена всех. И его называли по имени, без всяких титулов.

Чем дальше, тем спокойнее и молчаливее становился Риз. Квартал, куда мы забрели, выделялся особо яркими цветами зданий. Они стояли на вершине холма, обрывавшегося к реке. Были тут и магазины. Я взглянула на первую попавшуюся витрину, и у меня внутри что-то оборвалось.

Дверь магазина была приветливо приоткрыта. Здесь торговали красками, кистями, картинами и статуэтками.

– Пожалуй, это самое знаменитое место во всем Веларисе, – сказал Риз. – Здесь обитают художники и ремесленники, творящие искусство. Одних выставочных залов чуть ли не сотня. Словом, здесь можно найти все, что нужно для собственного творчества, и купить плоды чужого. Картины, скульптура, керамика, поделки из дерева – все что угодно. Вообще же, это место называют Радугой Велариса. На другом берегу Сидры тоже есть холм. Его вершину облюбовали актеры, музыканты, танцоры. Видишь, вон там кусочек золота поблескивает? Это один из главных театров. Их у нас пять, но этот – самый знаменитый. Есть театры поменьше. Есть даже амфитеатр на морских скалах...

Ризанд умолк, заметив, что я продолжаю разглядывать улицу и ее причудливые здания.

По улице в обе стороны шли фэйцы и фэйри. Они-то и привлекли мое внимание. Такую породу фэйри я видела впервые. У некоторых были очень длинные руки и ноги. Головы почти лысые – то ли потому, что фэйри их брили, то ли такие от рождения. Но сильнее всего поражала их кожа: почти черная, она светилась изнутри мягким светом, напоминавшим лунный. Помимо чернокожих, попадались чешуйчатые фэйри. Их кожу покрывали переливающиеся чешуйки, которые при ходьбе постоянно меняли цвет. Далеко не у всех были ноги в привычном, «человеческом» понимании. У кого-то они больше напоминали когтистые лапы, у иных – полосатые ноги зебры с изящными копытами. Между прочим, у некоторых фэйри из головы торчали рога. Одежда этих странных существ тоже отличалась: одни кутались в

теплые пальто, шарфы и рукавицы, другие шли почти голыми, ничем не прикрывая чешуйчатые и шерстистые тела. Ни у них самих, ни у остальных прохожих это не вызывало ни капли смущения. Все они были чем-то поглощены или заняты. Кто-то выбирал место для написания картины с натуры, кто-то спешил за покупками. А кто-то – покрытый пылью, глиной и пятнами краски – был вынужден прервать работу и отправиться пополнять запасы.

Художники. Я никогда не причисляла себя к художникам, никогда не называла свои картины и рисунки произведениями искусства, однако...

Там, где когда-то жили цвет, свет и формы, теперь осталась лишь грязная тюремная камера.

– Я устала, – сказала я, не поворачиваясь к Ризу.

Я чувствовала на себе его взгляд, но сейчас мне было все равно, поставлен у меня в мозгу заслон или нет. Хочет читать мои мысли – пусть читает.

– Можем как-нибудь прийти сюда снова, – только и сказал он. – Нам и так пора заканчивать прогулку. Время близится к обеду.

Солнце опускалось за холмы, туда, где Сидра встречалась с морем. Весь город окрасился в розовые и золотистые тона.

Меня не тянуло запечатлеть эту красоту. Горожане останавливались, любуясь изменчивыми предвечерними красками. У них была свобода любоваться своим городом когда вздувается. У них была свобода наслаждаться жизнью. Им в голову не приходило, что так бывает не везде и не всегда.

Мне вдруг захотелось наорать на них. Захотелось вытащить из мостовой камень и швырнуть в ближайшую витрину. Во мне снова забурилась неведомая сила. Выпустить бы ее наружу, показать бы им – сытеньким, довольным собой, – что сделали со мной и остальным миром, пока они тут любовались закатами и распивали чай над рекой.

– Полегче, – пробормотал Риз.

Я резко повернулась к нему, тяжело дыша. Лицо Риза вновь стало непроницаемым.

– Мои подданные ни в чем не виноваты.

Мой гнев вдруг исчез. Казалось, он долго выбирался наружу, а на последней ступеньке поскользнулся и плюхнулся, словно клякса, на белесые камни мостовой.

Ризанд был прав. Жители Велариса ни в чем не виноваты. Но мне сейчас не хотелось думать ни о них, ни о чем-либо вообще.

– Я устала, – повторила я.

Риз мотнул головой, однако спорить не стал.

– Завтра мы погуляем вечером, – объявил он, поворачиваясь ко мне. – Веларис прекращен и днем, но город строили в расчете на то, что любоваться им будут в темноте.

Наверное, так оно и есть, раз Веларис называли городом Звездного света. Разговаривать мне по-прежнему не хотелось.

А этим вечером меня ждал обед. С ним. В Доме ветра. Преодолев нежелание общаться, я спросила:

– Кто сегодня будет на обеде?

Риз вел меня вверх по крутой улице. У меня болела поясница. Неужели я так ослабла, растеряв все свое проворство?

– Там соберется мой внутренний круг. Хочу, чтобы ты познакомилась с ними и потом решила, хочешь ли здесь остаться. Если согласишься работать со мной, тебе придется общаться и с ними. С Мор ты уже знакома. Что касается еще троих...

– Это они приходили сегодня утром?

Риз кивнул:

– Их зовут Кассиан, Азриель и Амрена.

– Кто они?

Он что-то говорил об иллирианцах, но у Амрены – женщины с пронзительным голосом – крыльев не было. Во всяком случае, я их не заметила, глядя через матовое стекло.

– Они – связующие звенья внутри нашего круга, – ответил Ризанд, как будто я знала, что это такое. – Амрена – моя непосредственная заместительница.

Женщина? Увидев мое удивленное лицо, Риз добавил:

– А Мор – вторая заместительница. Только глупец может думать, будто мои иллирианские воины – главные хищники в нашем кругу.

Значит, веселая, непочтительная Мор – вторая заместительница верховного правителя Двора ночи.

– Ты лучше поймешь мои слова, когда познакомишься с Амреной. Внешне она похожа на фэйку, но сделана совсем из другого теста.

Ризанд кивнул, отвечая на приветствие супружеской пары, шедшей нам навстречу.

– Амрена старше этого города, однако до сих пор не избавилась от тщеславия. Обожают собирать разные безделушки и побрякушки, как... огнедышащая дракониха в пещере. Так что... будь начеку. Характеры у вас похожи. Стоит наступить на хвост – такое ползет. Мне совсем не хочется, чтобы она застигла тебя врасплох.

А мне большей частью было откровенно наплевать на Амрену и на то, кто она такая.

– Значит, если между нами возникнет стычка и я сорву с нее ожерелье, она меня изжарит и съест?

Он усмехнулся:

– Нет. Амрена способна на куда более крупные пакости. Когда она поцапалась с Мор, от моего любимого места отдыха в горах осталась лишь куча пепла. – Риз мне подмигнул. – Скажу больше. Я – самый могущественный верховный правитель, каких знала история Притиании. И то я отважился всего один раз прервать Амрену, поскольку мне требовалось сообщить важные вещи. Это было в прошлом столетии.

«Самый могущественный верховный правитель, каких знала история Притиании».

Это значит – долгие тысячелетия существования Притиании. Риз... Риз с его усмешками, сарказмом и глазами соблазнителя...

А Амрена – еще хуже. И старше. Значит, ей больше пяти тысяч лет.

Я ждала, что меня ударит страх. Ждала внутреннего крика, требующего найти способ отказаться от обеда. Но... ничего. А может, такая кончина была бы даже... милосердной.

Широкая ладонь легла мне на лицо. Он не сделал мне больно, просто заставил посмотреть на него.

– И думать об этом не смей, – прошипел Ризанд, бешено сверкая глазами. – Ни единой секунды.

Связующая нить между нами туго натянулась. Все заслоны в моем мозгу рухнули. Как и тогда, в Подгорье, я на мгновение переместилась из своего тела в его. Я взглянула на себя его глазами.

Я и не подозревала, что выгляжу... так.

Изможденное лицо, заостренные скулы, серо-голубые глаза, лишенные блеска, под ними – темные мешки. Пухлые губы, доставшиеся в наследство от отца, сморщились, а ключицы выпирали даже из-под теплого пальто. Я выглядела так, словно... словно гнев, горе и отчаяние съедали меня заживо, словно я опять голодала. Но это был голод иного рода: мне не хватало радости и жизни...

Потом я вернулась в свое тело и сердито посмотрела на Риза:

– Опять твои трюки?

– Нет, – хрипло ответил он, убирая руку от моего лица. – Как ты сумела пробраться? Как преодолела мой заслон? – спросил он, наклоняя голову вбок.

Я не понимала, о чем он говорит. Я ничего не делала. Всего лишь... проскользнула. Мне не хотелось это обсуждать. Особенно здесь, особенно с ним. Я торопливо зашагала вверх по склону. Мои ноги – до неприличия тощие и совершенно бесполезные – противились каждому шагу, словно я шла по раскаленным углям.

Риз схватил меня за руку – осторожно, но достаточно сильно, чтобы я остановилась.

– В чьи еще мозги ты вот так же случайно проникала?

В мозг Ласэна.

– В мозг Ласэна? – усмехнулся он. – До чего же препротивное место для прогулок.

– Нечего лезть ко мне в голову, – прорычала я.

– Твой заслон опустился.

Я торопливо вернула заслон на место.

– Ты с таким же успехом могла прокричать мне его имя.

Ризанд снова наклонил голову, внимательно поглядывая на меня.

– Возможно, тебе передалась моя сила... – Он пожевал нижнюю губу, усмехнулся. – Тогда все вполне объяснимо. Мой заслон ошибочно принимал тебя за меня и позволял проникать ко мне в мозг. Поразительно.

Мне захотелось плюнуть ему на сапоги.

– Можешь забирать свою силу обратно. Обойдусь и без нее.

Он лукаво улыбнулся:

– Сила – не подарок, который можно забрать. Эта сила привязана к твоей жизни. Единственный способ ее вернуть – убить тебя. А поскольку мне нравится твое общество, я не воспользуюсь твоим предложением.

Мы прошли несколько шагов, и Ризанд сказал:

– Тебе необходимо быть особо бдительной и не позволять своим заслонам опускаться. Особенно после того, как ты узнала о существовании Велариса. Если ты отправишься за пределы Двора ночи и кто-то, проникнув в твой разум, узнает о существовании этого места...

У него на подбородке подрагивала жилка.

– Тех из нас, кому войти в чужой разум не сложнее, чем войти в соседнюю комнату, называют «дематии». Нас мало, эта способность не передается по наследству, а является даром Матери. И тем не менее нас достаточно разбросано по всему миру, чтобы другие... в основном те, в чьих руках власть и влияние, старательно учились защищаться от наших визитов. А еще они стараются заполучить дематия себе на службу. Такие тоже находятся. Поэтому, Фейра, если ты столкнешься с дематием, не будучи защищенной, он вытянет из твоего мозга все, что пожелает. Дематии посильнее способны сделать тебя своей невольной рабыней. Ты будешь выполнять их приказы, сама не подозревая, что кто-то заставляет тебя это делать. Мои земли – тайна для чужаков. Представляешь, каким ценным источником сведений ты могла бы стать?

Неужели я еще и дематий, раз сумела залезть в мозг Ризанда? Еще один дурацкий титул, который будут произносить шепотом, едва завидев меня.

– Я так понимаю, что в войне с Сонным королевством, если она начнется, армия короля сюда не вторгнется, – сказала я, махнув в сторону города. – Значит, избалованные жители Велариса... не умеющие защищать свой разум... получают твою защиту. И пока Притиания снова будет истекать кровью, в их жизни ничего не изменится?

Я не стала дожидаться его ответа и прибавила шагу. Мое поведение было глупым и ребячливым, но душа моя сейчас напоминала море, где бушуют нескончаемые бури и где уже невозможно понять, в какой стороне суша.

Риз не пытался идти со мной рядом. Весь остаток пути до его дома он держался на шаг позади.

Некая малая часть моей личности твердила мне: «Ты сумела пережить Амаранту. Ты сумела пережить уход от Тамлина. Ты сумела пережить перемещение в это новое, странное тело...» Но эта холодная дыра в груди... я сомневалась, что сумею ее пережить.

Даже в тяжелые годы, когда припасов в доме оставалось от силы на неделю и у порога уже маячил голод, свет и цвет не исчезали из моей души. Может, став фэйкой, я что-то в себе сломала? А может, это Амаранта что-то сломала во мне.

Или я сама сломала, когда убила двух ни в чем не повинных фэйцев и мои руки потеплели от их крови.

– Ни в коем случае, – заявила я.

Мы разговаривали на крыше дома Ризанда. К вечеру похолодало, и я засунула руки в карманы пальто. Нас окружало подобие зимнего сада: несколько вечнозеленых кустарников в кадках, круглый железный стол и пара стульев – для меня и Ризанда.

Вокруг нас перемигивались огни Велариса. Казалось, даже звезды – рубиново-красные, цвета аметиста и жемчуга – опустились чуть ниже и тоже перемигивались. Полная луна изливала свет на мраморные стены зданий и мосты, отчего они казались светящимися изнутри. Откуда-то доносилась музыка: звуки струнных инструментов и негромкие удары барабанов. По обоим берегам Сидры тянулись ярко освещенные набережные, изобиловавшие магазинчиками и заведениями. Последние были полны посетителей. Спать в Веларисе ложились поздно.

Жизнь. Этот город наполнен жизнью. Я почти ощущала ее вкус у себя на языке.

Ризанд, по обыкновению, был в черном наряде, отделанном серебряными нитями. Он стоял, сложив руки на груди. Его громадные крылья слегка шелестели.

– Нет, – повторила я.

– Дом ветра надежно защищен, как и этот дом. Даже от верховных правителей. Никто чужой не сможет совершить переброс туда. Не спрашивай, кто это придумал и с какой целью. Но добраться туда можно только двумя способами. Или подниматься по ступеням, а их десять тысяч, или лететь. Поверь мне, Фейра, подниматься долго и утомительно.

Каждое его крыло оканчивалось когтем. Лунный свет делал их перламутровыми. Ризанд улыбнулся – этой улыбки я не видела у него весь день.

– Обещаю, что не сброшу тебя по дороге.

Я хмуро посмотрела на свое темно-синее платье, выбранное для сегодняшнего обеда. Оно было из плотной материи и с длинными рукавами, но с вырезом, куда и задувал холодный ветер. Поначалу я хотела одеться так же, как для прогулки по городу, но затем предпочла теплу изящество. Сейчас я ругала себя за опрометчивый выбор. Холод ухитрился забираться даже под пальто. Но если внутренний круг – это нечто вроде двора Тамлина... лучше одеться более официально. Я поморщилась на полосу ночи, лежащую между зимним садом на крыше и Домом ветра.

– Ветер порвет мне платье.

Ризанд улыбался, как наглый, самоуверенный кот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.